8ФС
Н301

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

NLRK 00270584

8ФС
Н301

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

4921к.

Записи 1937—1938 гг.

Подготовка текстов, вступительная статья и примечания *В. Чистова.*
Под редакцией *А. Н. Лозановой.*

К-ФССР
Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
КАБИНЕТ
КРАЕВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1940

1998

Сборник составлен до исторических событий конца 1939 и начала 1940 г., когда выражая волю всего советского народа, Красная Армия решительными боевыми мероприятиями обеспечила безопасность Ленинграда, Кировской железной дороги и всей Карелии.

В боях родилась двенадцатая Союзная Республика — Карело-Финская ССР.

После этой новой победы Ленинско-Сталинской национальной политики начался новый этап исторического развития народов Карелии.

За это время мастера народного творчества создали не мало песен, былин, сказок, частушек.

Настоящий сборник отражает жизнь и борьбу народа за период, предшествовавший созданию Карело-Финской ССР. Он включает произведения народного творчества за годы 1937, 1938 и начало 1939 годов.

Учитывая большое значение этих материалов в истории развития народного творчества Карелии за определенный период, Институт выпускает их отдельным сборником.

Народному творчеству, отражающему *новый* этап исторического развития Республики, Институт посвятит последующие издания.

Научно-Исследовательский Институт Культуры
Карело-Финской ССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Нет такого народа в СССР, у которого не было бы своих даровитых, талантливых рассказчиков, певцов, с большой силой и чувством славящих и воспевающих новую жизнь — радостную и счастливую. Но собирание и популяризация лучших образцов фольклора пока еще находится в резком противоречии с тем размахом, который народное творчество приняло после Великой Социалистической революции".

Настоящий сборник, является откликом на это указание в предисловии к книге „Творчество народов СССР", изданной редакцией „Правды" в честь XX годовщины Октября.

Замечательными произведениями народного творчества Карелия прославилась еще в дореволюционное время; имена многих ее сказителей-мастеров вошли в историю русского фольклора.

В нашу социалистическую эпоху мастера народного художественного слова Карелии получили всесоюзное общественное признание и высокую награду от партии и Правительства. В 1938 году трое из крупнейших сказителей: Ф. А. Конашков, М. М. Коргуев и П. И. Рябинин-Андреев приняты в Союз советских писателей, а в 1939 г. указом Президиума Верховного Совета Союза ССР (от 31 января 1939 г.) они награждены орденами „Знак Почета". Теперь уже девять карельских сказителей являются членами Союза советских писателей. Шесть сказителей награждены почетными грамотами.

Материал книги собран Карельским Научно-Исследовательским Институтом Культуры. Большая часть его записана фольклорными экспедициями Института, преимущественно в 1937 и 1938 годах. Ряд произведений прислан на конкурс по собиранию советской песни и частушки, объявленный весной 1938 г. фольклорной группой КНИИК совместно с редакцией газеты „Красная Карелия". Многие произведения присланы или принесены в Институт самими сказителями.

Расцвет творческих сил народа во всех областях жизни ярко сказывается и на развитии народно-поэтического искусства. Новое народное творчество в большинстве случаев возникает на основе старинного фольклорного богатства, которым сказители владеют. Они используют его для своих новых произведений, выражая свои мысли и переживания, свои чувства и отношение к современности устно-поэтическими художественными средствами, выработанными трудовым народом на протяжении веков. И в подлинном народном творчестве эти фольклорные, привычные народу, поэтические средства оживают: новое содержание, которое они теперь раскрывают, дает им новый художественный смысл и значение. Это творчество масс, отражающее социалистическую действительность, которую строят и творят сами массы советского народа под руководством Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков и вождя народов Великого Сталина.

Творческая инициатива сказителей, народных певцов, сказочников сейчас мощно проявляется по всей нашей великой стране.

В Карелии очень показательно возникновение новых былин — поэм. Уже приходилось отмечать [1] закономерность появления этого творчества именно для Карелии, где так полнокровно цветет былинное мастерство.

Сказители Карелии, владея былинным репертуаром и былинными приемами, унаследованными от старших поколений былинных мастеров, с большой настойчивостью избирают именно поэтическую форму былины для изображения героики современности. И это не случайно. Для трудовых масс Карелии, даже для тех, кто сам не помнит и не может самостоятельно передавать былины, содержание и приемы былинного творчества, как в целом, так и в отдельных его проявлениях близки понятны, насыщены жизненным содержанием.

Традиция высокохудожественной причети, особено среди женского старшего поколения, жива и творчески действенна в Карелии до настоящего времени. На основе старинных причитаний слагаются новые произведения — плачи-сказы. Мастерицы причети, взволнованные общественным горем — смертью героя, которого знала, любила вся страна, выражают свое отношение к событию и свою скорбь в виде плача-сказа. В сознании, в сердце каждой женщины живет родной, свой образ Ильича; с ним связано начало новой радостной жизни. И в Карелии создан целый ряд замечательных по силе чувства плачей-сказов о великом гении социалистической революции. Записаны также плачи-сказы о незабвенном Кирове, о Горьком, о Чкалове и ряд других.

В значительной мере эти новые произведения и былины и сказы-плачи складываются на основе знакомства с биографическими материалами о жизни и деятельности героев нашей страны.

---

[1] А. Н. Лозанова. Новый этап развития народного творчества. Альманах „Карелия", Петрозаводск, 1938 г.

Большое влияние на новое творчество имеет радио, книга, газета, кино, тяга сказителей к самообразованию.

Особо следует отметить роль некоторых фольклорных изданий. Например, небольшая книжечка „Сказы и плачи о Ленине" 1-е и 2-е издания Карельского Научно-Исследовательского Института, Петрозаводск, 1938 г. — имеет довольно широкое распространение в районах Карелии и содействует подъему творческих сил и соревнования. Так, в районах Беломорья приходилось слышать отзывы о помещенных в книжке плачах-сказах. Читатели отмечали правдивость плачей и выражали желание создать еще новые, может быть даже лучшие. Несомненный подъем творческой инициативы в области современной тематики вызывает знакомство и с другими фольклорными изданиями, например, „Творчество народов СССР". Массовое издание этой книги в целом и по частям (Ленин, Сталин, Красная Армия) становится все более и более известным в районах Карелии. Творческую инициативу развивает также печатание фольклорного материала в центральных и местных газетах, портреты сказителей, отклики на главнейшие события их творческой деятельности и жизни.

Внимание к народному творчеству со стороны партии и Правительства, чуткая забота о сказителях, награждение лучших из них орденами и почетными грамотами, прием в члены Союза советских писателей, особо подымает значение народного творчества в глазах самих сказителей, окружающей их среды и всей советской общественности. Из личного узкого любительства народное творчество превратилось в мощное общественное движение.

Большое значение приобретают за последнее время встречи сказителей, их общественные выступления, возможность слушать друг друга, делиться своим мастерством и творческими замыслами. Такие встречи были организованы КНИИК совместно с ССП Карелии в июле 1938 г., затем в Октябрьские дни (1938 г.); в мае 1939 г. КНИИК была проведена широкая конференция сказителей с приглашением участников не только из Карелии, но и из других республик. В июне 1939 г. ряд карельских сказителей был вызван на конференцию мастеров народного творчества в Москву.

Большая часть крупных произведений, помещенных в сборнике, пока еще не имеет повсеместного массового распространения. Однако, можно уже говорить о начале этого процесса. Так, известны довольно частые случаи исполнения сказителями сказок, былин, сказов не только в кругу своей семьи и знакомых, но и в клубах, избах-читальнях, в школах. Нередко сказители сами сообщают, что отдельные их произведения созданы в связи с ознакомлением (путем слушания или по печатному тексту) с произведениями других сказителей.

Процесс создания новых произведений развивается все более. В самых различных местностях Карелии создаются произведения на одну и ту же тему: сказы-плачи о Ленине, песни об изгнании

белых с различных пунктов карельской земли (Видлицы, Кимасозеро, Тулокса и т. д.) былины и частушки о разгроме японских самураев советскими героями у озера Хасан, плачи о Чкалове и много других. Таким образом массовость произведений сейчас не только в переходе одной и той же песни, былины, сказки, частушки из уста в уста, но и в самом факте возникновения в различных местах однотипных произведений с одинаковой тематикой. Сказители и певцы — передовые люди своего народа раньше других схватывают и в образах передают всем то, что близко и родственно каждому трудящемуся.

Из произведений бытующих следует отметить новые песни, которые зародились на основе давно известных: хороводных — плясовых, колыбельных песен иногда, эпических или книжных, но уже вошедших в песенный фольклор.

В широкое бытование втягиваются теперь и те песни, которые складываются или разучиваются хоровыми коллективами. Они приобретают массовую известность через местные хоровые кружки, например: „Песня радости", песня „о Папанине", сложенные заслуженным деятелем искусств Карелии В. П. Гудковым, песня лесорубов, сложенная для хора Петровского района, карельская „Непрерывная песня" М. А. Ремсу, песня о Сталине В. И. Кононова, исполняемая шелтозерским хором.

Массовое распространение имеют частушки. Многие из них складываются индивидуально, но как известно, они особо быстро переходят из уст в уста в силу остроты своего содержания, простоты и привлекательности напева, а также исполнения коллективного или в присутствии коллектива.

Таков материал сборника. Все эти произведения — результат большого творческого подъема, охватившего широчайшие трудовые массы Советской страны. Это общесоветское народное творчество, но развивающееся в местных условиях Карелии.

Книга рассчитана на широкие читательские круги. В виду этого, текстовой материал здесь представлен почти без соблюдения диалектических особенностей и иногда с небольшими сокращениями.

Материалы, издававшиеся Карельским Научно-Исследовательским Институтом Культуры ранее, как например, „Сказы и плачи о Ленине", „Сказания о героях Арктики" печатаются по текстам, хранящимся в фольклорном архиве КНИИК. Некоторые материалы даны в повторных записях.

Произведения карело-финского народа—карельские и вепсские тексты печатаются в литературных переводах, сделанных по возможности с самого точного подстрочника. В работе над переводами были приложены все старания для наибольшего приближения к подлиннику. Лишь единичные переводы печатаются в обработке.

Вступительная статья В. В. Чистова, построенная в виде небольших очерков, имеет целью ознакомить читателя с условиями жизни, быта и народного творчества Карелии.

Текстовые материалы даются в окружении народного изобразительного искусства: вышивок, кружевоплетения, ткацких работ, резьбы по дереву.

В целях художественного оформления были использованы коллекции Музея Этнографии Академии Наук СССР, — фонды Карельского отдела Ленинградского Этнографического Музея, также материалы Карельского Государственного Музея и Карельского Союза Промысловой Кооперации.

А. Лозанова

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

„В каждую семью, в каждый дом вошло добытое в октябрьских боях всенародное счастье. И, вместо прежних, старых песен, пришли в деревню песни о новой жизни, о прекрасном счастьи, о любви к родине; сплетаются новые песни из задушевных, проникнутых любовью слов, посвященные тем великим людям, которые привели нас к прекрасному настоящему — славным большевикам партии Ленина — Сталина". — Так писали М. И. Калинину колхозники-карелы колхоза его имени (деревня Мяндусельга Медвежегорский район).[1]

Через эту деревню в 1904 году проходил Михаил Иванович Калинин, сосланный царским правительством в далекий и глухой тогда Повенец. „Повенец — свету конец" говорила народная поговорка, а теперь в Карелии говорят: „был Повенец — свету конец, построили канал — свет засиял".

В Повенце начинается Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина.

Идущие от души колхозного крестьянства слова из письма колхозников Мяндусельги могут быть эпиграфом настоящей книги народного творчества советской Карелии. Каждая новая песня, былина, сказка — это мысли и чувства народа, построившего социалистическое общество, народа, воспевающего социализм.

Из отсталой аграрной колонии царской России Карелия превратилась в одну из передовых советских республик. Если накануне империалистической войны на всех предприятиях Олонецкой губ. было занято около 2-х тысяч рабочих, то уже к концу 1938 года количество их превысило 67 тысяч. Совершенно преображены старые предприятия (Онежский завод, лесозаводы, гранитные разработки и т. д.), мощность всех электростанций Карелии к началу 1939 г. превзошла довоенный уровень более чем в 53 раза.

---

[1] „Красная Карелия" — 28-го июня 1938 г., № 149.

Выросли новые предприятия республиканского и общесоюзного значения (Кондопожский комбинат, Сегежский бумажно-целлюлозный комбинат и др.); во второй пятилетке созданы горно-нерудная и пищевая промышленность.

Плановость и механизация, увеличение объема работы в корне изменили лесное хозяйство Карелии. Она по праву считается сейчас лесной жемчужиной.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства и рыболовецких промыслов положила конец нищете и разорению деревни. Вместо сох, косуль и деревянных борон царского времени, поля Карелии имеют теперь комбайны, сотни тракторов, и других сельскохозяйственных машин. А до революции карельская деревня, применяя первобытный подсечно-огневой способ ведения хозяйства, нищала все более и более. В дореволюционной Олонии было более 2000 церквей, 17 монастырей и только 13% грамотных среди не русского населения. В „Правилах постановки школьного дела" царская администрация прямо указывала на то, что школа должна отучать детей от карельского языка. Сейчас в Карело-финской республике заканчивается ликвидация неграмотности, проведено обязательное начальное обучение, в школах обучается 76 тысяч детей, в ВУЗах и техникумах республики около $4^1/_2$ тысяч человек.

Хлеб с примесью коры был прежде уделом народа, недаром ходила поговорка: „карел — кору ел". А сейчас жизнь трудящихся Карелии, все более развивающих стахановское движение, с каждым днем становится зажиточнее и культурнее. Колхоз „Правда" Пудожского района в 1937 г. выдал на трудодень каждому колхознику по 6 килограммов хлеба, не считая других продуктов и денежного дохода. Таких колхозов становится все больше. Среди участников Всесоюзной с-хоз. выставки 1939 года — 42 колхоза и 6 совхозов Карелии. Участниками выставки утверждены также 55 передовиков — знатных людей колхозов Карелии. Знатный лесоруб тов. Готчиев, зарабатывает более 2000 рублей в месяц.[1] Из подневального труда на эксплоататоров труд превратился теперь в дело чести и доблести. Новое отношение к труду и социалистической собственности прочно входит в повседневный быт. Это отражается и в поговорках — приветствиях. Не слышно теперь старого приветствия „бог на помощь". Вместо этого часто можно услышать: „слава труду", или „труд на пользу", пожелание хорошего урожая и новых успехов.

Бдительно охраняет советский народ границы родины. В Карелии десятки раз нарушители границы задерживались самим населением. Старушка-карелка из Сегозерского района, — сообщает сказитель Т. Е. Туруев, — больная и слабая, которая и ходила то, казалось, еле передвигая ноги, пробежала за полтора часа 10 километров, чтобы предупредить пограничников о замеченных ею на-

[1] Отметим, что средний заработок лесоруба и сплавщика за весь сезон (5–6 мес.) в 1904 году, составлял 22 рубля.

рушителях границы. Социализм прочно вошел в быт народа Карелии. Вместе со всей страной Республика мобилизует все силы для дальнейших шагов к коммунизму в третьей сталинской пятилетке.

II

„Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались.
Чтобы взморье богатело,
И весь край был полон хлебом!..“

Так мечтал народ в своих национальных эпических песнях.

В. И. Ленин говорил, что в фольклоре выражены народные чаяния и ожидания. Ленин определил суть, самое основное в содержании фольклора.

Об устном народном творчестве советской эпохи можно сказать, что оно прежде всего отражает исполнение желаний, осуществление сокровеннейших чаяний и ожиданий народных.

Веками трудовой народ был закабален, эксплоатировался, но никогда не терял способности к творчеству, к художественному слову. Сквозь столетия нищеты, подавленности и голодной жизни в подневольном труде за кусок горького, омытого своими же слезами хлеба, пронес народ волю к счастью, к свободе, создавая в устном творчестве свою историю.

И сейчас, когда люди труда впервые в истории человечества вздохнули свободно, построили социалистическое общество — невиданно широко и красочно развернулось и народное творчество.

Счастливой свободной жизни, действительных прав на труд, на отдых, на образование народ добился благодаря руководству партии Ленина-Сталина. Поэтому песни о добытом счастьи — это песни о Ленине, о Сталине, о партии большевиков. Жирши и акыны, ашуги, сказители былин и сказочники нашей страны создали задушевные и искренние, высоко художественные произведения о своих вождях. „... Фольклор в наши дни возвел Владимира Ленина на высоту мифического героя древности и равного Прометею“ (М. Горький). С солнцем, с красивейшими явлениями природы, с лучшим, что только знает человек, сравниваются в народных произведениях Ленин и Сталин.

Рабочий Онежского завода Ф. П. Господарев сложил сказку „Как мужик и рабочий правду искали“. Здесь по-новому развернут известный в мировом фольклоре сюжет о поисках правды. Сказка советской эпохи рассказывает о найденной народом правде.[1] В сказке Господарева традиционные сказочные мотивы, образы, все содержание подчинены идеологии пролетария. Побывав у помещика, фабриканта и царя, добившись только плетей казацких от „царя-

[1] См. также сказки в сб. „Творчество народов СССР“ — „Ленинская правда“ (Белорусская ССР) и сказку „Самое дорогое“ (Карельская АССР).

батюшки" — рабочий и мужик приходят к выводу: помещики дерут кожу, фабриканты дерут кожу, тако само и царь-батюшка". Продолжая свой путь, они иронически замечают: „они дерут с нас кожу, а мы хоть с картошки подерем, потом что больше питания нету".

В сказке показано, как изменяется мировоззрение рабочего и крестьянина, когда им открывается ленинская правда: от пассивного сопротивления — к агитации на заводе и непосредственному участию в революции, — таков их путь под руководством Ленина. „С тех пор и пошла ленинская правда. И уж который год идет она и мы должны за правду держаться всегда и не погибнем никогда".

Женщины Карелии создали плачи, сказы, песни о Ленине. Они рассказывают о том, что дала им Великая Социалистическая революция и что связано в их личной жизни с именем Ленина. И поэтому, несмотря на явную преемственность форм традиционного народного плача, эти произведения уже не только причитания по ушедшем навсегда дорогом человеке, не только глубокое горе, но и рассказ о себе, о раскрепощении женщины, о новой жизни. Вспоминая о Ленине, неизменно обращается сказительница к прошлому:

„...Мы жили, многобедные:
У нас горюшка — три морюшка,
Слез-то было — три озерушка,
Не смотрел никто на бедну женщину,
Не помогал никто да нашим детушкам".

Зато теперь есть и „широкие полюшки хлебородные", и „лугушки зеленые", и „культурная жирушка[1] веселая" и права на труд, на отдых, на образование. Дело Ленина в верных руках:

„Расскажу я вам, сестрицы милые,
А вы идите в города Сталина[2]
Передал Ильич да он Иосифу,
Он Иосифу да свои знания..."

Новый мост в Пудоже, гранитные разработки, строительство Беломорско-Балтийского канала — все связывается с именем вождя:

„У товарища у Сталина
Как от морюшка от Белого
До того ли озера Онежского
Протекала речка новая, широкая
Под названием канала Беломорского".

[1] Жирушка — жизнь.
[2] Т. е. город, где живет т. Сталин, Москва.

К Сталину идут колхозники (сказка „Самое дорогое“) разрешать свои споры, узнать, как им лучше жить. И простые слова вождя становятся для них самыми дорогими. Неисчерпаема любовь народа к Сталину. Вслушайтесь в слова вепсской песни:

Только солнышко яркое встанет,
Будет ветер играть веселей
В поле все тебя чувствуем, Сталин,
Видим в каждой работе твоей.

С огромной радостью встретили трудящиеся согласие товарища Сталина баллотироваться на выборах в Верховный Совет Республики, с большим подъемом голосовали за первого своего депутата. И в эти же дни рождалась песня:

„Льются волны, плещут волны
На Онежских берегах:
Дал согласие нам Сталин
Выбираться в округах“.

„Мы по-новому жить стали,
И колхоз у нас богат.
В бюллетенях пишем: Сталин —
Наш карельский депутат!“

Через весь фольклор — проходит родной образ простого и близкого, великого человека — капитана страны социализма.

„Кто промолвил нам мудрое слово?
Кто свирепых врагов превозмог?
Кто на северном небе суровом
Конституции солнце зажег?
— Это Сталин — великий и мудрый,
— Это Сталин — любимый страной,
— Это Сталин — чудесное утро
Всех народов отчизны родной“.

III

Трем охотникам однажды встретился незнакомец. Охотники спросили его: откуда он родом, как попал в пограничную местность. Человек начал перечислять названия окрестных деревень, рассказывать, что неподалеку находится могила его деда, что и охотникам-то он приходится чуть ли не родственником. Но охотники не поверили сладким речам незнакомца:

„Не родня ты вовсе наша,
Ты родня, быть может, волку:
Как вредят хозяйству волки,
Так и ты хотел бы сделать.
Ну-ка, где же дедов крестик?"
Взяли крепко незнакомца:
„Куда следует, доставим"...
Повели его, да прямо —
На советскую заставу".

Песня эта сложена А. Ф. Никифоровой размером старых карело-финских эпических песен.

Белофинны, засылая на советскую территорию шпионов и диверсантов, вербуя изменников родины из подлого троцкистско-бухаринского охвостья, вредили во многих областях промышленности, лесного и сельского хозяйства, культуры, всеми силами старались задержать развитие республики. Не вышло: советская разведка разоблачила эти контрреволюционные гнезда.

Враги народа убили одного из лучших строителей новой жизни — пламенного трибуна, непоколебимого сталинца, Сергея Мироновича Кирова. Карело-финский народ скорбит об этом вместе со всеми трудящимися страны:

„По тебе, Сергей Миронович,
Плачет вся земля советская" —

восклицает Е. С. Журавлева в плаче о Сергее Мироновиче. „Проклятие убийцам Кирова!" — такую песню создали карельские колхозники. Никогда не забудется это злодейское убийство.

Враги народа погубили великого писателя, Алексея Максимовича Горького. И этой жертвы не забудет народ.

Карельская вопленица создала об Алексее Максимовиче проникновенный плач-сказ:

„И ты не знал, что в твоем тепловитом
гнездышке
И жили гады с тобой ползучие,
И губили твою жирушку бесценную,
А как узнали мы про змею лютую..,
Мы бы рады были на месте растерзать его,
Хоть отрезать ему серпом голову.
И спасибо суду пролетарскому,
Что уничтожил их, собак злющих".

Враг советского народа изображается в народном творчестве традиционно-фольклорными средствами. Однако — характеристика этого врага не архаична. Традиционные образы получают новое развитие и осмысление. Например, сказитель Н. В. Кигачев

в своей новой былине „О разгроме Деникина“ следующим образом оттеняет типичные черты врага народа, лживого предателя и завистника:

„Неладно мы, ребятушки, удумали,
Отправили на поле против Деникина
Неверного воина — злодея Троцкого.
В нем ведь нету духу советского,
У него глаза ведь завидущие,
Он увидит у Деникина
На плечах погоны золоченые —
Он этим погонам позавидует
И сам таки погоны носить задумает:
Он погубит нашу всю силу ратную,
Он предаст нас всех, богатырей,
Всех удалых добрых молодцев
И советских славных воинов,
Что тому-ль злодею Деникину
И запустит его в Москву советскую...“

Навеки прокляты народом изменники родины — все эти троцкие и бухарины, прокляты в жизни и в песне.

Советский народ находится в состоянии постоянной мобилизационной готовности. И об этом в художественной форме рассказывают народные певцы; их песни прекрасно агитируют за активную подготовку к обороне, напоминают, что внешний враг может напасть в любую минуту, напоминают о бдительности.

В годы гражданской войны, по окончании Видлицкой операции тов. Сталин прислал отважным бойцам телеграмму: „Горячо приветствуем самоотверженную команду героев-красноармейцев и славных моряков, разгромивших гнездо врагов России у Видлиц. Уверены, что Рабоче-Крестьянская Россия оценит ваш доблестный подвиг. Мы ждем от вас также побед и на Петрозаводском участке“.

Памятен народу и легендарный поход Тойво Антикайнена к Кимасозеру. И об этом сложены карело-финские и русские песни и сказы.

Финский офицер-белобандит Т. с целью приобрести популярность, назвал себя именем героя Калевалы — „Ильмаринен“. Но народное творчество оценило по заслугам этого белобандита:

„Илмаринен“, в эту пору в это времячко,
Без штанов генеральских в окно вылетел.
(Ему жалко, что суп да недохлёбаный),
Позабыв Серка, он без коня бежал;
Не успел он на опушку леса выбежать,
Как от славного отряда Антикайнена
Прилетел ему в головушку подарочек.
Повалился Илмаринен, как скошенный сноп,
Полилася кровь ручьем из головы его;
А лахтари бежали, не оглядываясь,
А до самой до границы до Финляндской“.

И так будет со всеми, кто посягнет на свободу народа:

„Не надеть на нас оковы,
Мы из них повыросли“,

поется в русской песне.

Фольклор Карелии отразил и события у озера Хасан. В своих сказах и песнях на эту тему народ Карелии обещал сделать каждое из многочисленных карельских озер такой же могилой врагам, какой стало озеро Хасан для японских самураев.

Матери, провожая своих сыновей в армию, любовно наказывают им беречь границу, не пропустить ни одного врага. Можно говорить уже о целом цикле песен о проводах сына в Красную Армию.

Тема защиты родины проходит через весь фольклор. О бдительности и готовности охранять свои завоевания говорится в сказках, и в новых былинах, и в сказах-плачах.

„Постройте-ка стены везде да каменны,
Наш любимый Иосиф Виссарионович.
И поставьте кругом стражу великую:
Чтобы не было злодеев и лиходеев,
Продажных изменщиков,
Чтобы не нападали на нашу великую родину...
... У нас ведь есть много сердечных детушек:
Мы дадим тебе защитников и заборонщиков!“

(Сказ о Ленине Ф. И. Быковой)

Трудно найти такое событие в истории советской страны — мелкое или крупное, которое не нашло бы отражения в фольклоре. В песнях, в сказах — весь народ наш, вся его жизнь — работа, отдых, учеба, встреча героев-папанинцев, чествование лучших людей и гневная расправа с врагами, радость успехам Стаханова и Кривоноса и выборы верховных органов власти. Читатель найдет в книге новые колхозные песни, серьезные, веселые, песни трактористов, лесорубов, рабочих Онежского завода.

Фольклор Карелии откликается и на завоевание Арктики советскими полярниками:

„Весь народ их приветствовал
О их подвигах песни складывал“.

О герое Советского Союза И. Д. Папанине сложены сказки, былины, песни, полные восхищения и гордости:

„И тебя народ карельский
Ныне шлет в Совет Верховный,
Чтобы сталинское дело
Ты свершал на благо миру“.

* * *

Самый пожилой из награжденных сказителей — Федор Андреевич Конашков. Ему 79 лет, он родился еще при крепостном праве. Неграмотен. — „Не отдам я в ученье своего внука, — заявил дед Федора Андреевича, у которого он воспитывался, — за уши рвать. Мой внук и неграмотным будет на поляну навоз возить". После революции Федор Андреевич стал чаще сказывать замечательные свои былины, сказки, он запел о новой жизни — создал былины-сказы о Ленине, Сталине, Кирове, об Иване-богатыре, пограничнике, защищающем свою родину от японских самураев (былина создана в 1937 году). В этой былине замечательно выражена мысль о бессмертии народа. Смерть пограничника оплакивается всем народом. На место погибшего пограничника встают братья, винтовка не выпадает из рук, а переходит в другие руки:

„Да и говорит японский нáбольший:
Мне сказали, что Ивана и в живых-то нет,
А Иван на меня войной идет!"

4921/к.

* * *

Долгими вечерами, на отдыхе рыболов-бригадир рассказывает ловцам сказки. С большим вниманием и удовольствием слушают рыбаки о чудесных похождениях простого мужика, о храбрости, удальстве сказочных героев. Сказки его — красочные, занимательные. В старинные сказки он вносит большие творческие изменения, вариации. Одна из самых любимых сказок — „Про Чапая", о подвигах знаменитого народного героя; сложил ее сам Матвей Михайлович Коргуев, бригадир рыболовного колхоза села Кереть Лоухского района, хороший рыбак и активный колхозник. [1] Память у Матвея Михайловича замечательная: он помнит 125 сказок; помнит, когда, где, при каких обстоятельствах услышал ту или иную сказку, где сам ее рассказывал. Интересен Коргуев как сказитель и тем еще, что от матери-карелки он знает эпические песни на карельском языке. Дочь Коргуева переняла от отца более 20 сказок.

Большой радостью для Коргуева были вызовы его в Ленинград, Москву, рассказывание сказок в рабочей, научной, детской аудитории. Его сказка „Смерть Чапаева" напечатана в книге „Творчество народов СССР". Летом 1938 г. М. М. Коргуев был принят в члены Союза Советских Писателей, в 1939 г. награжден орденом „Знак Почета". КНИИК изданы два тома его сказок („Сказки Карельского Беломорья", Петрозаводск, т. I, 1939 г. и т. II, 1940 г.).

[1] Во время печатания книги пришло сообщение о том, что М. М. Коргуев избран депутатом Верховного Совета Карело-Финской ССР. К-ФССР

Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
КАБИНЕТ
КРАЕВЕДЕНИЯ

* * *

Орденоносец Петр Иванович Рябинин-Андреев является представителем знаменитой семьи сказителей былин Рябининых. Былины записывались еще от прадеда Петра Ивановича, а деда его — Ивана Трофимовича — возили петь былины в Петербург. Петр Иванович перенял 7 былин от отца и былину „Вольга Святославич и Микула Селянинович" — от деда.

Родился Петр Иванович в 1905 г. в дер. Гарницы Сенногубского сельсовета Заонежского района, где и живет все время, работая смотрителем сигнальных знаков на Онежском озере. В 1932 г. семья Рябининых вошла в колхоз. П. И. Рябинин грамотен, читает газеты и книги, слушает радио. В деревне он ведет общественную работу, являясь пропагандистом-антирелигиозником. В настоящий сборник вошли лучшие опыты Петра Ивановича по сложению новых былин: „О Ворошилове" „О Чапаеве" и „О Тойво Антикайнен". Былины поет и сын Петра Ивановича — семилетний Вася. Он знает отрывки из двух старых былин и „Былину о Чапаеве", сложенную отцом. Былины П. И. Рябинина выпущены КНИИК отдельным изданием (Петрозаводск, 1940 г.).

* * *

Биография выдающейся певицы карело-финских эпических песен и сказочницы, Марии Андроновны Ремсу (Калевальский район, с. Вокнаволок) — это биография тысяч трудящихся женщин. Тяжелая трудовая жизнь, бедность, обостренная многодетностью, нужда, никакого понятия о грамоте. И только на склоне лет Мария Андроновна стала жить другой жизнью, о которой раньше и не мечтала.

В своих песнях теперь она радостно воспевает настоящее, ей хочется вложить и свою долю в общее строительство новой счастливой жизни. С детства Мария Андроновна отличалась любовью к песням, рунам, сказкам. От нее записаны первоклассные образцы эпических песен, исключительные по художественности лирические песни, больше 20 сказок. Много своего, творческого, вносит Ремсу при их исполнении, и поэтому она легко создает новые произведения на современные темы. Социалистическое преобразование деревни М. А. Ремсу прекрасно понимает и отражает в художественных образах. Она создала интересную „непрерывную песню" о новой жизни в своей деревне; начала ее в Вокнаволоке и предложила подхватить всем, продолжать песню, показать в ней, каких побед добилась ее родная страна, как расцвела ее республика под солнцем Сталинской Конституции.

* * *

Другой выдающийся сказитель-карел, колхозник Тимофей Ефимович Туруев (род. 1877 г.), участник гражданской войны, интересен тем, что он поет русские былины (об Илье, о Дюке и др.) на карельском языке, осуществляя творческую связь двух братских народов. Он сложил на карельском языке былины о Ленине, Сталине, Кирове и Чапаеве и сам их перевел на русский язык.

* * *

Анна Николаевна Корешкова — колхозница Пудожского района, создала плач-сказ о Ленине. Как и другие женщины-сказительницы, она вложила в него личные свои переживания. Она вспоминает о тяжелой женской доле в царское время:

„Как венчали нас по-строгому:
„Будь жена мужу покорная,
Голова да будь поклонная,
Ты, жена, мужа ухаживай,
Мужу пьяному уважывай,
Ты, жена мужу законная,
Голова да будь поклонная".
Как проклята была жирушка
Нам, бессчастныим головушкам"...

Для нее Ленин велик и близок прежде всего тем, что под руководством его произошло освобождение женщины от „проклятой жирушки".

Анна Николаевна, широко известная в своем районе мастерица петь и причитать, была одним из организаторов коллективного огорода, который затем перерос в колхоз. Она быстро поняла, что песня может быть агитационным средством за коллективный труд. И вместе с другой песенницей и организатором огорода Лукиной, она складывает „Песню о коллективном огороде".

„Будет, бабы, вам стремиться,
Хлеб с волнухами жевать!
Не пора ли коллективно
Нам тут овощи пахать?[1]
В одиночку не под силу
Воду ведрами таскать:
Коллективом мы ушатом
Будем поле поливать", и т. д.

[1]) Пахать в более широком чем обычно смысле слова — возделывать.

Руководя в колхозе огородным хозяйством, Анна Николаевна здесь, на севере, где и не знали прежде, как сеять огурцы, морковь, сумела получить большие урожаи огурцов и вырастить лучшую морковь, что повлияло и на общий подъем колхоза.

* * *

От бывшей работницы Сорокского (г. Беломорск) лесозавода, Феклы Ивановны Быковой, записано более 100 поморских песен. 33 года проработала она на заводе. За песни, за умение причитать, знает ее там каждый рабочий и молодой и старый. Человек удивительной энергии, Фекла Ивановна после революции быстро росла на работе, пройдя через ряд профессий: от сторожа и уборщицы до машиниста паровой машины. Сейчас она на пенсии и очень сожалеет, что ей уже шестьдесят лет: „была бы мола́да — в наше время летчицей бы стала". Сказ о Ленине, созданный Феклой Ивановной, мы отмечали уже выше. Ф. И. Быкова создала замечательные плачи о трагически погибших героях Советского Союза В. П. Чкалове и М. М. Бабушкине.

Трудно было Фекле Ивановне воспитать детей, но она гордится, что ее дети в боях отстаивали советскую Карелию: младший ушел на фронт тринадцати лет.

Часто говорит Фекла Ивановна о помощи и внимании к женщине-матери и детям в наше время. Она создала новые байки, очень хочет, чтобы матери, укачивая детей, не пели больше старых, грустных баек, а пели бы новые песни о радостной жизни, которая ожидает их детей:

„Защищать ты будешь, милый,
Родину свою,
Спи-ко, спи-ко, сын любимый.
Баюшки-баю!
Ты будь верным, сын мой милый,
Сталину — отцу,
Ты люби вождя и друга,
Родину свою.
Спи, сыночек мой прекрасный,
Баюшки-баю!"

* * *

Одной из выдающихся сказательниц была скончавшаяся в ноябре 1938 г. карелка Мавра Максимовна Хотеева; большую часть из печатающихся новых произведений она создала за последние два-три года. Тогда Мавре Максимовне было свыше семидесяти лет.

Темной и безрадостной была ее жизнь до революции в семье с нервно-больным отцом, с семнадцатью братьями и сестрами. Приходилось батрачить за гроши — пилить дрова, работать перевозчицей на озере Куйтиярви: „в дороге сутки, а плохая погода — и больше, а заработок—15—20 копеек".

Мавра Максимовна отводила душу в песнях. Много она их знала, и сама составляла новые.

Иной стала жизнь Хотеевой после Великой Октябрьской Социалистической Революции. Одной из первых вступила она в колхоз, старательно работала в нем, радовалась, видя, как живут ее дети, которым уже не приходится гнуть спину перед кулаком..

Она сложила сказы о Ленине, о Сталинской Конституции, о походе Тойво Антикайнена, песню о наркоме Ворошилове.

М. М. Хотеева мечтала побывать в Москве — увидеть великого Сталина, спеть ему песни о том, чем был и чем стал трудовой народ ее родины:

„Если бы попала я
Вдруг в Москву,
Увидела-б мавзолей и Ленина!
Ну, а если-б встретила
Самого любимого, —
Таяли-б слова той песни,
Что я спела-б Сталину,
Молодость вернулась бы!
Я о жизни нынешней
Много песен спела бы!

* * *

Можно было бы бесконечно рассказывать о жизни и дарованиях творцов нового фольклора.

Талантливая сказительница былин, мастерица причети и песни Анна Михайловна Пашкова (Пудожский район) сложила сказы о Ленине, о стране Советов, о раскрепощенной женщине, плач о Чкалове. Сказочник — карел, колхозник т. Исаков, премированный за задержание нарушителя границы, сложил на карельском языке сказку на эту тему. А. Ф. Никифорова, одна из лучших исполнительниц эпических песен, сложила на карельском языке „Песню о поимке шпиона". Помор-рыболов Ф. Н. Свиньин — участник экспедиции Седова, знающий более 100 сказок, сочинил 6 новых сказок. Сказитель былин Н. В. Кигачев, одаренный импровизатор, создал новые былины „О разгроме Деникина", „О бойце Зырянове" и другие. А. В. Ватчиева — заведующая скотным двором в колхозе, знающая и карельские и русские песни, сложила исключительные по теплоте и лиризму плачи о Ленине, о Кирове.

Сказитель былин, активный колхозник-бригадир М. Е. Самылин, воспел в новых былинах-поэмах героизм челюскинцев и папанинцев.

И десятки других сказителей — народных певцов Карелии, — все они не только хранят в своей памяти перешедшее к ним от отцов и дедов народное искусство, но, не расставаясь с богатствами национальной культуры, поют новую жизнь, поют впервые полным голосом, и песни их разносятся над родной землей, зовут к новым победам, помогают труду и борьбе.

В. Чистов

ЛЕНИН

ПО ТВОИМ ЗАВЕТАМ

Мне ночесь[1] ли мало спалося,
Все во сне грозно казалося,
Думушка зашла за думушку,
Во всю ли ночку темную
Мои очи не смыкалися,
Уж я то̀ умом подумала:
Как во эту ночку темную,
Прошло четырнадцать ли годиков,[2]
Как не стало у нас Ленина.
Кабы мне найти бы крылышки,
Одни крылышки орлиные,
А другие соколиные,
Поднялась бы высокошенько —
Выше ле́сочку стоячего,
Ниже облака ходячего,
Полетела бы прямёшенько
Я за матушку Москву-реку́,
На Красну площадь бы спустилася,
К мавзолею попросилася.
Подошла бы поблизёшенько,
Я сказала бы тихошенько
Ильичу да я Владимиру:
„Наше красное ты солнышко,
Что вставай-ка ты на резвы́ ноги,
Ты открой-ка свои ясны́ очи.
Пробай-ко ты, прогово́ри
Хоть одно со мной словечушко,
Преоблегчай-ка, пожалуйста,
Мое печальное сердечушко.

[1] Этой ночью.
[2] Сказ сложен в 1938 году.

Уж как были Ленин со Сталиным
Друзья верные, неизменные,
Что у Ленина намечено,
То у Сталина исполнено.
Посмотри-ка кругом — около,
У нас все переменилося:
Как поля цветут колхозные,
Наши детушки бедняцкие
В высших школах обучаются
Наши женщины крестьянские
В Совет Верховный выбираются,
Наши парни деревенские
Соколàми вьются в воздухе,
Наши девушки крестьянские
По полям да водят тракторы
На полях да на колхозных
Овсы растут бронистые,[1]
А жита зернистые,
Рожь да колосистая.
Наши дома — чаша полная,
Что колхоз — да то одна семья.
На деревни на крестьянские
С неба звездочки свалилися:
Наши хаты деревенские
Электричеством да осветилися".
Как еще скажу я ласково
Как товарищу я Ленину:
„Посмотри-ка ты, порадуйся,
Как у брата у названного,
У товарища у Сталина,
Как по кòрбушкам [2] дремучиим,
По болотушкам топучиим
Всё дороженьки построены".
Как еще скажу я Ленину,
Ильичу скажу родимому:
„По твоему ли повеленьицу,
По твоему ли завещаньицу
Нас ведет ко счастью Сталин наш.
Как по той, по ленинской дороженьке
Мы идем со Сталиным, как с Лениным.
Знает он все наши думушки,
Все нужды́ наши крестьянские.
У нас нет теперь неволицы,
Нет ни вдов, сирот-солдаток горькиих.
Одна теперь у нас дороженька —

---

[1] Колосистые.
[2] Сырое низкое место в лесу, чаща, трущоба.

К счастью — светлая, широкая.
Как нас по этой по дороженьке
Ведет родная наша партия.
Только враги народа честного
Счастью нашему завидуют.
Только этую дороженьку
Не развеять ветру буйному,
Не разбить ни громом и ни молнией,
Не залить рекою быстрою"!

КАК РАБОЧИЙ И МУЖИК ПРАВДУ ИСКАЛИ

Жил бедный мужик в деревне. Помещик его куда пошлет — он должен итти. У мужика ребят было много, тяжело семейство кормить. Он подумал: „Как я буду жить? Пойду я искать правды.“ Вот идет дорогой, встречается рабочий.

— Куда идешь, товарищ?

— Да иду правду искать.

— Я тоже иду правду искать!

— Ну, пойдем вместе, вдвоем лучше.

Вот они пошли. И стоит помещика дом.

— Давай, товарищ, зайдем сюда.

Зашли они к помещику и говорят: „Барин, скажи, где правда есть?“

Барин отвечает им: „Идите-ка, поработайте у меня — и правду узнаете“.

Вот они пошли работать — рабочий и мужик. Работают они день, работают два; на третий день идет этот хозяин, они увидели:

— Эй, ты нам скажешь правду?

Он усмехнулся и говорит им:

„У меня по три года работают, а правду не спрашивают, а вы три дня проработали да правду хотите узнать. Тогда нам некогда будет спать, если всю правду сказать“.

Они говорят: „Так что, если правду не сказываешь, давай нам расчет“.

Вот они расчет получили; уходят с помещицкого двора и друг другу говорят: „Правду люди сказывали, наши старики: „Помещик дерет с нас кожу да с наших родителей. А мы с картошки подерем“.

Ну, вот рабочий сказывает: „Пойдем, товарищ, дальше искать правду“.

Они пошли. Стоит фабрика от кулака. Они заходят в контору. Но не знают — управляющий сидит или хозяин, это неизвестно.

Вот рабочий и говорит: „Барин, скажи нам, где правда есть?“

Барин усмехнулся: „Иди-ка на фабрику, поработай, и правду узнаешь".

Вот они пошли работать. Он поставил их на работу такую, что даже с плеч два раза в день рубашку снимали, все пот выступал, солью выступал. На третий день идет этот управляющий или хозяин, им неизвестно. Идет, — они и говорят:

— Барин, вы скажете правду?

— О-гу! (усмехнулся) — У меня люди по пять лет работают — правду не узнают, а вы три дня проработали — правду хотите узнать? Если вы правду хотите узнать, так некогда будет нам спать.

— Ну давай, барин, расчет!

Он тоже не спорил: — Пожалуйста.

Вот они расчет получили, выходят с этой фабрики и говорят: „Правду люди сказывали, наши старики, которых помещики драли на конюшне. Вот, товарищ, правда есть: они дерут с нас кожу, а мы хоть с картошки подерем, потому что больше питания нету".

Вот рабочий и говорит: „Пойдем до царя-батюшки. Он наш земной бог. Он нам всю правду скажет".

Вот и пошли до царя. Там стоит стража, к царю не пускают.

— Вы куда идете?

— К царю-батюшке, хотим правду узнать.

— Сказывай, сказывай! Ты свои уши видел? Нет? Тебе и царя-батюшки не видеть, а казацких плетей получишь!

Ну, они все-таки этого не испугались, через один караул пробрались. Вот подходят к другому караулу, поближе к царю. Там у них и спрашивают:

— Вы откуда явилися?

— Да к царю-батюшке идем.

— Как же вас караул пропустил первый?

Их сейчас же тут долго не спрашивали. Казацких плетей получили, за ворота выкинули их, не знают, где и были, а друг от друга не отстают и говорят: „Вот и правда есть на свете: помещики дерут кожу, фабриканты дерут кожу, тако само и царь-батюшка. Да, рубец на спине! Ну, подерем с картошки кожу и пойдем искать дальше".

Вот они пошли из Петрограда. Шли они почтовой, ни у одного копейки нету.

— Как, товарищ, проживем? Где правду найдем?

А рабочий сказывает:

— Нет, крестьянин, пойдем дальше правду искать! Вот лесная дорога — пойдем-ка по этой дороге.

Они пошли. Так что может верст двадцать прошли (скоро сказывается, а шагами — так тяжело). Видят — в лесу полянка, большая такая.

— Давай-ка, мы зайдем сюда! Вот там шалаш какой-то есть, верно, охотник там живет.

И они подходят. Там сидит человек, плохо одетый был. Они подходят.

— Здравствуй, товарищ!

— Здравствуйте, здравствуйте!

— Ты, говорят, охотник?

— Да.

— Скажи нам, где правда есть?

Он усмехнулся, сказал:

— Сядьте, покурите, а потом я вам правду скажу.

И они сели, покурили, а он им и говорит:

— Правда в наших руках: только сами себя не жалейте, тогда и выйдет наша правда.

Мужик немного испугался, а рабочий и говорит:

— Вот тут правду нам и узнать, у полесника.

(А никто не знал, кто он такой).

— Ну, говорит полесник, — теперь пойдемте за мной. Вот и ведет в Петроград их. Приходят они до завода (Буховский завод)[1]. Он и говорит им.

— Ступайте на этот завод, поступайте на Буховский завод на работу и правду узнавайте. Только сами себя не жалейте и сказывайте всем, что вот такой, там в лесу, полесник сидит, говорит, что если мы собьем помещиков, фабрикантов и царя — тут и правда будет наша.

Вот они и пошли, остались работать.

Работают они уже целый месяц и каждому рабочему говорят:

— Вот, товарищи, там полесник сидит один, говорит, что должна быть правда в рабочих руках.

И уже собралось людей много вокруг них. Прошло еще время, и вот уже собралось их до пятисот человек, все за правдой пошли.

— Ну, давайте, — говорят, — теперь выйдем за ворота!

Вот они выходят из ворот, уже мужик видит и рабочий видит, что за ними пошло много людей, много теперь силы собралось. Рабочий и говорит: „Теперь, товарищи, хоть у нас нету припасов, так грудью затесним!“

Вот они пошли смело, доходят до дворца, а там еще больше народу, чем здесь. Да. В народ окруженный, один человек стоит на трибуне, говорит речь. Мужик и рабочий говорят:

„Пойдемте, товарищи, ближе!“

Подошли. Вот рабочий крикнул: „Это же наш учитель, который нам правду сказал!“

С тех пор и пошла ленинская правда. И уж который год идет она, и мы должны за правду держаться всегда, и не погибнем никогда!

---

[1] Обуховский, теперь „Большевик“.

КАК УСЛЫШАЛИ МЫ ВЕСТОЧКУ НЕРАДОСТНУ

Как услышали мы весточку нерадостну
Да известье невеселое,
Как мы все да сволновалися.
Мы услышали, что нет в живых
Владимира Ильича Ленина.
Он скончался двадцать первого
Января, морозна месяца.
Уж как мы да тут подумали,
Уж как горько мы заплакали...
Уж как вспомним мы, бессчастные,
Уж мы наше житье-жирушку:
Как при царском при правительстве
Придем с трудной со работушки,
У нас так много заботушки:
Где бы детушек ухаживать,
Надо мужа тут налаживать;
Придут праздничи годовые, —
Да у нас слезушки готовые.
Мы держали, многобеднушки,
Реввы ножки на дороженьке,
Белы ручки на заложечке,
Мы встречали мужа пьяного,
Мужа пьяного, упрямого.
Он придет да все ругается,
Да надо мною издевается,
А я не знала куда детися,
От побоев схоронитися.
Малы детушки принаплачутся,
В темну ночку испугаются.
А богоданые[1] родители

[1] Богоданый — родственный по мужу или жене.

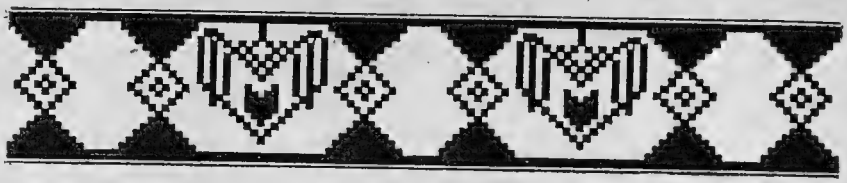
Станут мужу тут насказывать:
„У тебя жена-то вольная,
Она нам да непокорная;
Наб[1] учить жену побоями,
Все побоями-ударами".
А как пожалиться да было некуда:
Как судили суд да не по женщине,
Все урядники-начальники,
Все попы — отцы духовные,
Да служители церковные.
Как венчали нас по-строгому:
„Будь жена мужу покорная,
Голова да будь поклонная;
Ты, жена, мужа ухаживай,
Мужу пьяному уваживай;
Ты жена мужу законная,
Голова да будь поклонная".
Как проклята была жирушка
Нам бессчастным головушкам.

* * *

А как после революции
Нам была дана-то волюшка,
Воля-вольная свободушка.
Мужовей мы не боялися,
Свекру мы не покорялися,
Да свекровам мы не кланялись.
А куда надумаем — отправимся:
Уж мы в клуб на постановочки,
В сельсовет да на собрание,
Мы с мужьями в заседание.
Как домой мы возвращаемся,
Тут свекрова не ругается;
Наша зыбочка качается,
Свекор скоса не выглядыват.
И кабы были бы у беднушки
У меня крылушки гусиные,
Да и перья лебединые,
Я слетала бы, победнушка,
За те горушки высокие,
За те водушки глубокие,
За те лесушки дремучие,
В городочки незнакомые,
Да и в прозваньица тяжелые,

[1] Надо бы.

Во Москву во белокаменну,
На умершую могилушку,
К дорогому вождю Ленину —
Я бы к телу его мертвому,
Я бы к личку его блеклому.
Вы завейте, ветры буйные,
Ветры буйные, полуденные,
Мураву-траву да размуравьте-ка,
Вы желты песочки, разнесите-ка,
Гробову доску да приоткройте-ка,
Личко белое покажите-ка:
Не заговорит ли со мной, беднушкой,
Хоть одного-то он словечушка.



РАНЬШЕ ДНИ-ТО БЫЛИ ДЛИННЫ, ДЛИННЫ...

ПЕРЕВОД С ВЕПССКОГО

Раньше дни-то были длинны, длинны,
Уж как длинны были, да тяжелы,
Дни тяжелы были, да и темны,
Что немилостивы-темны, да и грубы.

Я работала и ночки и денёчки,
Уж как денушки и ноченьки трудилась

На попа ли да и на помещика,
На буржуя ли того на кулачину.
Натруждалась я за хлеб да за одежку,
А одежа-то — тряпье, обноски.
Как придешь с работы, смерть устанешь,
Мимо детушек пройдешь, да и не взглянешь.
А они тебе навстречу — горько плачут,
Уж как плачут дети, хлеба просят.
По избе пойдешь да и завоешь;
Корочек обыщешься, накормишь.
Как в окно посмотришь — гнутся ноги,
А в другое взглянешь — то дрожишь вся:
У крыльца похаживает стражник,
Под окошком с саблею урядник:
„Подавай-ка подати скорее,
Подавай скорее недоимки!“
Со двора коровушку уводят,
Самовар один — и тот уносят,
Все, что было, вытащат из дому,
Доведут до полного разору.

Но нашелся человек хороший,
А по имени был названный Владимир,

По отцу-то Ильичем он величался.
А и сделал человек такое,
Что цареву-то неволюшку он сбросил,
Выпустил народ наш на свободу,
Вывел всех на верную дорогу.
Землю он народу всю породздал,
Как породздал землю, жизнь наладил.
Он товарищу-то Сталину, прощаясь,
Говорил заветные словечки:
Чтоб народ всегда оберегали,
Чтоб народ заботливо растили,
Чтоб заботливо растили, да учили,
Чтоб в селе культура подымалась,
Чтоб деревня наша развивалась.
Уж как Сталин Ленина послушал,
Все советы и слова его запомнил,
Он запомнил их и все исполнил:
Дал он жизнь счастливую народу.
Как у Сталина о старых-то забота,
У него о детях-то забота,
Обо всем народе-то забота.

ЛЮБИМЫЙ ВОЖДЬ ЛЕНИН

Пойду я, причинная, обидная головушка,
К своему любимому вождю Ленину,
К трудной, ко тяжелой постелюшке...
И не глядели бы мои ясные оченьки,
Не перенесет мое ретивое сердечушко,
На тебя глядючись и смотрючись,
На твою на умную-разумную головушку!
Принажил ты себе трудную тяжелую постелюшку
Не от легкой жирушки,[1] прокладноей,[2]
Не от веселого гуляньица.
И как теперечко и нынечко,
Будя постретила тебя скорая, непосюльная смертушка,
Передал ты свою работу любимому товарищу Сталину,
Что не забросил он нас, многих рабочих тружеников,
Врагам да неверным,
Что не отнимут от нас широких больших полюшек
хлебородныих
И лугушек зеленыих.
И как у нас по частым маленьким дерёвенькам
Есть устроена культурная жирушка веселая.
Так мне жаль да тошнехонько
Нашего любимого вождя Ленина!
Как позаботился об трудныих[3] рабочих и крестьянах,
Об нашей колхозной жирушке!..

---

[1] Жизни.

[2] Прокладная — привольная.

[3] Трудящихся.

Ты еще-тко, ты послушай-ко,
Наш любимый вождь Ленин,
Как ты со малого, со юного ребячества,
Как приотправили тебя родимые родители
На чужую на дальнюю сторонушку.
Было тебе трудно да тяжелешенько
И на чужой, на дальнеей сторонушке
И со чужими, не с родными родителями
С ростом-возрастом принаполниться,
С умом-разумом принасобраться.
Плечка с плеченькою обравнялися,
Твое белое личико принаполнилось.
Принападали на тебя и многи злые людушки,
Принаследовали твою трудную тяжелую работушку.[1]
И не было тебе ни питьица медового,
И ни истьица сахарного,
И ни постелюшки мягкоей,
И ни окуточки[2] ни теплоей,
И не было тебе платьица по плечикам —
Только была тебе каторжная жирушка проклятая!
И потерпела твоя молодецкая, разудалая твоя,
буйная головушка
Эту тяжелую, трудную жирушку.
И загубил ты свое, драгоценное здоровьюшко.
Принападали на тебя враги да неверные,
Принапустили пулю быструю
В молодецкую грудь, белую; [3]
Из твоей груди белыя
Потекла кровь алая.
Есть мне жаль, да ведь тошнехонько!
Дорогого вождя Ленина.
Я высиживала темну ноченьку,
Проливала я горькие слезиночки
По своей по бумажной личике,[4] —
Как с твоей груди текла кровь алая,
Так по моей личике текли слезиночки,
Потерпел ты много горюшка невыносимого
И много жирушки трудноей!
И пришла к тебе смертушка непосильная.
Приоставивши ты свою любимую семеюшку,
Своего любимого товарища Сталина,

---

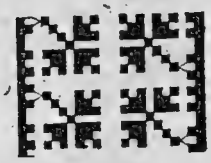
[1] Речь идет о преследовании и ссылках В. И. Ленина.

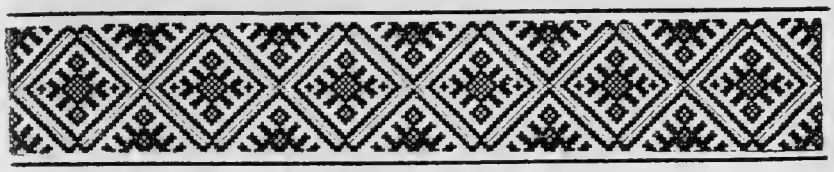
[2] Одеяло, все, чем покрываются во время сна.

[3] Покушение эсэрки Каплан.

[4] По белому, как бумага, лицу.

Приоставивши ты много заботушки
И много трудной, тяжелой работушки,
Приоставивши многих добрых людушек,
Приоставивши наших пионеров-детушек,
Приокончил свое здоровьице,
Свое житье-бытье-живленьице.
Мне и жаль да ведь тошнёхонько
Нашего любимого вождя Ленина!



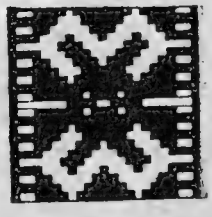


УЖ ВЫ ВСПОМНИТЕ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА

Мне подсесть, кручинной головушке,
Уж и сесть мне к товарищу Ленину
С великой обидушкой,
Что это чудушко счудовалося,
Что это дивушко сдивовалося?
Была думушка не думана,
Была мыслина не мыслена,
Что придет к тебе смертушка.
И не пришла тебе судьбинушка
Пожить жизнею хорошею поболее...
И еще, мой дорогой,
Мне уж стать сказать, не высказать,
Мне уж стать писать, не выписать
Про твое житье-живленьице:
Была жирушка тяжелая,
Все работала твоя буйная головушка
И волновалося ретивое сердечико;
И был отправлен ты на чужедальнюю сторонушку,
И был посажен ты на замки́ ключёвые,
И еще-то жил ты в темных лесиках,
Была тебе мукушка и печалюшка,
И имел ты великую досадушку.
Все работал и ста́рался,
Своей буйной головушкой
И ретивым сердечиком
Все кручинился-печалился,
Полагая свою жизнь
За своих любимых товарищей,
За хороших работников.
И все расстраивал свое ретивое сердечико:
„И как бы мне перевернуть власть царскую,

КФССР
Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
КАБИНЕТ
КРАЕВЕДЕНИЯ

Как бы мне устроить власть советскую".
И нападывали на тебя ведь злые люди
Горькими словами и тяжелыми ударами.
Все равно ты добивался и не жалел себя,
Своей силушки, своей буйной головушки,
А жалел своих любимых товарищей
И всех рабочих-работников.
И все хотелось тебе дать им вольную волюшку
Великую свободушку.
И устроил ты, как тебе хотелося:
Сделал ты вольную волюшку
И дал ты свободушку.
И еще вы, мои дорогие товарищи!
Уж вы вспомните товарища Ленина,
Вы вспомните его словами добрыми!
Уж что мог он, то старался,
И всю силушку положил для вас,
Для своих любимых товарищей,
Для хороших работников,
Где бы жить ему да любоватися,
Дорогому товарищу Ленину!..



ПЛАЧ О ЛЕНИНЕ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Послушайте-ко, милые людушки,
Расскажу я вам о своем руководителе,
Об Ильиче, дорогом вожде:
Как он думывал очень умные большие думушки,
И из-за них перенес он большое мученьице
От проклятого царского правительства.
Большие были для него невзгодушки,
Две пули сквозь его грудь прошли,—
Все равно-то он, наш миленький,
Не поддался, продолжал работушку.
Он работы своей не останавливал,
Не вдавался ни в печаль ни в кручинушку
Дорогой Ильич.
Лечиться посылали его товарищи,
Все равно-то он, наш миленький,
Не останавливал своей работушки.
Ой уж, милая ты наша ласточка,
Рассердился ль ты иль обиделся,
Что не хочешь сказать нам никакого словечушка.
Лежишь ты, миленький, во хрустальном гнездышке,
Четырнадцать лет прошло[1], как лег ты в гнездышко.
От меня тебе, дорогой Ильич,
За работушку за хорошую
Благодарность большая, спасибочко.
Спи, моя милая ласточка,
Во хрустальном во гнездышке;
Все дела твои продолжаются:

[1] Записано в 1938 г.

Сталин, друг твой дорогой, ими ведает.
Ой уж, милый Ильич, дорогой ты наш,
Никогда тебя не забыть уж нам,
Как повел ты нас ко счастливой, веселой жирушке!
У нас теперь жирушка колхозная.
И большое тебе, Ильич, да спасибочко:
Дал ты женщинам права, равные с мужчинами,
Можем мы на выборах и на собраниях
Подавать там голос свой!

ПРОШЕЛ ПЛАЧ ДА ПО БЕЛУ СВЕТУ

Охти я, бедна горюшица,
И в те прежние дѐнечки
Я сидела, многобедная,
У косивчата окошечка.
Все просила бога-господа,
А не знала людей добрыих,
Помогателей хорошиих,
Да ни Ленина ни Сталина.
Меня окошко все печалило,
Все стеколки затуманились.
Под косивчатым окошечком
Не жупили [1] птички-пташечки,
Там не пели соловеюшки.
Было в доме холоднёхонько,
Были дети голоднёхоньки.
Жила я бедна голёхонька,
Я голёхонька, босёхонька.
А по сегодняшнему дѐнечку
Надо мной-то что случилося:
В доме все переменилося,
Весело́, да веселёхонько,
Стало в доме хорошохонько.
Под косивчатым окошечком
Там сады стали зеленые,
Распевают птички-пташечки,
Веселят да моих детушек.
Я пойду, бедна горюшица,
На могилу пойду Ленина,
Благодарить я буду, бедная,
За его за просвещеньице,
За хороше расхожденьице [2].

[1] Пели, резвились.
[2] „За хорошую жизнь", поясняет сказательница.

* * *

Владимир Ильич Ленин
Жил во дальней во сторонушке,
В небогатой жил семеюшке.
Года были его детские,
Годы самы молодецкие,
Самые годушки гулярные.
Не было пристрастьица к гуляньицу,
Его молодости к красованьицу:
Создавал Владимир книги умные,
Говорил Владимир речь разумную,
Рассылал Владимир людям добрыим,
Рассылал Владимир политграмотку,
Создавал Владимир жизнь свободную.
„Примыкайте все, да люди честные,
Создадим людям да жизнь светлую,
Освободим от гнета бедну женщину,
Поднимем всех да сирот на ноги,
Подучим всех да в политграмотку,
Поймут они да жизнь новую!“
Когда был Владимир о полу́веку,
Его жизнь была горькая,
Была го́рька-горемычная:
Не видал Владимир жизни светлою,
Не живал-то он, Волóдюшко,
Во палатах грановитыих,
Во усадьбах он да красовитыих, —
А во тюрьмах сидел да страховитыих
На грязных полах да он на каменных.
Постель была да ледку́ ярого,
Подушка была да снежку белого,
Одеяло было да ветры буйные.
Создавал Владимир жизнь свободную,
Жизнь свободную, да славу вечную.
Пресрекали[1] Володю люди зверские,
Люди зверские, да звери лютые.
И хотят снести да буйну голову,
Буйну голову товарищу Ленину.
Выходил Владимир да на улицу,
Говорил Владимир таковы слова:
„Мы возьмем себе да дворы царские,
Дворы царские, да государские!“.
И снесли царю да буйну голову,
Погнала министров власть советская.
Побежали министры нога за ногу,

[1] Преследовали.

Отлетали министрам буйны головы,
Пронесли флаги да люди честные,
Прозвучали песни все победные,
И пошла молва в Россию-матушку,
Пошла встреча в каждом городе,
В каждом городе и к нам в деревенку.

* * *

Мы вдовы были победные, [1]
Мы вдовы да горе-горькие,
Мы встречали слух да с полной радостью:
Будут женщинам глаза открытые,
Будет женщинам да путь-дороженька,
Нашим детушкам да всем свободная,
Все ученьице да им великое.
Мы смущались все, бедны, от радости:
Наравне с мужчиной стали женщины.
До сего было до этого
И мы жили, многобедные:
У нас горюшка — три морюшка,
Слез-то было — три озерушка.
Были матери детинные [2],
Были сироты убогие.
Не смотрел никто на бедну женщину,
Не помогал никто да нашим детушкам.
Мы узнали теперь Ленина,
Мы пойдем навстречу жизни новоей.

* * *

Создалась змея, да змея лютая,
Проникла Ленину в тело белое:
Постигли его неприятности,
Неприятности да все невзгодушки.
Пришла смерть та непосудная [3],
Голова та нерассудная.
У дверей не колотилася,
У окна не подавалася,
Прямо в дом да забиралася.
Покрыла Ленина мать сыра-земля,
Мать сыра-земля да гробова доска.

---

[1] Бедные.
[2] Многодетные.
[3] Неизбежная, неотвратимая.

Оставлял Владимир свое знание,
Оставлял Ленин людям добрым:
„Не спущайте жизни на чужу землю,
Не отдайте власти во чужи́ руки́!“
В уголках узнали бедны женщины,
Что погиб Владимир Ильич Ленин.
Середи ночи, да ночкой темною,
Пошел плач да по белу́-свету́,
Да пошла жалость по Россиюшке:
„Как мы жить нонь будем, беднушки?
Пойдем, бе́дны, на могилушку,
Порастрепем мать сыру-землю,
Мы посмотрим гробову доску,
Личко блёкло, тело мертвое.
Будем мы, бедны, рассказывать,
У него будем выспрашивать:
„Как нам жить бедным горюшицам,
Как возро́стить детей малыих,
Как учить сирот несчастных?“
Расскажу я вам, сестрицы милые:
А вы идите в город Сталина: [1]
Передал Ильич да он Иосифу,
Он Иосифу да свои знания,
Свои знания да людям честным,
Людям честным, люди́м хорошим.
А пропоем Владимиру славу вечную,
Создадим Иосифу да жизнь долгую!
Мы пошлем привет, да кажна женщина,
Мы Иосифу Виссарионовичу,
За его слова да дела добрые:
Что крепит он власть, да власть советскую,
Помогает везде, по всей Россиюшке,
Всем народам разноплéменным,
Всем забитым дальним женщинам.
Мы поднимем все да руки белые,
Благодарим его за честь великую,
Пронесем ему славу добрую,
Славу добрую, да жизнь долгую!

[1] Город, где живет т. Сталин, Москва.

УЖ ПОЙТИ-КА МНЕ, ГОРЮШИЦЕ

Уж пойти-ка мне, горюшице,
Уж ко столу да ко дубовому,
Уж поприсести мне да потихошеньку.
Уж как не знаю только, беднушка,
Сесть мне к резвыим ли ноженькам,
Али к буйной ко головушке?
Уж лучше сяду только, беднушка,
Против сердечушка ретивого.
Уж погляжу на тело мертвое,
Уж тело мёртво, личко блёклое,
Да как спрошу, бедна горюшица,
Дорогого вождя Ленина:
„Уж как что с Вами случилося,
Что за боль да приключилася?“
Уж как бы были люди смелые,
Уж как разрезать груди белые,
Уж поглядеть да во твои груди,
Уж что за боль да во твоих грудях,
Уж будет спать, да высыпатися,
Уж пора со сну пробуждатися!
Уж ты ведь трудничек-работничек,
Уж всему миру был пособничек:
Уж малых детушек повыучил,
Уж как сирот наших повырастил,
Уж как сирот да малолетушек
Уж во школушках повыучил,
Уж ты ведь хлебушком повыкормил.
Так ты вставай-ко нонь, пожалуйста,
Владимир Ильич Ленин наш,
Уж на резвые на ноженьки,
Уж ты на белые сапоженьки!

Уж бери в рученьки маханьице,
Уж как во белу грудь вздыханьице,
Уж во уста да говореньице,
Уж во ясны очи гляденьице.
Уж мы возьмем да за белы́ руки,
Уж поведем да в зелены́ сады
Тебя к сиротам, малым детушкам,
Ко вдо́вам престарелыим
Уж вся советская власть обрадуется,
Уж по Россиюшке радость пойдет...
Уж как так нигде не водится,
Уж как с мертва́ живы не родятся,
Уж как бы знала это, ведала,
Уж во Москву-то я ведь сбегала,
Так прогнала бы смерётушку,
Уж отогнала бы злодейную.
Уж как не ведала смерётушка,
Уж взять не старого не малого,
Уж не по улочке бродящего,
Уж не по́ миру волочащего,
Уж как взяла ты, смерётушка,
Уж человекушка ты нужного,
Уж человекушка великого,
Уж ты трудничка-работничка,
По России ты хлопотничка.
Уж у него столь было работушки,
Уж на сердечушки заботушки.
Уж как злодейная смерётушка
Она в лесу не заблудилася,
Она в воде не заронилася,
Уж у ворот не колотилася,
Уж всё в избушечку явилася.
Так уж нынечку-теперичу,
Как его да хороша́ жена,
Уж ты построй, моя голубушка,
Уж своему мужу законному
Уж ты высоку нову горенку,
Уж сделай стенушки хрустальные,
Уж потолки сделай зеркальные,
Уж обей кирпичну белу печушку,
Уж со муравчатым ошосточком,[1]
Уж ты косивчаты окошечки,
Уж как двери ты дубовые,
Уж как ступенечки кленовые,
Уж как замочики черкасские,
Чтоб замочики не ржавели,

[1] Шестком.

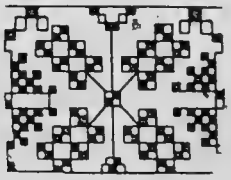
Уж ключи-то не терялися.
Да как придет вёснушка красивая,
А пора-времячко тоскливое,
Уж порастают ведь снежочики,
А унесет с реки ледо̀чики,
Так уж сделай ты, голубушка,
Сделай легкие веселышки.
Уж мы сошьем да быстру лодочку
Уж с голубыми веселками,
Уж от твоего но̀ва терема,
Уж со твоих да со ясны́х очей,
Уж от твоих да горючих слез,
Уж от сирот да моло̀д-бедныих,
А мы от вдов да от несчастныих,
Уж мы пропустим речку быструю
И поедем этой реченькой
Как к его да телу мертвому.
Уж мы к товарищу ведь к Ленину...

* * *

Эти царские фамилии
Были чистые вредители:
Навредили нам ведь, бедныим,
Всему миру да всем людушкам.
Были злые ведь исправники,
Все грубые ведь начальники,
Как его да ненавидили,
У него здоровье схитили.
И скрывался от злых людушек
По лесам да он по темныим,
По подпольицам глу окиим
Как от злых он от начальников.
Ну, как злые да бессовестны
Загубили жизнь моло̀дую,
Застудили груди белые
Володимиру Ильичу Ленину.
Как при царском при правительстве
Было денег недостаточки.
У нас в хлебе недохваточки.
А у советской у Россиюшки
Уж у нас хлебушка ведь досыта,
Уж у нас денежек ведь дополна,
Уж наши детушки повыучены,
Уж как цветочки повыцвели. [1]

[1] „Значит, дети ушли уже от родителей, стали взрослыми", — поясняет сказительница.

Вы вожди-руководители,
Всей страны вы избавители,
Нас ведь, женщин, вы поправили,
Равноправие наладили,
От трудов больших избавили.
Много памяти оставили!
И мы очень благодарствуем
Володимиру Ильичу Ленину
За сердечко его доброе,
За его приветы ласковы
Нам и жаль его тошнехонько,
На сердечке тяжелёхонько.



ПОСТРОЙТЕ-КА СТЕНЫ ВЕЗДЕ ДА КАМЕННЫ

Приехали ясны хорошие соколы,
Чтобы мы пели досюльные, унылые[1] песенки.
Вот в чем попрошу вас, хорошие ясные соколы:
Как вы прибудете в столичный город —
Во Москву, столицу белокаменную,
Отыщите-ка могилку вы умёршую.
Там лежит-то на печаль на великую
Дорогой товарищ Ленин наш.
Поспешúлся он, да поторóпился
Прикласть свои ручки белые
Ко своему-то сердцу ретивому.
А как мы-то жили у Николки Кровавого,
Не учили-то нас грамоте,
Не видали мы свету белого;
Он себе только имел палаты белокаменны,
Он построил церковь себе богомольную,
Для забавы держал жене Гришку Распутина;
Служили ему отцы и деды наши,
Кулакам да богатеям прокдятыим.
Как была сила да могутушка,
Так они работали у них день и темну ночь,
А как стали старыми да престарелыми,
Пошли они по домам собирать куски.
Не пускали их в палаты да белокаменны,
Подавали им куски да все завалены,
Завалены, засушены.
А как же мы росли малыми
При царе, да при Николке Кровавоем,
Были не одеты, да не обуты,

[1] Протяжные.

По пяти детей было у матери,
Держали на артель да одни валенки,
Не видали они да пальто теплого.
Применю [1] я эту пору-времячко:
Вот имею я да десять внучат моих —
Все одетые, да все обутые,
У всех платьице, да сапоги у всех.
Погляжу да позавидую:
Вот какая нам пришла пора, да времячко!
Постройте-ка стены везде да каменны,
Наш любимый Иосиф Виссарионович,
И поставьте кругом стражу великую,
Чтобы не было злодеев и лиходеев,
Продажных изменьщиков,
Чтобы не нападали на нашу великую родину.
Послужи-ка нам службою да верною,
Как служил нам Владимир Ильич,
Великий да знатный Иосиф Виссарионович!
У нас ведь есть много сердечных детушек,
Мы дадим тебе защитников и заборонщиков!

[1] Применю — припомню, сравню

КАК МАРЬЯ С ИВАНОМ СРАВНЯЛАСЬ

Работал Иван на фабрике, и Марья работала. Иван получал такое-то жалованье, а Марья поменьше. Иван и грамоте знал немного, ну и любил Иван выпивать немножко. Приходят они домой. Иван выпил, Марья стала с ним спорить. Иван Марье и говорит:

— Ты что споришь, я же больше тебе получаю!

Она говорит:

— Хотя ты больше получаешь, да я такая же, как и ты: мы равны с тобой.

Он и говорит.

— Как же мы равны? Ты должна подчиняться мне!

— Почему?

— А не слыхала, как поп нас венчал с тобой, что жена мужу должна подчиняться?

Она и говорит:

— Так пойдем же до попа.

Они пошли до попа и спрашивают у попа:

— Батюшка, рассуди нас.

Он и спрашивает:

— Что, Иван?

— Батюшка, скажи нам, кто кому подчиняется?

Батюшка берет вангелью [1] и говорит:

— Вишь, даже в вангелии показано, что жена своему мужу должна подчиняться.

А Марья говорит:

— Неправда, батюшка, и я такая же, как и он—человек!

Ну, и вот пошли. Марья и говорит:

— А пойдем-ка мы до своего фабриканта.

Приходят к своему фабриканту. Марья и говорит:

— Барин, рассуди нас, что вот Иван сказывает: я должна подчиняться ему.

---

[1] Евангелье.

А фабрикант спрашивает:

— Вы у попа были?

— Были.

— Ну, что же вам поп сказал?

— Да поп сказал, что жена мужу подчиняется.

— Ну, так и я скажу, что должна подчиняться.

Они пошли домой. И живут несколько времени.

Тут перемена произошла, другой пошел закон. Царя убрали, фабрикантов согнали, да и попам хвост притиснули. Марья и сказывает:

— Вот теперь, пожалуй, я ровня с тобой буду.

А Иван все не сдается.

Марья и говорит:

— Пойдем-ка мы в Москву до Ленина, пусть он рассудит.

И пошли. Ленин их пропустил и спрашивает:

— Ну что скажете? Зачем пришли?

Тогда Марья и сказывает:

— Вот живу я с Иваном много лет. Иван говорит, что я ничего не стою.

А Ленин сказывает:

— Иван — человек, то и ты такая: вы — равные оба.

А Иван говорит:

— Как же она равна со мной? Я все-таки грамоте умею, а она не умеет.

Ленин усмехнулся и говорит:

— Да ты оставь мне ее, и она будет уметь грамоте.

Иван оставил. Ленин дал учителей ей. Через несколько времени и Марья научилась читать и писать. Тогда Ленин призывает Ивана:

— Ну-ка, смотри, Иван, вот и Марья твоя знает читать и писать, как и ты. Теперь вы одинаковые: что Марья, то и Иван.

А Иван все не сдается и говорит:

— Я могу на тракторе ездить, командовать.

А Ленин:

— Так и она сможет!

Оставляет Ленин Марью опять у себя. Опять стала Марья учиться. И на тракторе Марья поехала. Ленин опять Ивана призывает:

— Смотри-ка, вот твоя Марья уже на тракторе ездит!

А Иван все не сдается:

— Ну вот, она на тракторе ездит, а я могу на самолете летать, а она не может.

Ленин опять усмехнулся и говорит Ивану:

— Через несколько времени и она на самолете полетит: если она скоро научилась грамоте и научилась на тракторе работать, то она сумеет и на аэроплане полететь.

Ленин оставляет Марью опять у себя. Через несколько времени и Марья научилась по воздуху уже летать. Ленин третий раз призывает Ивана к себе и сказывает:

— Ну-ка, Иван, посмотри ка на свою Марью!

И сказал Марье:

— Садись на аэроплан и посади Ивана своего.

Они сели, завели аэроплан, и Марья полетела. Вернулись назад, опустились и идут к Ленину. Тогда Иван и склонился[1] и говорит Ленину:

— Правду ты сказал, что все мы равные: что баба, что мужик!

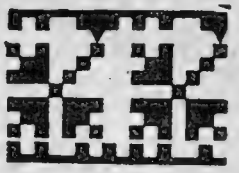
[1] Уступил, признал свою неправоту.

СПАСИБО ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

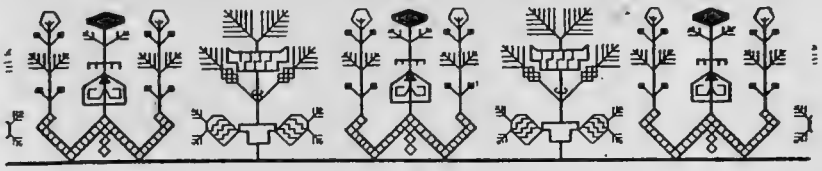
ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Расскажу я вам
Про жизнь свою,
Про жизнь свою
Вам охотно спою.
Родилась я на границе
В маленькой избушке.
Десять сыновей, шесть дочерей
Было у матери малых ребят.
Я была средняя дочь,
В живых я осталась последняя.
Вспоминая свою молодость,
Пела мать песни свои.
Рядом я с ней садилась
И песни ее учила.
Пела вечерами, пела утрами,
Пела и целые дни.
Научилась я петь от матери,
Пою я и на старости лет.
Время прошло, года улетели,
Лета прибавляются наши.
Детьми мы не знали,
Как ужасна война,
Ой, опасное, ой, страшное,
Это время военное!
Ямы в лесах мы копали,
Детей своих там укрывали.
В лес старшие тоже бежали —
Себя спасали.
Время военное страшное

Трудное время жестокое.
Белые хотя наступали,
Нашей земли не досталось им.
В борьбе с белой бандой
Красные одержали победу.
Четыре раза бандиты врывались,
Но красные их разбивали,
Огненной силой винтовки
За рубежи их прогнали.
Теперь у нас время хорошее,
Время другое у нас:
Играют да песни поют,
Веселые праздники празднуют
И в гости друг к другу ходят.
Эту жизнь нам счастливую дал
Учитель, товарищ Ленин.
Теперь у нас время хорошее,
Радостней стала жизнь:
Как молодым, так и старикам —
Всем хорошо одинаково нам.
За все это спасибо скажу
Дорогому товарищу Ленину!



СТАЛИН



ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Песенку спою я вам
Старым своим голосом.
Ленина и Сталина,
Дорогих вождей, пою.
Вот пятнадцать лет уже
Нет на свете Ленина,
Нам вождя оставил он —
Мы живем со Сталиным.
В век счастливый, сталинский,
Хорошо живется всем.
Оттого на старости
Молодеет голос мой.
Нашу жизнь колхозную
Не сравнишь с бывалою.
Как посмотришь на поле —
Дружно все работают;
Трактора без устали
По пяти борозд ведут,
Люди смотрят весело,
И работать хочется.
Шлют за то колхозники
Благодарность Сталину!
А как вспомнишь старое —
Жил народ не в радости:
Спин не разгибали мы,
Век нужду видали мы.
Только лишь богатые
Сохами работали —
Беднота с мотыгами
Выходила на поле,

А затем и горбилась,
Чтобы хлеб с корой мешать.
Как на Куйти-озеро
Выйду, посмотрю теперь,
Вспомню — слезы катятся:
Перевозы дальние
Руки умертвляли мне.
А при нашей власти-то
По воде мотор везет,
Знай сиди-посиживай,
И грести не надобно,
Хоть и ветры встречные —
Волны рассекает он,
И ничуть не боязно —
На корме народ поет.
Сталина за то хвалю —
Он автодорогу дал,
По которой можешь в Кемь
За восемь часов попасть.
Раньше по дороге той
Мы ходили хлеб искать.
Две недели мучились;
Камни ноги резали,
По каменьям ноги жгли,
Но немного видели
Хлеба мы и, съев его,
Шли опять голодные.
Сталина за то хвалю,
Что он власть Советов дал,
Мысли разбудил у всех!
Раньше так водилося:
На дрова леса вели,
А сейчас не то — глядишь,
В толк у нас леса идут:
Лесокомбинат стоит,
Лес на доски пилится,
По стране развозится.
У машин ударники
День и ночь работают.
Восемь отстоял часов,
И уже свободен ты:
Заходи в столовую,
Все здесь приготовлено;
А потом читать пора
(Здесь изба-читальня есть).
По мосту досчатому
В школу дети бегают —
Грязною дорогою

Раньше пробирался.
По следам детей своих
В школу ходят взрослые,
Радостно глядят они,
Хорошо одеты все.
Помню, раньше по́ небу
Птицы лишь одни летят —
А теперь, как глянешь ввысь,
В небе корабли парят.
В каждом доме — радио,
И всегда известно нам
Каждое событие.
Вечером в кино идем,
Видим и Папанина
И вождя любимого.

* * *

Веселится молодость,
Старым тоже весело:
Под законом сталинским
Жизнь для всех хорошая.
Было время тяжкое,
Но оно ушло от нас. —
Семьями колхозными
Хорошо мы трудимся.
Тех, кто нам противился,
Кто мешал нам — прочь смели.
Сталина за то хвалю —
Жизнь создал счастливую
Для народа нашего!
Как была бы счастлива,
Если бы попала я
Вдруг в Москву! Увидела б
Мавзолей и Ленина!
Ну, а если б встретила
Самого любимого —
Таяли б слова той песни,
Что я пела б Сталину!
Молодость вернулась бы!
Я о жизни нынешней
Много песен спела бы!

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

ПЕРЕВОД С ВЕПССКОГО

Только солнышко яркое встанет,
Будет ветер играть веселей,
В поле чувствуем все тебя, Сталин,
Видим в каждой работе своей.
Ты по-новому жить научил нас,
К светлой жизни дорогу нашел!
Как деревня лицом изменилась!
Понастроили клубов и школ!
Дорогой наш и вечно любимый,
Всем трудящимся близкий, родной,
Осчастливил ты край наш родимый,
И народ весь идет за тобой!
Веселее леса зашумели;
Там заводы, поселки встают;
Там гранитные скалы взлетели,
И дороги сквозь горы бегут.
Только солнышко яркое встанет,
Будет ветер играть веселей,
В поле чувствуем все тебя, Сталин,
Видим в каждой работе своей!

ПЕСНЯ РАДОСТИ

Пойте, струны, веселую песню!
Пойте, радости звонкой полны!
Нет милее страны и чудесней,
Нет прекрасней советской страны!
Чутко внемлют озера, заливы,
Наше кантеле[1] песню поет:
Все народы равны и счастливы,
Вместе с ними — карельский народ.
Кто промолвил нам мудрое слово?
Кто коварных врагов превозмог?
Кто на северном небе суровом
Конституции солнце зажег?
Это — Сталин, великий и мудрый,
Это — Сталин, любимый страной,
Это — Сталин, чудесное утро
Всех народов отчизны родной.
Пой же, кантеле, Сталина имя!
Пой вождя и учителя масс!
Мы клянемся: никто не отнимет
Лучезарную радость у нас!

[1] Кантеле — народный карельский музыкальный инструмент.

СПАСИБО, ОТЕЦ СТАЛИН!

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

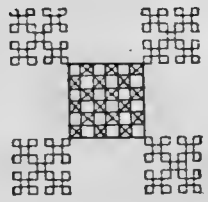
Вспомните-ка, женщины,
Долю нашу горькую,
Время жизни прошлое,
Печи в избах черные,
Трубы обгорелые,
Деревья мы тяжелые
На пáлах[1] ворочали,
Изгороди длинные
В поле городили,
Грубую холщевину
На плечах носили,
В лапти из бересты
Ноги обували.

* * *

Смотрите, что за чудо:
Трактор в полюшке стоит.
Колхозному народу
Легче стало жить.
Не было дороженек,
Уставали ноженьки.
А теперь шоссейные
Широкие дороженьки.
По шоссе широкому
Теперь машины ходят,

[1] Пал — место, выжженное в лесу для посева.

Над лесами, над высокими,
Аэропланы к нам летят.
Спасибо, отец Сталин,
О народе думающий!
Счастливую нам жизнь ты дал,
На добрый путь направил!



САМОЕ ДОРОГОЕ

РУССКАЯ СКАЗКА

В нашей Карелии, у самого Онежского озера, был колхоз. Самолучшие колхозники в нем были: Федор-старик, Марья-колхозница, да Алексей. Федор по рыбному делу ходил, Марья смотрительницей детей была, а Алексей был конюхом.

Вот сошлись все колхозники в правлении и начали говорить, что есть на белом свете самое лучшее и дорогое. Люди они были небывалые и заговорили по-своему, по-деревенскому. Бабы говорят:

— Наши коровы самолучшие: они нам молоко дают, всех нас питают. Мы молока надоим, сливочки сольем, маслица собьем, в печь поставим, оттворожим, лепешек напечем, сметанкой зальем.

Ловцы говорят:

— Неверны слова ваши. Рыба дороже всего! Она нас кормит и поит. Мы мерёжи поставим, рыбы наловим: что лосося, что малька, что сига, что ряпушку, уху наварим, рыбничков напечем, стопочкой запьем.

Ратаи[1]-то говорят:

— Неверные ваши речи! Мы рожь да жито посеем, а как выспеет—хлебушек соберем, в скирды накладем, скирды выволочим да дома вымолотим, солоду насолодим да и пива наварим. Без хлеба никому не прожить! Рыбничков без муки не спечь, да пива не сварить.

Надумали тут колхознички разрешить спор: послать Федора, да Марьюшку, да Алексея по всей земле русской ходить и узнавать, что́ есть на белом свете самое лучшее и дорогое.

---

[1] Ратай — пахарь, землепашец.

Собрались Федор, Марьюшка да Алексей и не знают, куда им путь держать. Тут Марья и говорит, что бабушка ей перед смертью наказывала: „Коли ты чего знать не будешь, либо пути-дороги не знаешь, возьми-ка ты мой клубочек, за кончик ниточки держись, да на дорожку и брось. Куда клубочек покатится, туда тебе и путь лежит".

Сказала это Марьюшка Федору да Алексею, взяли они за печкой клубочек, всё, как бабушка велела, сделали и пошли за клубочком.

Идут они и дивуются. Где прежде реки бродом брели, ни проходу ни провозу не было — там построили мосты через речки на полверсты: сваи позабивали, доски настлали, да балясы[1] на них сделали. Где при старой власти болота непролазные, ни проходу, ни проезду не было — проложены дороженьки хорошие, мощеные. По этим дорожкам ходят машины разные, а у самого Онежского озера самолет стоит. Хошь — пешком иди, хошь — на машину садись, поезжай, хошь — на самолет садись, лети. Где были леса дремучие, непроходимые — там проложены дороженьки широкие, вся земелька углажена и фонари расставлены. Днем идешь — светло, и ночью идешь — светло.

Безо всякой трудности идут Федор, Марья да Алексей за клубочком, и подкатился клубочек к самой каменной Москве. По матушке каменной Москве машин много бегает! Много в Москве светлоты, будто и ночи нет!

Федор говорит:

— Машины мне понравились. У старого тупы ноги ходить, дак хоть под старость на машине проехать.

Марья-то говорит:

— Не зря клубочек-то прикатился сюда. Москва — мудреная. В Москве-то и узнаем, что́ есть самое лучшее и самое дорогое.

Алексей говорит:

— Походим-ка мы по Москве и посмотрим: может, самое дорогое не у нас в колхозе есть, а в самой Москве.

На том и согласились. Идут по улицам, дивуются, как улицы изукрашены, любуются. Подкатился клубочек к дому, а на доме надписано: „Кому ехать — вниз пожалуйте".

Вкатился в дом клубочек и остановился. Взяла Марья клубочек в карман, и пошли они в метро подземельное.

---

[1] Балясы — столбики, поддерживающие поручни, перила.

В метро все-то день ясный, и ночи-то нет. Проехались они на метро, встали на лестницу — сами не идут, лестница за них идет. Вот лестница вынесла их на землю, поблагодарили они лестницу.

Марья вынула клубочек, конец нитки взяла в руки, клубочек на землю бросила. Покатился клубочек и прикатился к большому саду. В саду музыка играет, цветы цветут хорошие, птицы поют дивные. Говорят-то они в Москве, а слышны слова на Онежском озере — все по радио слышно. Нынь в один час вся Расеюшка слушает.

Во саду гуляют молодые и старые: тут и пляшут, тут и на качелях качаются, и на деревьях фонари разноцветные горят. Федор и говорит:

— Вот, наверно, это и есть самое лучшее и самое дорогое, потому что все здесь веселые и довольные.

Только он это сказал, клубочек у Марьи из кармана выпрыгнул, успела только Марья конец нитки схватить, и покатился клубочек дале. Идут Федор, Алексей да Марья за клубочком, и клубочек остановился перед большим красным домом. Около самого дома народу многое — множество.

Взяла Марья клубочек в карман, вошли они в дом. Смотрят: белая лестница цветами зарощена. Пошли они по лестнице, видят: в доме золотыми буквами написано и показано про жизнь хорошего человека, который ко всем нашим чудесам вел. И шли они до самой последней комнаты. Видят: в комнате флагов многое множество, наклонены флаги середи комнаты, и от них красный свет, а середь комнаты — памятник.

Марья тут и сказала:

— Привел клубочек нас к большому человеку!

Не успела она слова молвить, выскочил клубочек из кармана, успела она только нитку схватить, и покатился клубочек все дале и дале. Идут они за клубочком и подходят к каменной стене. Прокатился клубочек в ворота и подкатился к белому дому.

Взяла Марья клубочек в карман. Тут отворяют двери, и встречает их сам товарищ Сталин. Провел их Сталин к себе в комнату и стал их обо всем расспрашивать, а они — обо всем рассказывать.

И стали они у Сталина мудрые вопросы спрашивать, и первый вопрос о том, как им жить лучше и богаче. Сказал им обо всем Сталин.

Тут Марья и говорит:

— Что же есть самое дорогое и самое хорошее? Это жизнь

наша. Да никогда она не была бы такой, если бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить, а потому самое мудрое и самое дорогое — это слова товарища Сталина, которые он нам сказал.

Распростились они с товарищем Сталиным, проводил он их до самой стены, и вышли они в Москву.

Хотела было Марья взять клубочек, сунула руку в карман, а клубочка-то и нет. Стали они его искать. Искали, искали и к Сталину воротились, и у него искали, не обронили ли где, и по дороге смотрели, — так и не нашли. Ну, уж тут дорога была известная, сели они на машину и поехали.

Приехали они в колхоз. Их колхозники спрашивают:

— Ну, что́ есть самое дорогое и самое лучшее у нас на земле?

И тут они все сразу ответили:

— Самое лучшее и самое дорогое у нас на земле есть слово товарища Сталина.

И рассказали они тут всё, как, что с ними было и где они были.

И все колхозники на том согласились.

ПРО НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ РАССКАЖУ Я ВАМ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Про новую конституцию расскажу я вам.
Сталин, вождь дорогой, ее нам подарил,
Он устроил для нас совсем новую жизнь.
Как глаза-то ведь наши раскрылися,
Словно на свет мы вновь родилися.
Вот и думаю я о счастливых днях,
О жизни при золотой Конституции.
Было времечко, время старое,
Не права у народа — неволя лютая,
А сейчас перед нами наш новый закон,
Одинаковое всем право дает он.
Если б только могла, да способна была,
Я бы лучшие чувства другим отдала,
Чтобы слово мое до других бы дошло,
Чтобы слово мое в жизни к счастью вело.
Много школ есть теперь, учат в школах у нас,
Свет и знания там получают сейчас.
Раньше школа для нас ведь закрыта была,
И дорожка вперед никуда не вела.
А теперь на учебу нам право дано,
И мужчинам и женщинам равно оно.
Каждый должен учиться, стремиться вперед!
Слово Сталина-друга к тому нас зовет.
И как выросли мы да возвысились мы,
И живем мы привольно, зажиточно:
Мы не знаем теперь ни голодной нужды,
Есть одеть что у нас и обуты мы все.
А имеем мы всё, потому что народ
Той дорогой прямой дружно в ногу идет.

* * *

Жизнь я помню и долю бесправную:
Дни и ночи трудись на чужих людей,
Знай работу одну непосильную.
А теперь видим все мы заботу о нас:
Безработных в стране у нас нету сейчас,
На себя мы работаем, а не на бар,
А с работы придешь, и поешь, и попьешь,
И на отдых у нас не один только час.
И послушаешь вести родимой Москвы,
Эти вести несут волны радио нам,
И газету прочтешь, отдохнуть в клуб пойдешь,
На портреты вождей посмотреть можно там.
А как смотрим кино, есть на что посмотреть!
О великих делах говорит нам оно,
О делах, что не видели мы при царе.

* * *

Жили раньше в глуши, не бывали нигде,
А теперь есть возможность нам всюду бывать,
И на старости лет довелось увидать
Мне, карельской старушке, большой Ленинград.
Побывала я там в самых лучших местах,
И увидела мир я новый совсем
В дружной братской семье все народы живут.
Белокожий ли ты, чернокожий ли ты,
Русский, финн, иль карел — все равно,
Равное всем —
Конституцией Сталина право дано!

* * *

А теперь расскажу, что мы видим сейчас.
На колхозных полях не мотыга, соха,
Не лопатой копаем мы землю свою —
Трактора да машины повсюду у нас!
В благодарность я Сталину песню пою!
Раньше женщина в доме была лишь рабой:
Всю семью накорми, все кругом прибери,
На работушку в поле с другими поспей,
И в лес, на чужую работу, беги,
Там пили и руби за гроши целый день,
А с работы придешь — хлеб сухой да вода,
Да ребенок голодный там в люльке кричит —
Целый день без присмотра, бедняжечка;
А теперь мы участвуем в общих делах,

Не задержит нас печка, горшки и ухват:
Есть пекарни и кухни общественные,
Оставляем детей в светлых яслях на день —
На работе с мужчинами равные мы.
Если много в семействе родилось детей,
То не видим, как раньше, мы горюшка в том,
Нам Советская наша народная власть
Помогает растить и воспитывать их,
Молодых и здоровых советских людей.
И как посмотрю я на наших ребят,
Хорошо все одеты, обуты они,
Как цветы наши дети цветут,
В школе учатся на родном языке,
Получают культуру и знания там.

* * *

А еще знаю я, что обязааны все
Нашу общую собственность зорко хранить,
Ненавистником будет пусть каждый из тех,
Кто вредит в нашем деле, мешает нам жить!
И еще есть к народу завет у меня:
Армию Красную нашу любить!
День и ночь охраняет родную страну,
Защищает она нашу жизнь от врагов.
И мой внук тоже там, в ее славных рядах,
Если ж будет нужда, от всего сердца я
И другого отдам на защиту страны.
А кончая мой сказ, дорогой Сталин-вождь,
За счастливую жизнь шлю спасибо тебе.

О СТАЛИНЕ

Отрывок из былины

Красно солнышко, великий вождь
Иосиф Виссарионович!
Он умен, богат силой крепкою,
Он востер читать по грамоте,
Он толков сказать по памяти,
Он живет теперь в Москве да в белокаменной,
В Кремле крепкоем, да во тереме высокоем,
Шлет приказы по России по Советскоей:
По его ли, свет, по заботушке
Отцы, матери многодетные
Получают они немалое пособие;
По его ли, свет, по заботушке
Построены дома детские приютные,
Кормит, поит старых, малых да беспризорных,
Одевает, обувает всех их с ног до головы;
По его ли, свет, повелинию
Настроены самолеты крылатые,
Они летают по поднебесью;
Что из лука стрелы пущены;
Корабли настроены быстроходные,
Они плавают во синих морях,
Как по его наказам по великим
Поставлена стража пограничная, стража сильная:
Мимо этой стражи зверь да не прорыскивал,
Птица, черный ворон, мимо их да не пролетывал,
Никакой шпион да не проскакивал.

ПЕРВЫЙ ДЕПУТАТ

Мы по-новому жить стали
И колхоз у нас богат.
В бюллетенях пишем: „Сталин —
Наш карельский депутат".

Плещут волны, льются волны
На онежских берегах.
Дал согласие нам Сталин
Выбираться в округах.

В школах учатся детишки,
А по клубам молодежь:
Это ты, товарищ Сталин,
К светлой жизни нас ведешь.

Избы чисты, избы новы,
Электричество горит:
„Это Сталин позаботился", —
Колхозник говорит.

Ты играй, тальянка, звонче,
Мы с подружкою споем:
С новым сталинским законом
Мы по-новому живем.

Всей душой мы выбираем
Закаленного борца,
Мы надеемся на Сталина,
На друга и отца.

Я на съезде побывал,
Руку Сталину пожал
И сказал: „Отец, тебе
Шлет Карелия привет".

Мы по-новому жить стали,
И колхоз у нас богат.
Приезжай, товарищ Сталин,
Ты — наш первый депутат!

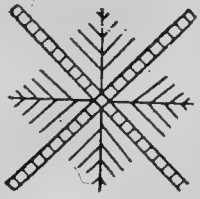
БЫЛИНА О СТАЛИНЕ

А как в том году да восемьнадцатом
Налетала сила неприятелей,
Колчака, Деникина, да Юденича —
Погубить хотели нашу молодую власть,
Молодую власть советскую,
Дорогую власть рабоче-крестьянскую,
Тогда удалый, храбрый молодец,
Свет, Иосиф Виссарионович,
Собрал к себе дружину храбрую,
Очень сильную и удалую.
Говорит он своему верному товарищу,
Ворошилову Клементию Ефремовичу,
Говорит ему да таковы слова:
„Ой, ты удалый, храбрый молодец,
Могучий богатырь, Климентий Ефремович!
Да поедем на тот фронт вражеский
Со своей дружиной удалой, храброю,
Мы поедем к городу Царицыну,
Очистим мы дорожки прямоезжие,
Не дадим в обиду трудовой народ,
Мы избавим его от когтей вражеских".
Как удалы, храбры молодцы
На тех на конях богатырскиих
Приезжали ко городу Царицыну
Со своими дружинами храбрыми.
У того ли города Царицына
Силы набрано черным-черно,
Черным-черно, что черна ворона.
И говорит Иосиф Виссарионович
Своему товарищу, Ворошилову:
„Ай же ты, Климентий, свет, Ефремович!
Ты пойди-ка по правой сторонушке
Со своей дружиной храброю

Бить силу вражеску Деникина,
Я поеду ко городу Царицыну
Очищать дорожки прямоезжие".
Тогда удалый добрый молодец,
Могучий богатырь
Сталин Иосиф Виссарионович,
Летал по фронту ясным соколом,
И с своей дружиной храброю
Стал бить силу неприятеля:
Где махнет — падут силы улицы,
Отмахнется — переулочки,
Он и бьет их, да как сено косит.
Побили всю эту силу вражеску,
И прогнали их с земли советскоей,
И очистили дорожки прямоезжие —
От Царицына и Баку-города.
Побили они эту силу вражеску,
Прогнали врагов за горушки высокие,
Прогнали за озерушки глубокие.
Не бывать им больше в земле советской,
Не топтать им полей колхозныих!
Тогда удалый, храбрый молодец,
Могучий богатырь Иосиф Виссарионович,
Со своим товарищем верным, храбрым,
С Ворошиловым Климентий Ефремовичем,
С той дружиной молодецкою
Приехали они да во град Москву,
Во ту Москву да белокаменную,
Да во тот ли Кремль высокий.
Наготове им двери отворялися,
И они на четыре стороны поклонялися,
А Владимиру Ильичу — в особину.
И говорит удалый, храбрый молодец,
Иосиф, свет, Виссарионович,
Дорогому вождю и учителю,
Тому ли Ленину Владимиру Ильичу:
„Ой же ты, Владимир Ильич!
Как приехали мы со чиста-поля
Приехали с победою великою".
И говорит Ленин Владимир Ильич,
Говорит им таковы слова:
„Ой вы, добрые молодцы!
Как вы приехали со чиста-поля
Со большою со победою,
Вы садитесь-ка за дубовый стол
На скамеюшки окольные [1]

[1] Скамейки около окон.

Да пишите письма скорописчаты
По всей, да по земле советскоей,
По всем городам и сёлышкам,
По местечкам всем, деревнюшкам,
Чтобы узнали все рабочие,
И чтоб узнали все крестьянушки
О победах богатырскиих".
И с тех пор наша власть советская,
Власть советская, рабоче-крестьянская,
Не забудет удалых, храбрых молодцев,
Помнит их века да по веку,
О победах их, да о их храбрости —
Сталина Иосифа Виссарионовича
Ворошилова Климентия Ефремовича.
Тогда удалый, храбрый молодец,
Могучий вождь Владимир Ильич,
Как во той Москве да белокаменной
Делал пированьице — почестен пир
Для всех могучих богатырей
И на всю Красную Армию.
То былинушка-деяньице
Синему морю на утишеньице,
А дорогим товарищам — на послушание!



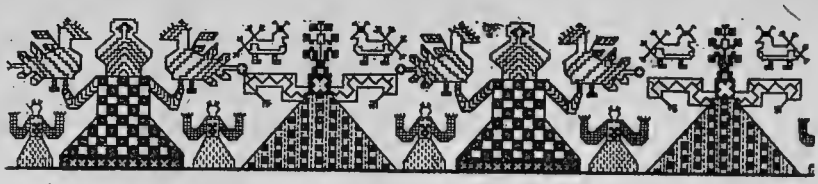
НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Печки черные по избам,
Трубы длинные по крышам,
Из холста одежда шита,
Непосильные дреколья
Для работы на подсечке,
И одна обувка — лапти, —
Только это знали прежде!

* * *

Ленин, наш отец, и Сталин
Нам другую жизнь открыли
И дорожки проторили:
Тракторами всюду пашут,
На машинах всюду ездят,
В сапогах деревня ходит.
Ленин, наш отец, и Сталин
Государство нам создали,
Близкое всему народу.
В тридцати годах была бы —
Выпало тогда бы счастье
В жизни новой век прожить свой,
Жизнь счастливая настала!
Жаль, что жить осталось мало!

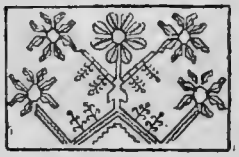


МОЛОДОСТЬ

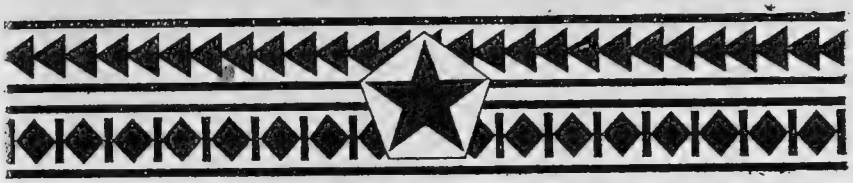
ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Говорить о днях веселых
И о молодости буду.
Дни работаем в колхозе,
Вечерами в клуб заходим.
Там у нас гармонь играет,
Там у нас всегда веселье.
Парни, девушки танцуют,
Старые сидят и смотрят,
Смотрят, меж собою судят:
Любят ли девчат ребята?
Любят ли ребят девчата?
А когда гармонь замолкнет,
Все тогда идут из клуба,
И свободно песня льется,
И у всех легко на сердце.
Девушки и парни вместе,
Им неведомо, что раньше
Парень с девушкой не смели
Вместе петь, играть, как нынче.
А теперь другое время:
От твоей заботы, Сталин,
Зажилось нам веселее,
Молодым ты дал дорогу.

Вот за то я шлю спасибо
Своему вождю и другу:
Веселее зажилось нам
От твоей заботы, Сталин!
И со всеми молодыми
Имя Сталина я славлю!



ЗАЩИТА РОДИНЫ



БЫЛИНА О ВОРОШИЛОВЕ

А в том ли году да во семнадцатом
Не осталося у нас да „царя-батюшки,“
„Царя-батюшки“ — Николушки Кровавого.
Собиралося большое совещание.
Как на этом совещаньи думу думали:
Как прогнать нам колчаковцев да Деникина,
Как расправиться со сворой Балаховича.
Говорит тут Ленин таковы слова:
„Ай же вы, удалы, добры молодцы!
Как прогоним Колчака да мы Деникина,
Не оставим следа батьки Балаховича —
Так построим города да с пригородками,
Так построимте-же села да с приселками, —
Чтобы было чем рабочему утешиться.
И той новою постройкой любоватися...“
Как ведь в эту пору, в тое времячко,
Завязалась схватка не на жизнь — на смерть,
Не на жизнь — на смерть, за землю пролетарскую.
Говорит тут Сталин таковы слова:
„Ай, товарищи вы, да трудовой народ,
Трудовой народ, да люди все рабочие!
Встаньте грудью на защиту своей родины,
Берегите свою родину, как мать дитя!“
Говорят тут рабочие таковы слова:
„Ай же ты, Иосиф, свет, Виссарионович!

Не дадим сорвать флаг красный со большой Руси,
Не дадим сорвать мы звезд со стен кремлевскиих,
Да не дадим в обиду Ленина да Сталина!"
Говорит тут Ворошилов таковы слова:
„А поеду я да во чисто́ полё,
А по своему с врагами порасправлюся".
Скоро-наскоро он Ленину докладывал
О своей поездке на великий фронт,
Брал с собой он силушку несметную
И поехал Ворошилов во чисто́ полё
С теми ли бандитами расправиться.
Как поехал Ворошилов во чисто́ поле
А на три дорожки на крестовые,
А на тех ли на дорожках, посреди поля,
А лежал тут камень цвета синего.
А на этом ли камени написано:
„Если прямо ехать, то убиту быть,
Если в леву руку ехать, то богату быть,
А если в праву руку ехать, то женату быть".
И стоит тут наш Климентий, пораздумался:
„А не хочется теперь и мне женату быть,
Не пора, не время играть свадебки,
Да и не надобно мне одному и золотой казны,
Да и не верю я, что быть убитому".
И поехал дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей дорожкой к Дону тихому,
К Дону тихому, к Волге-матушке.
Да и проехал Ворошилов с юга к северу,
От востока проехал и до запада
Со своей ли Красной Армией великоей.
Приочистили они да землю русскую,
Землю русскую от всякой нечисти.
А после же таких побед великиих
Получил большое награждение,
А и звание он маршала народного,
Стал командовать он армией великою.
А теперь народ живет дивуется
Да на маршала первейшего любуется...

* * *

А прошло ведь поры-времячка немного лет.
Как одним ли утречком ранёшенько
А вставал наш Климентий да Ефремович,
Поглядел в хрустальное стеколышко
Да на яркое утреннее зарево
И решил он тут поехать во чисто поле:
Пострелять ему хотелось гусей-лебедей,
Серых — малых перелетных утенышей.
Умывается Климентий поскорёшенько,
Взял с собой ружье он скорострельное,
Да и заходит во конюшню во стоялую,
Брал коня за повода шелковые,
Заседлал, поехал с широка-двора,
С широка-двора, да ко синё-морю.
Да и проездил молодец по день поры,
А по другой день с утра до пабедья — [1]
Не наехал он на гуся, ни на лебедя,
Да на серого перелетного утеныша;
Повернул коня да во чисто полё
И поехал обратно по чисту полю.
И завидел Климентий посреди поля,
Как работают во полюшке колхозники.
А стоит тут маршал да дивуется,
Как колхозники работают, любуется:
Не гнут спинушки они сохою-матушкой,
Да и не льют они пота по-старинушке —
Там работают комбайны да все тракторы,
А поля-то все широки — не охватит глаз.
Подъезжает Ворошилов к ним близёхонько,
Говорит им славный маршал таковы слова:
„Здравствуйте-ко, люди вы советские,
А советские да вы стахановцы!
Труд на пользу вам, удалые колхознички!
Расскажите мне, удалы добры молодцы,
Добры молодцы, колхозные стахановцы,

[1] Пабедье — завтрак.

Как на ваших на полях да на колхозных
Как хлеба растут да как трава цветет,
Много ль нонче урожая вы получите?"
Отвечают тут колхозники да таковы слова:
„Ай же ты, Климентий да Ефремович,
Не укласть нам хлеб в склады широкие,
А широкие да глубокие,
Не убрать нам сено все в стога высокие —
Столько сена, столько хлеба уродилося".
Говорят колхознички да таковы слова:
„Подойдет пора, тяжело времячко,
Мы поспеем Красной Армии на выручку,
Не дадим разбить да трудовой народ,
Не дадим разбить колхозы да с совхозами,
Да заводы наши, наши фабрики,
Отстоим мы грудью свою родину!"
А от тех ли слов от теплых
А возрадовалось сердце Ворошилова,
Да и возрадовалось сердце богатырское,
А на том былиночка покончилась.

СКАЗ О ТОЙВО АНТИКАЙНЕНЕ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Собрал товарищ Антикайнен свой отряд,
Непроходимые в то время были дороги.
По глухим медвежьим тропам со своим отрядом
Отправился славный командир в поход.
Сквозь дремучие леса и кусты можжевельника
Шли на врагов красные лыжники.
Далеко у границы, на Кймас-озере,
Вступили они в бой с белобандитами.
Перебита была банда белогвардейская
Очищена была от своры проклятой земля карельская.
От края до края — по всей Карелии
Прошли отважные лыжники...
А враги наступали со всех сторон,
Они думали захватить наш народ,
Наши леса, нашу землю карельскую.
Враги врывались к нам из чужих стран
И чужими руками хотели захватить нашу землю.
Против всех врагов Ленин и Сталин
Объединили весь трудовой народ,
Вражью свору белогвардейскую
Прогнали мы из родных наших мест.

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Партизанский наш конный отряд,
Для него никаких нет преград.
Командир наш — герой,
Он веселой порой
Впереди на коне ведет строй.
Так пойдем же, сестрица, с тобой,
Так пойдем на кровавый тот бой.
Видишь, солнце и звезды так ярко горят —
Про свободу на весь мир говорят.
Если буду убит я в бою,
Поспеши взять винтовку мою.
Ты садись на коня,
Не страшись ты огня,
Отомсти ты врагу за меня.
— Я готова, товарищ, с тобой!
Я сама — закаленная бронь!
Подавай мне коня,
Не страшусь я огня,
Есть винтовка и штык у меня!

ПЕСНЯ О КРАСНОМ ДЕСАНТЕ В ВИДЛИЦАХ

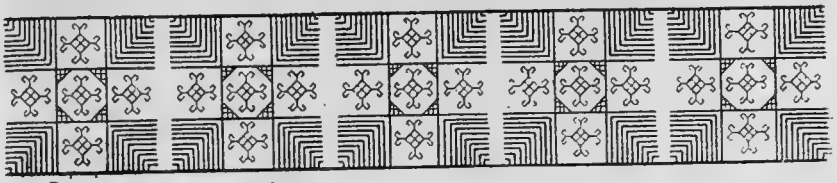
ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Жил-поживал финский буржуй,
В наши края двинулся он.
В Тулоксу путь барин держал,
В Видлицу он прямо махнул;
Сдвинуть хотел он рубежи,
Красных хотел всех перебить.
Крови моря выпустил он,
Думал нагнать страх на народ.

* * *

Финский буржуй в бане лежит,
Входит к нему друг-офицер,
Видит, буржуй спит на скамье.
Друг-офицер так говорит:
„Слушай меня, финский буржуй!
Можешь теперь спать-почивать,
Судно сюда держит к нам путь,
Финский корабль — это уж так!".
Барин с себя скинул костюм,
Скинул костюм, крепко заснул.
Рядом, в ногах, сел офицер,
Начал вино трескать, глушить.
Тою порой прибыл корабль,
Прибыл корабль, к берегу стал;
Красный на нем поднят был флаг,

К нам он приплыл бар разогнать.
В страхе вскочил финский буржуй,
Бросился в дверь, гол и разут,
Брюки его в бане нашли
Сам он в лесу сгинул, пропал.



БЫЛИНА О ТОЙВО АНТИКАЙНЕНЕ

Как во той ли Финляндии озёрноей
А среди ведь буржуазии богатоей.
А у одного рабочего обойщика
Росло чадочко веселое, отчаянно —
Молодой Антикайнен, добрый молодец.
Много видел Тойво горя, много голода
От своих престарелых родителей,
Да от их недостаточков безденежных.
Поработал Тойво и газетчиком,
Поработал Тойво и обойщиком
Он за малые гроши, да за копеечки.
А ведь работал Тойво малым юношей
Всё на тех же на буржуев, на кулачество.
Скоро-наскоро он грамоту заучивал,
А заучивал да скоро выучил.
Не пошел работать больше он газетчиком,
Не хотелось больше быть обойщиком —
Поступил он на заводы да на фабрики.
Крепко Тойво на заводах агитирует,
А он тем ли да финляндским рабочим
Против той ли власти буржуазноей.
Начинают да за Тойвою преследовать
А ведь те бандиты белофинские.
Разгорелось пуще сердце Антикайнена,
Еще чаще он рабочим стал рассказывать
О великой о свободе пролетарскоей.
А одним утречком ранёшенько
Одевался Тойво поскорёшенько
И пошел с Финляндии озёрноей:
Уходил на матушку большую Русь,
Ко рабочему классу в подкрепление.

Приходил он в государство пролетарское,
Клятву дал пред партией великоей,
Перед Лениным и перед Сталиным,
Что он будет служить да верой-правдою,
Верой правдой для народа, для трудящихся:
„Защищать я буду землю пролетарскую
Да от тех от панов от поганых".
Брал винтовочку пятизарядную,
Да набрал патронов целой тысячей,
Да пошел служить он верой-правдою
Вместе с Красной Армией великою.
А любили Тойво в Красной Армии,
Как хорошего стрелка да пулеметчика.
Тойво силу бьет, да как траву косит,
Из того ли пулемета частобойного.
За его отвагу героическую
Был подарен ему орден Красна Знамени.
Но и тут у Тойво сердце не утешилось
От того ли подарочка великого.
Разгорелась кровь по жилам добра молодца,
Да его ли сердце молодецкое
Против тех злодеев неприятелей
Ему хочется да лахтарей [1] побить
А во той ли славноей Карелии.
Да избавить от бандитов трудовой народ,
Да от тех ли панов от поганых.
А ведь этот ли дородный добрый молодец
А набрал бойцов да целой сотнею,
Целой сотнею да самых лучших.
Говорит командир да Антикайнену:
„Ты возьми бойцов хоть целой тысячей,
Чтобы с тем ли неприятелем расправиться,
Да лахтарей с Карелии повыгони!"
Говорит тут Тойво таковы слова:
„А не надобно мне войска целой тысячи,
У меня взята дружинушка хоробрая —
Не боится ни голода, ни холода, —
Я и с этой сотней дело выполню.
Нам не надобно да вороных коней,
Только дайте нам вы лыжи скороходчаты,
Дай военного нам вдоволь снаряжения".
Отправляются дородны добры молодцы
Из того ли военного училища,
Да с того ли Ленинграда знаменитого,
На защиту славноей Карелии,
В помощь Красной Армии великоей.

[1] Лахтари — белофинны.

Грудью станут на защиту своей родины,
На защиту народа пролетарского.
Со своей ли сотнею отчаянной
Он не видел трудностей да с неприятелем
От Лодейного до Кимас-озера:
Лахтари бежали, только охали,
А им некогда было назад поглядывать...
Говорит тут Антикайнен таковы слова,
А своей ли сотне скороходноей:
„Вы, удалые бойцы, да добры молодцы,
Не пойдем ведь мы в погоню, лахтарей искать,
А обойдем ведь мы их кругом да около,
А ведь встретим мы их под Кимас-озером,
С лахтарями тут мы порасправимся".
Так ведь эта сотня быстроходная
А по тому ли пути да от Лодейного
Много шли реками да озерами,
Долго шли холмами да болотами,
Да по тем ли лесам непроходимыим,
Там, где пестрый зверь да не прорыскивал,
Там, где птица, черный ворон, не пролётывал —
Там прошел ведь Антикайнен, добрый молодец,
Со своей он сотней быстроходною
А под тое ли славно Кимас-озеро.
На последний холм бойцы взобралися
И с холма наблюдают неприятеля;
С неожиданной сторонки, добры молодцы
Они в гости к лахтарям да понаехали.
Говорит тут дородный добрый молодец
Молодой Антикайнен таковы слова:
„А не надобно нам бога на помочь
Да святую пречистую богородицу —
У нас есть в руках винтовочки пятизарядные,
А у пояса висят наганы меткие;
Воробья стреляли за пятьсот шагов,
Лахтарей будем бить за целу тысячу".
А отряд ведь Антикайнена спускается
Да на то ли славное Кимас-озеро,
А он в гости к лахтарям да собирается,
Не понравятся ведь гости Антикайнена
Лахтарям да белым в Кимас-озере.
Да не выдержать французам с англичанами
Перед славной Красной Армией великою.
А они ли той да поздней осенью
А бежали от острова от Клименец —
А им некогда было назад поглядывать,
Да в Карелии местности осматривать;
Не удалось видеть им зверей и птиц,

Не удалось им в Онежском озере да лососей имàть,
Лосей имàть да сигов выловить.
Так ведь этот ли дородный добрый молодец
Со своей он да сотней быстроходною
А спускался с той горы высокоей,
Прямо шли в село да Кимас-озеро,
Да как начали лахтарей да поколачивать!
Тойво бил лахтарей, сам приговаривал:
„А ведь будете вы помнить Антикайнена,
Не захочется вам больше быть в Карелии,
Да на тех границах пролетарскиих!“
Разметались лахтари, да вкруги бегают,
А не знают, как бежать, да где спасать себя.
Илмаринен[1] в эту пору, в это времячко,
Без штанов генеральских в окно вылетел
(Ему жалко, что суп да недохлёбаный),
Позабыв Серка, он без коня бежал.
Не успел он на опушку леса выбежать,
Как из славного отряда Антикайнена
Прилетел ему в головушку подарочек;
Повалился Илмаринен как скошёный сноп.
А лахтари бежали не оглядываясь
А до самой границы до финляндскоей.
И ведь после похода Антикайнена
Не бывали лахтари; да и не бывать им здесь,
Не видать им больше и Карелии!
А еще пусть когда-нибудь попробуют
Наскочить на наш да на трудовой народ,
Да на наших колхозников с рабочими,
Так получат удары посильнее тех
Да от Красной Армии великоей,
От самого от Клима Ворошилова!

[1] Белофинский офицер, заимствовавший себе имя из „Калевалы“ с целью преобрести бóльшую популярность.

ГИБЕЛЬ БОЙЦА

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Вы поля, вы поля,
Вы широкие поля!
Как на тех на полях
Урожай был немал.
Только выросла одна
Верба́ широкая.
Как под той под вербо́й
Красный воин лежал.
Он убит, не убит,
Весь израненный был —
Голова у него вся изрубленная,
На груди у него
Красный орден лежал,
А в ногах у него
Конь воро́ный стоял.
„Уж ты конь, ты мой конь,
Ты воро́ный мой конь!
Ты слетай-ка, мой конь,
К отцу, матери домой.
Только там не скажи,
Что убитый лежу,
А пока ты скажи,
Что женатый хожу.
Споженила меня
Пуля быстрая,
Наклонила меня
Сабля острая...“

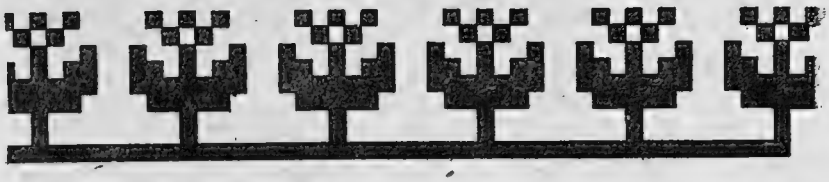
ЧАСТУШКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Захотелось белофиннам
Всю Карелию забрать,
Но мечта их не сбылася:
Им пришлося удирать.

Из Карелии родной
Миллера прогнали.
Наши красные бойцы
Край наш отстояли.

Белофинский белый пес,
Лучше ты не суй свой нос:
Если сунешь — скаешься,
Без носа ты останешься!

Интервентов мы прогнали
Белофиннов разобьем!
Наша родина могуча,
Лучше всех в мире живем!



СМЕРТЬ ЧАПАЕВА

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил-был крестьянин. Звали его Иваном. И было у него трое детей. Старшего звали тоже Иваном, среднего — Петром, а младшего — Василием.

Жили они очень бедно, не имели своих ловушек на зверя и посудины, на которой выезжают рыбу ловить.

И вот крестьянин Иван жил, жил и так бедняком и помер.

Осталась вдова с детьми. А когда выросли дети, случилась война. Старших сыновей забрали на войну, остался с матерью младший — Василий. А потом и ему пришла очередь на войну итти. Всех тогда брали поголовно. Распростился Василий с матерью и отправился на войну. И осталась мать одна-одинешенька.

Вот идет Василий по деревне. А жила тут недалеко его тетка, материна сестра. И он думает: „Дай зайду к тетке, прощусь, может и не вернусь с войны".

Зашел.

— Здравствуй, тетка!

— Здравствуй, здравствуй, плямянник! Куда идешь?

— Да вот, тетушка, на войну надо итти. Старшие братья уже воюют, ну, и мне приходится.

Она ему и говорит:

— Слушай, племянник. Дам я тебе кольцо. Это кольцо у меня от мужа осталось. Принес он кольцо с турецкой войны, и в этом кольце такая волшебная сила, что никакая тебя пуля не возьмет, никакой меч не посечет. А действовать кольцо будет только на суше, а уж на воде сила у него слабеет, — это хорошенько запомни.

Поблагодарил Василий тетку за кольцо, попрощался и пошел дальше. Вот пришел он на призыв и стал тут обучаться военному действию. И так он быстро выучился и так был силен да умен, что сразу пошел он на войну, и никакая пуля его в боях не брала.

Прослужил он на войне три года, а когда война уничтожилась и стала советская власть, приехал Василий Иванович домой. А кроме него, никто из братьев не вернулся. Братьев убили на войне.

Пожил Василий Иванович немного дома, а потом задумал жениться. Взял он из своей деревни у бедного крестьянина дочку, сыграли свадьбу. И стал Василий Иванович жить со своей женой. А через некоторое время, через год там или два, родилось у них двое детей.

Прослышал однажды Василий Иванович, что задумали генералы уничтожить советскую власть, а вместо нее свою утвердить. Обидно стало тут Василию Ивановичу, что погибнет весь трудовой народ. Подумал Василий Иванович и решил: „Лучше я еще раз пойду на войну, а уж не дам погибнуть своей родине!"

И говорит своей матери:

— Ну маменька родимая! Пойду я защищать власть советскую!

Говорит ему мать со слезами:

— Было у меня три сына, остался ты один. И тебе придется голову сложить, коль пойдешь второй раз на войну.

— Нет, мать, — говорит он, — я пойду! Если умру, не оставь ты моих малых деточек.

Распростился он с матерью и с женой, оседлал своего вороного коня и поехал в Красную Армию.

Приезжает он в войска советские, к красным командирам, поклонился и говорит:

— Здравствуйте, красные командиры советские! Хочу служить в Красной Армии, хочу помочь своей родине, хочу Колчака с Деникиным прогнать, чтобы трудовой народ освободить.

Командиры и говорят.

— Здравствуй, молодец! А кто ты есть такой? Какая твоя фамилия?

— Есть я из такой-то деревни, зовут меня Василий Иванович, а фамилия — Чапаев.

И сделали Чапаева командиром в Красной Армии.

И подошел тут вскоре бой кровавый. Вскочил тогда Чапаев на коня и на неприятеля бросился. Начал он бить, как траву косить, колчаковичей и деникинцев, шесть часов подряд бил, и мечом рубил, и копьем колол, из нагана стрелял. И все поле было усеяно телами. Колчак не удержался и убежал с остальным своим войском подальше.

А Красной Армии солдаты стали про Чапаева говорить:

— Вот это командир! Мы с Чапаевым куды хошь пойдем!

Не прошло и недели, как Колчак собрал в два раза больше войска и пошел опять на Красную Армию. Вскочил Чапаев на своего коня и начал врагов жестоко бить, мечом рубить, копьем колоть. И бил он их целые сутки. Больше половины колчаковичей убили, кого в плен взяли, а сам Колчак еле-еле успел удрать.

После боя отдохнули маленько, поели, попили. И пошел Чапаев к товарищу Фрунзе.

Фрунзе ему и говорит:

— Ну, Чапай, молодой герой! Даю теперь тебе целую армию, чтоб совсем Колчака добить. Он опять войска набирает.

Вот пошел Чапаев со своей армией к реке Белой. И расположил он свои войска у одной деревни, а где колчаковичи находятся, он не знает. Надо во что бы то ни стало узнать: где штаб Колчака? Вот и говорит Чапаев своей армии:

— А что, ребятки, кто поедет со мной на вылазку?

Ну, много, понятно, итти с ним вызвалось: он отобрал там человек пятьдесять или, может, сто, и поехали. А уж дело шло к вечеру. И встречают они по дороге одну женщину.

— Эй, тетка, куда идешь?

— Иду, командир, проведать мужа своего в Красную Армию, да сбилась с пути, голодна. Иду вторые сутки, не знаю куда и попаду.

— Ну, пойдем, тетка, мы тебя накормим.

Приказал Чапаев взять ее с собой и накормить. Вот идет она с ними. А женщина эта была полячка, и послал ее Колчак шпионкой. Но Чапаев об этом ничего не знал.

И вот доехали до одной деревни. А деревня как раз на берегу реки Белой стояла. Мужики и рассказали, где колчаковичи стоят: недалеко за лесом, верст так с десяток будет. Василий Иванович и говорит:

— Значит так, ребята: ночуем здесь, раз уж ночь нас застала, а утром пойдем за своей армией.

Расположил Чапаев посты, а сам стал на отдых.

Заснули все, и Василий Иванович уснул, только один караул остался стоять.

А полячка не спит, дожидается. Дождалась, как Чапаев уснул, и—скорей к Колчаку. Прибежала и рассказала, где Чапаев стоит, и что главного войска с ним нету. Колчак обрадовался и дает приказ своим генералам: „Поймать Чапаева живого или мертвого!"

Собрали генералы свои войска и окружили Чапаева с трех сторон. Сняли посты и в ночную пору, когда спал Василий Иванович крепким сном, напали на чапаевцев.

Вскочил тут Чапаев, закричал:

— Вставай, ребята! Измена!

Ну, чего говорить: их, может, там сотня и была — не больше, а колчаковичей тьму нагнали. Красные в избах держатся, отстреливаются, к себе не допускают. А уж патронов совсем мало осталось. И дает тогда Чапаев такой приказ:

— Бегите, ребята, к речке, тут нам не прорваться. А за рекой войско наше близко, опять на Колчака пойдем.

Кинулись чапаевцы через реку. Увидал Колчак, что красные к реке бросились, кричит своим генералам:

— Не давай переходить! Стреляй, что есть силы! А то нам всем живым не быть, если Чапаев вырвется.

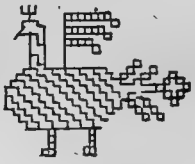
Колчаковичи пулемет повернули и давай палить. Долго плыл Василий Иванович, а потом его в руку ранило (на воде уж кольцо не действовало). Только он все равно не переставал плыть. Кругом стреляют. Много тогда красных положили. Колчак все кричит:

— Добивай Чапая, чтоб он не перебрался! Стреляй по нему по одному!

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода его голову. Тут Василий Чапаев и утонул. А уж недалеко был от берега, и красное войско шло на подмогу...

Ударили красные на колчаковичей и деникинцев, разбили их наголову и прогнали с советской земли.

Прославился Василий Иванович, по прозванию Чапаев. Почитают его по всей нашей земле.



БЫЛИНА О ЧАПАЕВЕ

Как на славной матушке да на большой Руси
Нарождалось чадо, чадо милое,
Чадо милое, да ведь любимое —
Молодой Чапай Василий, сын Иванович,
Молодой Василий да Иванович.
А во время своего да возрастания
Много видел он да горькой участи,
Горькой участи от недостаточков родителей.
Он возрос до полного до возраста,
Захотелося Чапаю много мудростей:
Рыбой-щукою нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать во чистых полях,
Птицей-соколом летать под синим облачком.
Услыхал Василий про невзгодушку,
Что с под той ли западной сторонушки,
Как ведь в тую ли пору, в тое времечко,
Как ведь в том году да в восемнадцатом
Перешли границу неприятели.
А со всех сторон да свету белого,
Точно черные вороны посыпались
А на то ли государство пролетарское.
Разгорелося сердце у Василия,
А его ли сердце богатырское.
Говорит Василий таковы слова:
„А не может быть, чтоб трудовой народ
Чтобы сдался в руки неприятелям,
Чтоб они над ним бы издевалися,
Издевалися да насмехалися!“
Говорит Василий таковы слова:
„А поеду я да во чисто поле,
Своей силушки с ними поотведаю“.

Одевается Василий, снаряжается:
Одевает одёжицу военную,
А военную одежду зелена-сукна.
Брал с собою он да саблю острую,
Свое длинное копье да муржамецкое,
Карабинку брал пятизарядную,
Кобуру с наганом на плечо одел,
Да набрал он много бомб разрывчатых.
С родной матушкой прощается;
Говорит Василью родна матушка:
„Ай же, чадочко мое любимое,
Молодой Василий, свет Иванович!
А куда ты едешь, куда путь держишь,
Когда ждать тебя, да когда поджидать,
Да когда велишь в окошечко посматривать?“
Говорит Василий таковы слова:
„Ай же, свет моя ты родна матушка!
Первые три года ты прожди за меня,
Других три года ты прожди за себя;
Так ведь, пройдет поры-времечка всех шесть годов;
Прибежит мой конь да из чиста поля,
Из чиста поля да без наездничка —
Так тогда, моя ты родна матушка,
Не покинь моих да малых детушек.
А я еду в поле биться-ратиться,
Постоять за правду за отечество,
Защищать я еду землю пролетарскую.
Не вернусь я если из чиста поля,
Не забудет власть Советов моих детушек,
Помощь даст до полного до возраста“.
Молодой Василий да Иванович
Выходил Василий на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Выбирает жеребчика неезжена.
Выводит коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Скоро-наскоро седлал да закольчуживал:
На коня подкладывает войлучек,
А на войлучек подкладывает подпотничек,
На подпотничек седёлышко черкасское.
Заседлал тут молодец добра коня
И поехал молодец из широка двора.
А его ли мать да малы детушки
Со слезами на глазах да оставалися.
Молодой Василий да Иванович
Повернул коня он на широкий двор,
Подъезжает он да к родной матушке,
Крепко руку жмет он родной матушке,

Обнимает своих да малых детушек,
На прощанье детушкам наказывал:
„Ай же, малые мои вы вьюнышки!
Как возрòстете вы до полного до возраста,
Станьте верными бойцами во чистом поле,
Защищайте землю вы советскую!“
Молодой Василий да Иванович
Повернул он своего добрà коня
А с того ль двора, двора широкого,
Да во тое ли раздольице — чисто-поле.
Со двора он ехал не воротами,
А из города он ехал не дорогою
Со своею сотнею чапаевской;
И поехал ко городу к Уральскому.
Подъезжает ко городу к Уральскому,
Нагоняет он Фрунзе да во чистом поле.
Они съехались да поздоровались,
Они делали сговор между собой,
Как им силушки расставить по фронтам везде.
Говорит ему Фрунзе таковы слова:
„Ай же ты, Василий свет Иванович.
А ведь быть тебе да атаманушком
Да над той ли армией великоей“.
Говорит Чапаев таковы слова:
„Ай же ты, Михайла да Васильевич!
Зря не сдамся в руки неприятелю,
Я не дам в обиду трудовой народ,
Трудовой народ да армию великую!“
Разъезжались каждый по своим фронтам:
А ведь Фрунзе едет туда да ко Царицыну,
А Чапаев поехал ко Уральскому.
Приезжает Фрунзе во Царицын-град,
Прямо едет к штабу на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в палаты белокаменны,
А он низко всем да поклоняется,
Да товарищу Сталину в особину:
„Здравствуй свет, Иосиф да Виссарионович!
А я был сегодня во чистом поле,
А я видел во чистом поле Чапаева;
Он поехал биться ко Уральскому,
А я поехал биться ко Царицину“.
Говорит ему Сталин таковы слова:
„Ты запомни-ка, Михайла да Васильевич! —
Как поехали с Москвы мы белокаменной,
Ленин в поезде нам настрого наказывал,
Постоять велел за правду, за отечество,
Не велел давать в обиду трудовой народ;

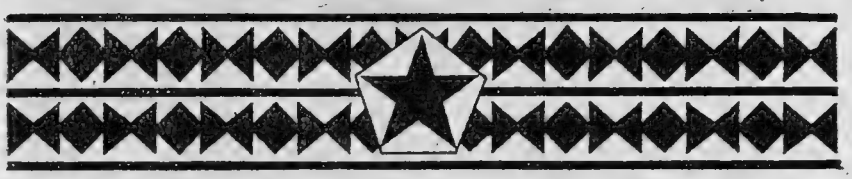
Пусть Чапаев едет ко Уральскому,
А мы будем биться под Царицыном,
Да очистим-ка ведь мы да землю русскую,
Землю русскую от неприятеля,
Не дадим в обиду трудовой народ".

* * *

Молодой Василий да Иванович
Подъезжает ко городу к Уральскому.
Как под тем под городом Уральскиим
Нагнано там силушки черным-черно,
А черным-черно, как чернà воронà.
Хочет черных мужиков да всех повырубить,
Да во том ли городе Уральскоем,
Та ли сила неприятельская.
Разгорелося сердце у богàтыря,
У молодого Василия Чапаева.
Закричал Чапаев громким голосом:
„Ай же, братцы мои, да вы товарищи!
Колотили с вами мы Деникина,
Не давали мы пощады и Юденичу,
А Юденичу да Балаховичу,
Не оставимте в живых и колчаковских банд!"
И пошла пальба да тут по всем фронтам...
Сам Чапаев ясным соколом
Он летал от юга и до севера
Со своей ли армией великою.
А он силу бьет да неприятеля,
Да он силу бьет, да как траву косит.
А ведь сила в нем да не уменьшилась:
Он копьем колол, да из ружья стрелял,
Из ружья стрелял, рубил он саблей острою;
А куда ударит — падет улица,
Повернет саблю — переулочки.
А ведь в ту ли пору, в тое времечко,
Ко тому ли славному Чапаеву
Подъезжал Фурмàнов из чистà поля,
Из чистà-поля к Чапаю в подкрепление.
Молодой Василий да Иванович
Подъезжал ко реченьке ко Белоей,
Усмотрел на северном бережке:
А там было силушки черным-черно,
А ведь вся-то сила неприятеля.
Молодой Василий да Иванович
Со своей ли конницей великоей
Они вплавь да через речку бросились
А к тому ли северному бережку,

Точно ясны соколы слеталися
Да на ту ли силу неприятеля,
Поклевали колчаковцев да деникинцев.
Крики, плачи раздавались колчаковские
Перед славною сотнею Чапаева.
У того ли Колчака да у Деникина
А ведь силы стало мало становитися
Испугались колчаковцы да деникинцы,
А в побегах начали отстреливать.
Так ведь в эту пору, в это времечко,
А одна ли пуля неприятельска
Врылась в тело белое Чапаева.
Молодой Василий да Иванович
Не почувствовал в себе ранения;
Его добрый конь да богатырский
Он не дрогнул от удара от великого, —
Еще пуще по полю поскакивал.
Молодой Василий да Иванович —
Он летал по полю ясным соколом
Со своей ли армией великоей.
За свою отвагу героическу
Получил большое награждение —
От своей ли славной власти пролетарскоей
Получил он орден Красна Знамени.
А и тут его сердце да не утешилось,
От такого подарочка великого
Еще пуще сердце разгоралося
У молодого Василия да Иванова:
Со своей ли доброй Красной Армией
Еще пуще дрался за отечество.
А в одну ли ночку, ночку темную,
Крепко спать бойцы легли да во белых шатрах
После боя-драки, кроволития,
А ведь в тую ли пору, в тое времечко,
Налетела сила неприятеля,
Налетела тучей черных воронов,
Да ведь эти-е ли вороны рассыпались
А над славными героями над спящими.
Как проснулись от стрельбы да оружейноей
Молодой Василий да Иванович
Со своей ли он да Красной Армией,
Видит дело есть тут нехорошее:
У того ли Колчака да у Деникина
Было нагнано силушки черным-черно,
А черным-черно, как черна ворона,
Тут вскричал Василий громким голосом:
„Ай же, братцы мои, да вы товарищи!
А поедемте за речку на ту сторону,

Да на той ли сторонке схватку сделаем".
Сам Василий тут да в речку бросился
И поплыл ко западной сторонушке.
Как ведь в ту ли пору, в тое времечко,
Не успел Василий выплыть да на бережек,
Как последняя пуля неприятеля
Да ударила Василия во головушку.
Утонул Василий посреди реки...
А вставали все, спохватилися,
Что не стало Василья Ивàнова,
Еще тут их сердца да разгоралися,
А у той ли армии великоей,
А после потери Василия,
Да Василия Иванова Чапаева.
Тут они за ружья похваталися,
И прогнали с матушки большой Руси
Все остатки силы неприятеля.
Пусть еще когда-нибудь попробуют
Наскочить на наше царство пролетарское,
Так получат удары посильнее тех,
Что в былые годы были дàны у Чапаева.
А ведь с той поры, да с того времечка,
Трудовой народ живет да царствует,
Вспоминает великого Чапаева.
За его ли подвиги великие
Есть на Волге памятник поставленный —
То великого героя да Чапаева.
А тому ли славному Чапаеву
За его заслуги за великие.
А ведь вновь былины составляются...
Да ведь тем эта былиночка кончается.



О ЧАПАЕВЕ

Слушайте вы, дорогие товарищи!
Расскажем мы вам былину —
Былину про удалого, храброго молодца,
Могучего богатыря Чапаева,
Чапаева Василия Ивановича.
Как в одной деревне Поволжья
Родился удалый, храбрый молодец —
Могучий богатырь Василий Иванович.
Родился он в большой семеюшке.
В большой семеюшке, в бедной семеюшке,
Стал расти он да матереть,
Учился всяким хитростям и удальству,
Всяким хитростям, всяким мудростям:
Ясным соколом летать по воздуху,
Серым волком рыскать по лесу.
И как настал год восемнадцатый,
Как пришла да власть советская,
Власть советская, власть рабочая,
Власть рабочая, власть крестьянская,
Тогда на нашу молодую власть,
На молодую власть, на советскую,
На советскую, пролетарскую,
На пролетарскую, на рабоче-крестьянскую,
Налетели банды белые,
Неприятели — войско Колчака,
Войско Колчака да и Деникина,

Как Деникина и Юденича.
Разгорелось сердце богатырское,
Раскипелась кровь да молодецкая.
Тогда удалый, храбрый молодец,
Молодой богатырь Василий Иванович,
Говорит он таковы слова:
„Пусть они того не думают —
Не бывать им в земле советской,
В земле советской, пролетарской.
Я пойду с ними поратиться,
Показать им силу богатырскую,
Дам удар им богатырский,
Чтоб не пришли они на землю советскую
Уничтожать власть пролетарскую".
И пошел тогда храбрый молодец
И пошел он на свой широкий двор,
Во конюшеньку стоялую,
Взял жеребчика он лучшего,
Лучшего да очень быстрого,
Привязал его на широкий двор,
Стал коня седлать, выседлывать:
Сперва клал на коня войлучек,
А на войлучек клал потничек,
И наверх свое седелышко, —
Не для ради красы-угожества,
Ради крепкие закрепы богатырские.
И тогда удалый, храбрый молодец,
Храбрый молодец Василий Иванович,
Взял себе он шашку острую,
Взял винтовочку пятизарядную,
Взял кобурочку патронную,
Попрощался с женой с матерью,
Попрощался с малыми детушками...
Видели его на коня сядучи,
Но не видели его поедучи.
И тогда храбрый молодец,
Могучий богатырь Василий Иванович,
Собрал он дружину храбрую,
Дружину храбрую, очень смелую, —
Пролетариев да крестьян бедных.

Говорит тогда удалый молодец,
Храбрый богатырь Василий Иванович,
Говорит дружинушке таковы слова:
„Ай, дружина моя добрая и храбрая!
Мы пойдем стоять за власть советскую,
Власть советскую, рабоче-крестьянскую,
Мы прогоним банды белые,
Банды белые, колчаковские".
И зашли они в Уральск-город,
А в том городе Уральскоем
Силы нагнано черным-черно,
А черным-черно, что черна̀ ворона̀.
Тогда удалый, храбрый молодец,
Богатырь Василий Иванович,
Подошел он к этой силушке
Со своей дружиной храброю.
Стали они силушку помахивать,
А сам удалый, храбрый молодец,
Добрый молодец Василий Иванович,
Летал по фронту орлом сизыим,
Орлом сизыим, ясным соколом.
Бьет он их рукой могучею,
Рукой могучею, богатырскою:
Куда махнет — падут силы улицы,
Отмахнется — переулочек.
И удалый, храбрый молодец
Банду бил, как траву косил.
Испугались банды белые,
Банды белые, колчаковские,
Разбежались они по всем сторонушкам.
Как в то время, в ту минуточку,
Налетела пуля вражеская,
Налетела в грудь богатырскую,
Но не повалила пуля Чапаева,
Храброго молодца, Василия Ивановича.
Еще пуще сердце разгорелося,
Пуще кровь его заиграла̀ся.
Тогда удалый, храбрый молодец,
Богатырь Василий Иванович,
Говорит дружине таковы слова:

„Мы поедем гнать банды белые,
Банды белые, колчаковские;
Мы прогоним их от своей родины".
И погнали их за Урал-реку.
И тогда удалый, храбрый молодец,
Богатырь Василий Иванович,
Говорит дружине таковы слова:
„Дружина моя добрая и храбрая!
После бою, драки богатырскоей,
Будем отдых мы опять держать,
Провожать мы будем темну ноченьку".
И заехали они ко берегу Урал-реки,
Слезли они с коней быстрыих,
Пораздернули палатки белые,
Провожать стали ночку темную.
И как стала ночка темная,
Ночка темная да и нерадостна,
Как в ту ночку, в ночку темную,
Налетела сила вражеская,
Сила вражеская, колчаковская,
Окружила она дружинушку,
Дружину храбрую Чапаева,
Могучего богатыря, Василия Ивановича.
И вскочил на ноги резвые
Чапаев Василий Иванович,
Видит он, что дело тут неладное,
И говорит дружине таковы слова:
„Ой, товарищи, храбры молодцы!
Пало дело нам неладное,
Но не сдадимся силам вражеским
Без того без боя молодецкого,
Не умрем без боя смертью глупою,
Умрем мы храбростью молодецкою!"
И стали банды белые обстреливать.
Видит Чапаев Василий Иванович,
Что дело тут совсем неладное.
Вскочил Чапаев в Урал-реку,
Стал плыть на ту сторонушку,
Чтоб бить оттуда банды белые.
Стали белые в него стрелять,

Стрелять в него из пулеметышков.
Не успел доплыть до берега:
Попала пуля ему в головушку,
В его головушку, храброго молодца,
Богатыря Василия Ивановича.
И утонул наш храбрый молодец,
Храбрый молодец Василий Иванович...
Как в то время, в ту минуточку,
Подоспела храбра Красна Армия
И прогнали банды белые,
Банды белые, колчаковские,
С земли советскоей, с земли пролетарскоей,
Дали им удар хороший, удар крепкий.
Помнить стали банды белые,
Что советская земля не пуста стоит:
Есть в ней храбры, смелы молодцы,
И есть сильна, огромна Красная Армия,
Она готова дать удар могучий
В каждый день, в каждый час,
В каждый час, в кажду минуточку,
Если станут задевать власть советскую
Власть советскую, рабоче-крестьянскую,
Мирный люд, народ советский.
А про удалого, храброго молодца,
Храброго молодца Василия Ивановича,
Славушка пошла великая
По всему по белу светушку,
Славушка пошла незабываема.

ПЕСНЯ ПОГРАНИЧНИКОВ

Тучи грозны, тучи темны
В небе высоко идут.
Пограничники-чекисты
Песнь веселую поют:

„Мы всегда стоим на страже
На священных рубежах,
Пусть коснутся банды вражьи —
Переделаем их в прах!

В бой готовы мы в ненастье,
В ливень, холод и дожди —
До последней капли крови
Не оставим рубежи.

Мы всегда стоим на страже
На священных рубежах.
Пусть коснутся банды вражьи —
Переделаем их в прах!"

МОЕ СЛОВО

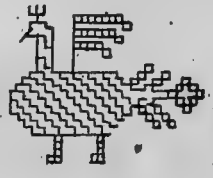
ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Помню время военное,
Трудное время, —
Были то годы тяжелые,
В память мне они врезались.
Двигались враги на нас, села сжигали,
Много было людям горюшка тут...
Но красные наши лыжники
Выгнали вон кровавых псов!
Есть теперь у нас армия,
Красная Армия есть,
Родная наша армия.
Радостно нам стало.
Доблестной армии нашей силу
Враг себе не может представить.
Все мы, когда нужда в том будет,
Армии нашей поможем.
Свора врагов злобствующих
Зарится на нашу землю,
Но наша славная армия
В небе, на земле
Всегда готова врага встретить.
Здравствуй, родная Армия,
Армия наша родная!
Здравствуй же ты,
Славный наш железный вождь,
Товарищ Ворошилов!

ПЕСНЯ О ПОИМКЕ ШПИОНА

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Трем охотникам однажды
Человек попал навстречу,
И охотники спросили:
„Чей такой, скажи, ты будешь?“
Человек им отвечает:
„Дед мой близко похоронен,
Вы мне родственники тоже;
Где-то здесь могила деда,
Там поставлен крест железный.“
Тут охотники смекают:
„Обмануть прохожий хочет —
Он прошел через границу
И наверное шпионит“.
Тут они переглянулись
И прохожего забрали:
„Не родня ты вовсе наша,
Ты родня, быть может, волку:
Как вредят хозяйству волки,
Так и ты хотел бы сделать.
Ну-ка, где же дедов крестик?“
Взяли крепко незнакомца:
„Куда следует — доставим!“
Повели его, да прямо
На советскую заставу.



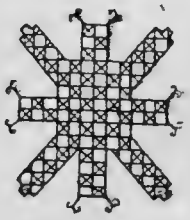
ПРО ИВАНА - БОГАТЫРЯ

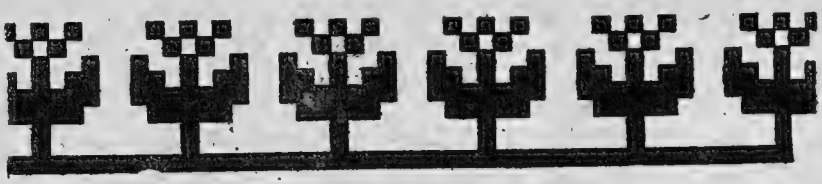
БЫЛИНА

Вставал Иванушка по утрышку ранёшенько,
Мылся вòдушкой белёшенько,
Обтирался посухóшенько
Тонким льняным полотенышком.
Одевался почистёшенько
И просил у матушки разрешеньица
Ехать на границу на японскую,
Защищать свою родину.
И говорила Иванушке матушка:
„Даю, Иванушка, тебе да разрешеньице
Ехать на границу на японскую,
Защищать свою родину."
И шел Иванушка во стойло лошадиное,
Брал себе коня богатырского,
Он зауздывал, заседлывал:
Клал он войлучки да на войлучки,
А потнички да на потнички,
А наверх кладал седелышко крестьянское
Со стременами да железными.
И садился Иван да на добра коня,
Брал оборону с собой богатырскую,
Брал пулемет многозарядный
И подъехал Иван на границу на японскую
Защищать да свою родину.
Как встретился с японским нáбольшим —
Ростом-то нàбольшой великий ведь,
А толщиной — как идолище неверное,
А голова-то — как змеище трехглавое.
И спрашивает японский нàбольшой у Иванушки:
— Куда едешь, добрый молодец, — куда путь держишь?

Отвечает Иванушка:
— Еду я на границу японскую защищать свою родину.
А говорит японский нàбольшой:
— Ты один едешь, добрый молодец,
А у меня силы — смету нет!
Еду я ваш славный город во полон забрать!
Тут Иван с японским нàбольшим да пораздорился,
Тут у Иванушки сердечко разгорелося,
И поехал на силу на японскую,
И начал с пулемéта постреливать,
И начал силу японскую на камню валить.
Тут сила японская стреляла в Иванушку
Пулей-то железною;
Иванушка пули-то выдергивал,
Маковыми листьями раны затýпывал;
Покуда мог Иванушка, что снарядов было в пулемете,
Все повыстрелял.
Тут Иванушку сила японская подстрёлила.
И пришло известьице широкое,
Что нет живого Иванушки...
И узнал Ивàнов тятенька:
„Кто же будет заменять Иванушку?“
А у Иванушки был меньшой брат,
Звали брата Федором.
Да говорит Федор, меньшой брат:
„Как поеду я на границу на японскую,
Заменять буду Ивана должность я,
Защищать буду свою родину“.
С Федором товарищей много справляется,
И поехали добры молодцы на границу на японскую,
Защищать свою родину.
Как встретились с японским нàбольшим,
Да говорит японский нàбольшой:
„Мне сказали, что Ивана и в живых-то нет,
А Иван на меня войной идет!“
Тут поехали добры молодцы
Сражаться с силой японскоей
И начали они да с оружéй стрелять,
С оружей стрелять да с пулеметов бить.
А подстрèлили да тут Федора;
А он пули-то железные выдергивал,
А и маковыми листьями затýпывал.
Как услышал он, да и шум шумит,
А и шум шумит, да и гром гремит:
Летит на подмогу да и третий брат,
А и третий брат, да с Красной Армией.

Начали как с-под тученьки спускатися,
А и с-под той ли тучи темноей,
А спускались они да как белы лебеди.
Тут прибили силу всю японскую,
Что пробралась на советскую сторонушку.
А на том былина и покончилась.



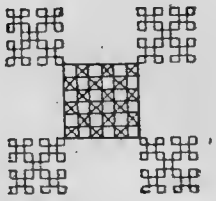


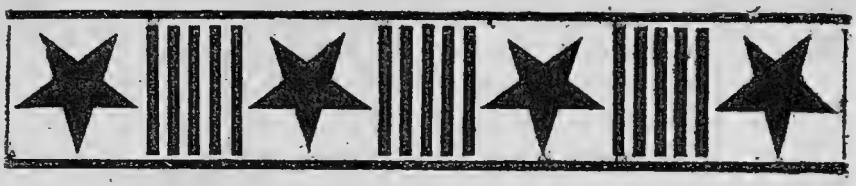
ПЛАЧ ПО МУЖУ, УБИТОМУ НА ГРАНИЦЕ

Как сегоднешним денечком
Получила весть нерадостну
Как об своей об законной об семеюшки,[1]
Что убита законная семеюшка
У врагов земли советскоей,
У злодеев супостатоев.
Я осталася, победная головушка,
С малыми со детушками:
Одно стадушко гусиное,
А другое лебединое.
Как я стану их возращивать
Без родителя, без тятеньки?
Приодумаюсь, победная головушка,
Уж я выйду на широкую на улицу,
Посмотрю я на четыре на сторонушки:
Не летят ли самолеты златокрылые,
Не стучат ли моторы да громогласные,
Не везут ли там законную семеюшку
К вам, детушки, родителя-тятеньку?
Вы послушайте, рожены мои детушки!
Мы подумаем, победные головушки,
Что живем теперь-то мы да не по-старому;
Хоть и нет у нас родителя-тятеньки,
Но мы на тое-то надеемся:
Мы напишем скорописчатые грамотки

[1] Муж.

Многоумным головушкам,
Мы товарищу Сталину —
Он не бросит нас победных,
Не оставит нас раздетых,
И не оставит нас разутых.
Хоть болит мое ретивое сердечушко,
Но все надеюся, победная головушка.





КАК НЕ ТУЧА ЛИ, ДА ТУЧА ЧЕРНАЯ

Как не туча ли, да туча черная,
Туча черная, подвосточная,
Со громом туча понадвинулась
Как на тую ли страну на великую,
А на границу да на советскую.
Как захотелося самураям японскиим,
Как захотелось завладеть землей советскою.
Отправляют они рать великую
В ночную ли да пору-времячко.
А везде все спит спокойным сном,
А не спит лишь стража пограничная,
Пограничная стража советская:
Она строго следит на своем посту,
То не гады ли да ползучие,
А не змеи ли да шипучие
Подползали на границу советскую.
А пограничники да советские
Они встречали гостей да незваных,
А незваных гостей непрошенных.
Они встречали их да пулеметами,
А угощали их да саблей острою.
Как с высот они покатилися,
В Хасáн-озере да очутилися.

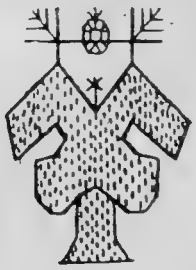
Как за их натуру,[1] за ухваточки,
Засверкали их только пяточки.
Крепко их ведь тут наши дунули,
Чтобы впредь они больше и не думали...

[1] Натиск, нападение.

БЫЛИНА О БОЙЦЕ ЗЫРЯНОВЕ

Как поезжает Зырянов, добрый молодец,
На тое ли поле бранное,
На своем-ли коне на ретивоем,
Как доехал он до Хасан-озера и пораздумался:
На коне ль мне ехать на поле бранное,
Или лучше пойти в бой мне пешему,
На скалистую вершину Заозерную.
И спросил он разрешения
Чтобы в бой итти ему пешему,
Итти пешему в рукопашную
За свое славное отечество,
За свою советскую родину,
За Сталинскую Конституцию,
За самого товарища Сталина
И за своих товарищей храбрых воинов.
Он в руку левую пистолет берет,
В руку правую саблю острую.
И как вышел он на гору Заозерную,
И увидел самураев японскиих, —
Богатырское его сердце разгорелося,
И закричал он зычным голосом:
„Эй, вы самураи японские,
Уходите вы с нашей территории советскоей
Не стоять вам против нас в бою!
В Хасан-озере воды вы много выпили,
А мы больше вашей крови повыточим.
Высока гора Заозерная,
Но, мы выше гору сделаем
С ваших трупов — самурайскиих!".
Услыхали его голос богатырский
Те ли самураи японские,

Окружили его, молодца, со всех сторон.
Расходились его плечи могучие,
Размахались его руки сильные:
Он направо махнет — летят головы —
А налево пальнет — трупы валятся.
Прибил он их чуть не до единого,
А остальные самураи на бег пошли,
И сами они заклинаются:
„Не дай ты нам, боже, бывать
На русско-советской земле.
Не дай ты нам, боже, видать
Русско-советских людей,
Неужели в России все таковы,
Что один человек наших тридцать семь убил".
И как Зырянов молодец
Он погнался вслед за самураями,
— Угодила пуля вражеска,
Во его-ли грудь широкую,
И убила его до смерти,
И повалился он на сыру землю.
Перестало биться его сердце богатырское,
Во его груди во белоей.
Его тело зарыто во сырой земле,
Об нем слава пройдет по всей земле.



ЧАСТУШКИ

Красной Армии на помощь
Будь готов, всегда готов!
Все сомкнем ряды стальные,
В золу превратим врагов.

Смело скажем мы врагам:
Не страшны теперь вы нам!
Есть у нас и самолеты,
Есть и танки, пулеметы!

Это наш комсомол,
Комсомольско слово, —
Если враг нападет,
Армия готова.

Веселись моя милая:
Еду в Армию служить,
Выучусь — пилотом стану,
Веселей нам будет жить.

Прощай братец дорогой,
Не забывай сестрицу —
В Красну Армию идешь
Охранять границу.

Что отцы добыли кровью,
Мы того не отдадим —
За страну свою родную
Грудью встанем, как один!

МОЯ ЛЮБУШКА ХОРОША

РУССКАЯ КОЛХОЗНАЯ ПЕСНЯ

Моя любушка хорóша-хорошá
Поехала в колхоз боронить,
А я поехал, добрый молодец,
В Красну Армию служить.
Моя любушка хорóша-хорошá
Пошла в колхоз молотить:
Молотилкой молотила, приколачивала,
Батожком-то соломку поворачивала.
Моя любушка хороша
Пошла в колхоз веять:
Веялкой-то веяла,
Да хлебушка навеяла.
Вы в колхозе работáйте
Да не мешкайте,
Работайте, не лытáйте, [1]
Да и нас не забывайте!
А мы будем в Красной Армии служить,
Верой-правдою служить;
Весело да будем жить.
Как вернуся я домой,
Наживемся мы с тобой.

[1] Лытáть — лениться, лодырничать.

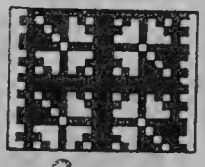
ЧАСТУШКИ

Самураи захотели
В Хасане покупаться,
Пуль советских хватанули —
Пришлось убираться.

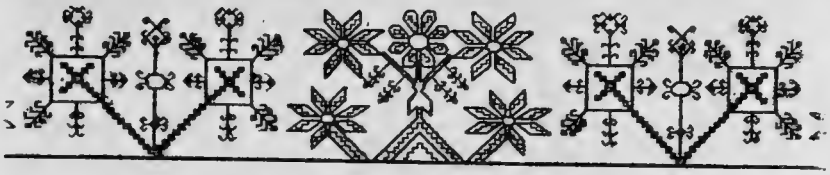
Шлем мы пламенный привет
Героям-пограничникам!
Они славный отпор дали
Самураям-хищникам.

Пусть услышат слово наше,
Слово наше слышно им?
— Нам чужой земли не надо
И своей не отдадим!

Самурай войну затеет
В порошок его сотрем;
Пыль по ветру мы развеем
След метелкой заметем!



ЖИЗНЬ СОВЕТСКАЯ



ЧЕМ МОСКВА ПРОСЛАВИЛАСЬ

Уж ты матушка да Россиюшка,
Ты Россиюшка, да Советский Союз!
Далеко же ты да пораскинулся,
К морю Черному да принадвинулся.
А от морюшка ли от Черного —
До того океана Ледовитого.
Широка страна да советская,
Рабоче-крестьянская, да пролетарская.
Как во матушке во Россиюшке
Нет царей теперь коронатыих,
Нет князей-бояр бородатыих,
Нет помещиков, кулаков брюхатыих —
Все рабочий люд да колхозники,
Теперь жирушка свободная.
Всем дороженька да широкая, свободная.
А по этой ли по дороженьке
Да ведет-то нас любимый вождь,
Дорогой наш и отец родной,
Как Иосиф ли Виссарионович,
А еще наша любимая партия.
Все вожди у нас народные, надежные —
Из темна леса они повыведут,
Из синя моря со дна повыздынут,
С ледяных гор да повыручат.
Преж сего было, до этого,
При тяжелой жизни при царскоей:
Во реках люди утопалися,
В болотах люди увязалися,
В тайгах люди заблуждалися. . .
У товарища ли у Сталина
Везде построены дороженьки прямёхоньки:

Через речки — мостики тесовые,
Через болота — переходики надежные —
Пойдешь по реченьке — не утопишься,
Во темном лесу не заблудишься.
У товарища ли у Сталина
Как во корбушках [1] во дремучих,
Во болотах во топучих
Выросли заводы да фабрики,
Выростали города с пригородками,
А и села ли со приселками.
У товарища у Сталина
Как от морюшка ли от Белого
До того ли озера Онежского
Протекала речка новая, широкая,
Под названием канала Беломорского.
Тут приходят к нам суденышки заграничные,
А привозят товары нам различные
И берут от нас золото зеленое.
А как к нашему забытому-то Пудожу
Преж сего было, до этого:
Как озерышко ледочками покроется,
Так и к нам дороженька покончится:
Нету пешему прохожденьица,
Нету конному проезжаньица.
А теперь живем с людями наровне:
Прилетают самолеты скоролетные,
Нам приносят весточки да в скором времени.
Вся то жирушка пошла веселая, хорошая,
Вся работушка по-ударному.
Вся деревенка теперь — одна семья:
На полях пашут на широкиих
А не сошками да не вилами,
Тракторами пашут да машинами.
Боронят боронами железными.
На полях у нас на колхозныих
А растет-цветет любо-дорого.
Сенокос косим косилками,
Убираем хлебушко жнилками,
А снопы молотим молотилками,
Посмотреть на это любо-дорого.
Как в полях нету у нас междуполосицы,
И урожай у нас лучше прежнего:
Как овсы у нас растут бронистые,
А растут жита зернистые,
Да и рожь растет колосистая.
Идем с работушки, да нет заботушки:

[1] В чащах.

Наши детушки не голодные,
Они в ясли все устроены.
Мы пойдем в сельсовет да на собраньице,
В красный уголок мы на читаньице
Или в клуб на постановочки.
А во зимнюю во порушку
Мы забыли лучинушку сосновую,
И светцы[1] забыли одноногие,
И забыли коптилки керосиновы.
Как на наши деревни крестьянские
С небес звездочки опустилися,
Наши избы электричеством,
Точно солнцем, осветилися.
Прежде нам во сне не казалося,
Чтобы солнце в хате загоралося.
Чудеса в деревне появилися,
Старики и старушки удивилися.
Говорят они про свое житье горе-горькое:
„Мы работали рук не кладучи,
Своей силушки не жалеючи;
От работушки горбы нажили,
Ничего мы хорошего не видели.
А-кулак-богач он копил казну,
А за нашу работушку нас гнул в дугу...“
Как еще у нас во Пудоже
Через Водлу-матушку широкую
Повыстроены мостички кленовые,
Положены перильчики точеные.
Молодой пойдет — любуется,
А середь веку — подивуется,
А старый пойдет, тот наплачется,
Жизнь прежнюю вспоминаючи.
Как было преж сего, да до этого,
Как на горушке да на Кашиной,
Да на щельге[2] той да проклятоей,
Не ходили туда люди добрые,
Там были чудовища страшные,
Там бегали черти рогатые,
Они рогатые, долгохвостые,
А теперь на горе да на Кашиной
Стоят там трубы высокие,
А дымят там дымы черные
И трещат там взрывы динамитные,
Разрывают камешки гранитные
И бросают камни за целую версту.

---

[1] Приспособление для горящей лучины.
[2] Щéльга — скала, каменный кряж.

И прогнали всех чертей рогатыих, мохнатыих
Во болотушко за Шалозеро,
И спустились черти на само дно.
А на той на горе на Кашиной
Там работают — только шум-шумит,
Только шум-шумит, как котел кипит:
Там звенят молоточки-кияночки,
Выбивают валуны да брущаточки,
Тут построены рельсы одноколейные,
И катят вагонетки нагруженые,
Укладывают на суда на червонные,
Отправляют во разные во стороны,
Как во том в озёрышке Онежскоем,
А на том на острове на Голецкоем,
Там были змеи-то шипучие
И гады были ползучие:
Рыболовам клевали руки белые,
Кругом ног змеи обвивалися, —
И на остров заезжать люди боялися.
А теперь на острове на Голецкоем
Разработка гранита производится,
И живут там люди, будто в городе:
Там и клуб и кино — все удовольствия,
А гадов — змеев и помину нет.
Они в озеро ль укатилися,
Сквозь исподню ли провалилися.

* * *

Ох ты, гой еси, Москва каменная.
За эти годышки да ты прославилась
Не церквами, Москва, не соборами,
Не большими ты колоколами,
Не царями, Москва. не коронами,
А прославилася Москва да белокаменна
Она фабриками да заводами.
А во той Москве белокаменной
Там товарищ Сталин с Ворошиловым,
С Михаилом Ивановичем Калининым
Думы думают, да дело делают.

ЖИЗНЬ БЕЗ КУЛАКА

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

В Карелии колхозы
Всюду победили,
Кулаков в деревне
Машины раздавили.

Кулак злился, точно чорт,
И от страха дрожал —
Пятилетки сталинской
Он не ожидал.

Работаем ударно мы
Нету старых сел,
Кулацкой власти прежней
Конец давно пришел.

Продавал кулак, менял,
Власть над мужиками держал,
Прибыль клал себе в карман,
Что хотел он, то и брал.

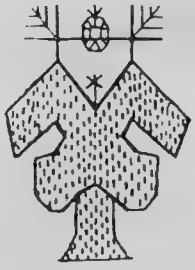
Богатства много он имел,
Господином был всему,
Силой заставлял народ
В ноги кланяться ему.

Роскошно жил кулак,
Не тужил:
Он с жандармами якшался
И царю служил.

Благославляла его церковь,
Царь народ угнетал,
А кулак мужика
Грабил, обдирал.

Но когда большевики
Власть завоевали,
Похудели кулаки,
Как селедки стали.[1]

Кулак бесился, ругался,
Мстить народу собирался...
Но не быть уж на селе
Теперь кулацкой кабале.



[1] В подлиннике: сохли как селедки на вертеле.

КАК БЫ ВЕРНУТЬ НАМ ЛЕТА СВОИ СНОВА

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Как бы вернуть нам лета свои снова.
Как бы начать свою жизнь с тридцати.

Ленину — слава. Сталину — слава.
Жизнь изменили они:

Все мы одеты, нет в хлебе нужды;
Не пропадают наши труды;

Всюду машина — в лесу и на поле
Нам помогает, и кормит и поит, —

Лучшей жизни нигде не найти.
Как бы начать свою жизнь с тридцати!

ПЕСНЯ О СТАХАНОВЦАХ

Сыпь, тальянка,
Сдынь басами,
Заливными голосами,
Разуважь, не откажи,
Про Стаханова скажи.
Нет стахановцам преграды,
Недоступных нет высот,
Сделать нам скорее надо
Весь стахановским завод.
Каждый винтик нам полезен,
И беречь его должны,
И Стаханов и Березин[1]
Одинаково нужны.
Эй, гармошка,
Сдынь басами,
Заливными голосами
Про станочный расскажи,
На дефекты укажи.
Лодыри, Иван с Федулом,
Дождались законных кар —
Ведь стахановцы прогулам
Нанесли большой удар.
По-стахановски трудиться,
По-бусыгински ковать,
С Виноградовой сравняться,

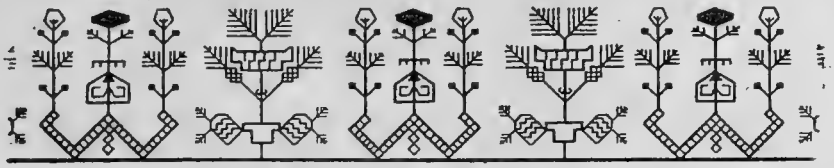
[1] Березин — рабочий Онежского завода.

Кривоноса обогнать!
Дело доблести и чести —
Сменный план процентов двести.
Ну, а если поднажать,
Значит триста можно дать.

ПЕСНЯ ЛЕСОРУБОВ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Хорошо теперь живется,
Оттого легко поется.
Наша песенка о том,
Чтобы нормы старые
Лесорубы навсегда
Позади оставили.
Поработать Миша любит,
Ловко так никто не рубит —
Дело с песнею идет,
За троих справляется.
Знают все и говорят,
Про него, стахановца.
Говорила я Петру:
„С тобой рядом не пойду:
На работе ты, Петруша,
Чуть шевелишь головой,
Старой нормы только держишься,
Работник горевой".
Почему в лесу далеко
Наша слышится работа?
Не с одними топорами
В лес теперь являемся,
Пилим, возим тракторами,
Скоро управляемся.



ЧАСТУШКИ О ЛЕСЕ

Эх, веселая частушка,
Звонки наши голоса.
Поднял лес-красавец голову
Высоко в небеса.

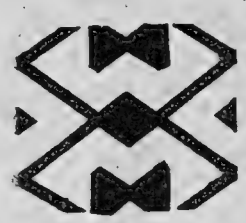
Топорит, стучит в лесу,
Лес наполнен шумом, свистом,
Сосны старые скрипят
И ложатся в снег пушистый.

По-стахановски мы нормы
Перевыполняем:
Надо много стране леса —
Все мы это знаем.

У меня миленький — в бору;
Я ни с кем не говорю,
Ни с кем не занимаюся;
Из бору дожидаюся.

Стукай, стукай, барабан.
Скину старый сарафан:
Нынче лесорубочки
Надели модны юбочки.

Девушки, слыхали новость.
Все в деревне говорят,—
Завтра мы на пункт поедем
Лес стране заготовлять!



ПЕСНЯ О ТРАКТОРЕ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

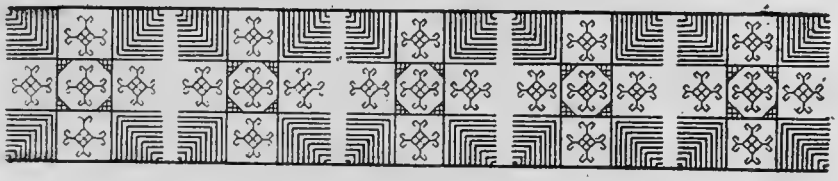
Пышет огонь из ноздрей,
Пена с отверстий течет,
И сердце стальное стучит,
И черная грива дымит.

Мы раньше не знали —
Ни я, ни другой —
В глаза не видали
Машины такой.

Я вижу ее за работой
На северной нашей земле
Здесь, на границе далекой,
В счастливой советской стране.

КОЛХОЗНАЯ ПЕСНЯ

Раньше жили в одиночку,
Жили — горевали,
А теперь мы во колхозе
Нову жизнь узнали.
Раньше, как весна придет,
Так тоска настанет:
Ни семян нет, ни зерна,
И соха сломалась.
А теперь, как во колхозе,
Нету той заботы,
Выходи, артель, во поле
И работай вволю!



КОЛЫБЕЛЬНАЯ

ПЕРЕВОД С ВЕПССКОГО

Баю-баю, спи, дитя!
Мама в полюшке твоя.

Была мать ударницей,
А теперь стахановка.

Едет мать на тракторе,
Пашет землю на поле.

На покосе твоя мама
Самая удалая.

Тебе нужно, детка, спать,
Маме — полюшко пахать,

Заработать нужно ей
Больше, больше трудодней.

Много будет трудодней —
Много хлеба дадут ей.

Урожай в колхозе есть —
И работы вдоволь есть.

Поработаешь — получишь,
Прогуляешь — не получишь.

Спи ты, баю-баюшки,
Не серди, ты, бабушку,

Бабушку ты пожалей —
Пришлось горя видеть ей.

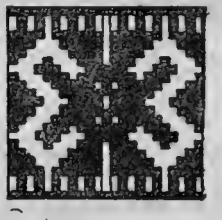
Царь как раньше управлял,
Весь народ он угнетал,

Мучил твою бабушку,
Мучил он и дедушку.

Бедняков он мучил всех,
Гроб готовил он для всех.

Но пришел всему черед:
Пробудился весь народ.

Он царя долой прогнал
И свободушку создал.

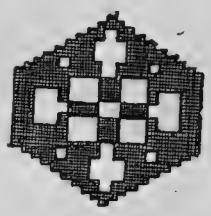


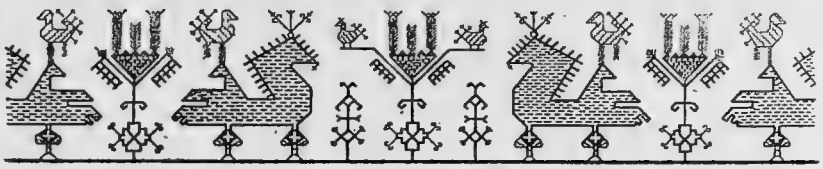
ДАВАЙ ДРУЖНЕЙ РАБОТАТЬ

Давай дружней работать,
Давай плотней в ряды.
Молоды делегатки,
Идите впереди.
Мы выполним задание
В колхозах и в лесу.
Весенняя путина
Уж скоро на носу.
Чтоб не было прорывов
Нигде и никогда,
И наши делегатки
Должны помочь всегда.
Долой лентяев, лодырей,
И нытиков долой.
Работать не хотите —
Идите прочь домой.
Мы создадим бригады
Из самых боевых,
Таких, чтоб можно было
Надеяться на них.
От других сел, деревень
Не будем отставать.
Дадим все твердо слово —
Догнать и перегнать!

ПЕСНЯ О КОЛЛЕКТИВНОМ ОГОРОДЕ

Будет, бабы, вам стремиться
Хлеб с волнухами жевать.
Не пора ли коллективно
Нам тут овощи пахать.
В одиночку не под силу
Воду ведрами таскать —
Коллективом мы ушатом
Будем поле поливать.
И зимою мы уж будем
Овощами торговать.





КОЛХОЗНИЦА

На хоромах воробей
Сам сидит чирикат.
Я у батюшки жила
Бедна-горемыка,
От зари и до зари
Косила и пахала,
А за эту за работу
Часто голодала.
Насила рваны сапоги,
Заплатная одетка,
Меня батюшка журил:
„Эка дармоедка!“.
Мне-ка батюшка сказал:
„Кормить тебя не в силу,
Как-ни[1] лето продержу,
Не возьму на зиму“.
„Ты, мой батюшка родной,
Не считай нахалкой,
Отпусти меня работать
К барыне кухаркой.“
Я у барыни живу,
Мою и стираю,
Заработаны гроши
Батюшке даваю.
День деньской я на ногах,
Кушаю я стоя,
Меня барыня зовет:
„Экая обжора.
Худо вычистила ты
Платьице Наташи,

[1] Как-нибудь.

Вот тебе сухой кусок,
Не получишь каши!
Плохо вычистила двор,
Экая лентяйка.
Ты не видишь, на крючке
Вот висит нагайка!"
Как придется отдохнуть
Мне середи ночи,
Я за печкой в уголке
Протираю очи.
Как у батюшки в дому
Жить мне было горе,
А у барыни моей
Получилось вдвое.
Пойду с горя в монастырь,
Богу помолюся,
У монашенок смиренных
В общи́ну попрошуся.
У монашенок в скиту —
Чистое мученье:
Только кланяйся, молись,
Нет тут облегченья,
Я пойду обратно в дом
Батюшки родного
Подберу себе в мужья
Парня молодого;
Мы поженимся, тогда
Жизнь пойдет на славу,
А судьба, наперекор,
Мне готовит яму.
В церкви дьякон прочитал:
„Жена, бойся мужа..."
И пошла тут жизнь моя
Вдвое, втрое хуже.
Каждый день мужик меня
Побьет и поколотит.
Ночь, как при́дет —
На кровать,
Морду приворотит.
Я задумала пойти
В воду утопиться...

* * *

Ели черный хлеб тогда,
Хлеба нет — пей воду...
Получили мы сейчас
Желанную свободу,

Советская женщина теперь
Стала не рабою,
Как везде, дорога ей
Вольною тропою.
Я с веселою душой
В колхозе работаю,
Трактористкой по полям
С песней разъезжаю.
Каждый день я из Москвы
Вести получаю.
Никому живу не в тягость,
Ем да отдыхаю.
У меня есть трудодней
Четыреста и восемь,
Подработаю еще
Я за эту осень.
Весь я хлеб обмолочу,
Уберу все с поля,
Много хлеба получу
Нагуляюсь вволю.
Я ударницей считаюсь
По своей работе,
Получила премию —
Туфельки и боты.
Коль придет в страну беда —
Военное вдруг время, —
Я вскочу и на коня,
Вдену ногу в стремя.
Я с винтовкою легко
Умею управляться:
Даже мужу моему
За мной не угнаться.
Ничего, что из деревни
И повязана платком:
Буду женщиной активной,
Ворошиловским стрелком!

МЫ ВРАГОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ БИЛИ, БЬЕМ И БУДЕМ БИТЬ

Чтобы все изжить напасти,
Жизнь хорошую добыть —
Мы врагов советской власти
Били, бьем и будем бить.

Не шипи, предатель Троцкий,
И закрой свой жадный рот,
Ты не суй свиное рыло
В наш советский огород.

Зря вы пели, пятаковы,
Как дьячки на клиросе:
Не надеть на нас оковы —
Мы из них повыросли.

Диверсантам нет пощады,
Наш союз непобедим —
Днем и ночью мы на страже
Зорко за врагом следим.

Мы колхозы укрепляем,
Боремся за качество,
Все кулацкое отребье
Уничтожим начисто.

Враг умен — но мы умней,
Враг силен — но мы сильней,
Гадам, жуликам, шпионам
Не дадим страны своей.

Расцвела весной береза,
На березе — завитки.
Языки у врагов длинны,
Только руки коротки.

Не глядит сова на солнце —
Не видать его лучей.
Не хозяйничать в Союзе
Своре подлых палачей.

ПО ТЕБЕ, СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ, ПЛАЧЕТ ВСЯ ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ

Мне-ка в летний день не высказать,
И в осенний день не выписать,
Как пойду я, многобеднушка,
Во Москву во белокаменну
Ко могилушке покойного.
Вы завейте, ветры буйные,
Вы со всех да четырех сторон,
Растащите-ка желты пески,
Разгребите мать сыру землю,
Покажите дорогого нам Мироныча.

* * *

Дорогой Сергей Миронович!
Прочитала я, да беднушка,
Скорописчатую грамотку
Про твое житье, про жирушку,
Как ты жил, Сергей Миронович,
При злодеях царях лютых.
Жил ты во юном во ребячестве
Во несчатноем сирочестве,
Без сердечных родителей.
Приходилось жить голодному
И сидеть в тюрьме холодноей...
С товарищем Лениным
Вы боролись за советску власть:
Вы царей с земли повыгнали
И князей с помешни[1] убрали,
Раскрепостили бедну женщину;

[1] С помехи.

Как по всей стране советскоей
Прошла славушка-то славная:
Стала женщина равноправная.
Завоевали вы свободушку
Всему советскому народушку.
Стали жить мы все по-новому,
Все работать по-здоровому,
Красно солнышко ясней печет,
Наше времечко быстрей идет.
Стали фабрики, заводушки
Все рабочего народушка.
Дорогой Сергей Миронович!
Не лежать бы тебе в могилушке,
Жить бы в хорошей нашей жирушке!

* * *

Охти мне, да нам тошнехонько!
Назад четыре тому годышка [1]
У кабинета вождя Кирова
Прошипела змея лютая,
Просвистела пуля литая
В дорогого вождя Кирова.
Во грудях взяла дыханьице,
Белых рученек маханьице.
Резвых ноженек хоженьице,
Со ясных очей гляженьице.
Было нам да ведь тошнешенько,
Как узнали про смерть Кирова:
Приуныла мать сыра земля,
Затемнело красно солнышко,
На заводах и на фабриках
Прогудели гудки унылые,
По тебе, Сергей Миронович,
Плачет вся земля советская!
Похитила твою головушку
Врага рука злодейская!
Ты погиб, Сергей Миронович,
Мы навек с тобой расстались,
А дела твои геройские
У нас всех в сердцах остались
Будем жить мы, будем памятить: [2]
За народ ты отдал жирушку.
От злодея будем, врага лютого,
Очищать землю советскую,
Дорогой Сергей Миронович.

---

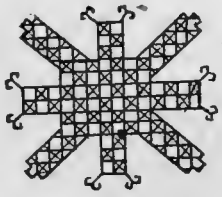
[1] Сказ сложен в 1938 г.
[2] Помнить.

* * *

Рассказать уж мне-ка, беднушке,
Про старое житье-жирушку,
Как жила-то я ведь, беднушка,
При царях злых-лютых.
У сердечных родителей
Как детей-то было восьмеро,
Как родитель у нас батюшка,
Напивался зеленым вином;
У нас, бедных, были в хлебах недостаточки,
И в деньгах то недохваточки;
Как приходилося нам, беднушкам,
Жить не по хорошему,
А работать по-тяжелому.
Как исполнилось мне, беднушке,
Семнадцать юных годышков,
Так сердечные родители
Меня насильно замуж выдали,
И жила я, многобеднушка,
За мужем нелюбимыим.
Свекрова-то была старая,
Детей у них было трое малыих,
А свекор-то наш, батюшка,
Сиднем во углу сидел без ног:
Работать совсем не мог.
Так жила я, многобеднушка,
С таким мужем нелюбимыим
Девять круглых, долгих годышков,
Наскопилося у многобеднушки
Пять рожоных малых детушек;
Пришла смертушка голодная
Со темна леса, холодная,
Как взяла да и поубрала
Моего мужа немилого,
Детям отца родимого.
Как осталася я, беднушка,
Вдовушкой, победноей головушкой,
С пяти сиротами детушками.
Так жила я свою жирушку.
У кулаков я гнула спинушку,
Работала день с утра до вечера,
А получать то было нечего.
Так жила я, многобеднушка;
Тихо день за деньком двигался
Понемногу время короталося...

* * *

Дорогой Сергей Миронович!
Так я прожила, беднушка,
Старое житье жирушку...
А как нову жизнь построили,
Завоевали мы свободушку,
Постороили для взрослых школушку —
Я работала, спешилася,
В школу ходить торопилася.
Научилась читать, писать, складывать,
На собраниях выговаривать,
Стала жить я на свободушке,
На свободушке, вольной волюшке!
Дорогой Сергей Миронович!
Не лежать бы тебе в могилушке,
Жить в хорошей нашей жирушке!..

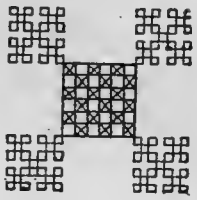


ЛЮБИМЫЙ СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Остался ты меньше травки с межи,
Ростом ниже травки с полюшка,
С юных малых лет сиротинушкой,
На земле сиротинушкой остался ты,
Сергей Миронович.
Умер батюшка, умерла матушка,
Никого у тебя не осталося;
Кушать нечего и пить нечего, —
Остался бедненький миру на руки.
Старая бабушка старалася, —
Зарабатывает где гривну, две,
Где пятнадцать копеечек.
Ночи работала свою работушку,
Дни же целые на чужих людей.
Уже стал учиться мальчик грамоте,
Начал в школу ходить, крошечка,
И был умницей он, сиротинушка,
Шел по доброму пути, наш миленький.
А как был у него светлый ум,
Все он думушки собирал в клубок,
А потом народу ведал их;
Проводил собрания подпольные,
Укрывался в потайных местах
От буржуйской своры угнетателей.
И в борьбе за власть советскую
Был любимый он народа вождь.
Его думушки были мудрые,
С юных ранних лет он их думывал,
Все то ноченьки, ночки темные,
Обо всем он думал, да раздумывал;

Как наладить жизнь для нас лучшую,
Как советскую власть укрепить у нас.
А как думал он, для народа,
Так и делал все не жалея сил.
Но не ждал он и не гадывал,
Что враги его собираются,
Собираются да готовятся
Погубить его смертью лютою.
И свершили они дело злодейское,
И убили тебя, всеми любимого,
Дорогой наш Сергей Миронович!
Весь Советский народ пригорюнился,
Со слезами он провожал тебя,
Шел за гробом твоим во кручинушке,
Схоронил он тебя во кремлевской стене.
А как знал и любил весь народ тебя,
Вспоминает теперь, незабвенного, —
Помнит на поле, помнит на море,
На заводах, в лесу, на собраниях.
В каждой нашей работе вспоминаем тебя,
Любимый Сергей Миронович!



ПРИЧЕТЬ О ГОРЬКОМ

Скоро сполнится два долгих и два то круглых
годышка
И как не стало у нас любимого писателя,[1]
Любимого писателя Максима Горького.
И он долго был при трудной, при тяжелой посте-
люшке.
И он близкий был нашим советским руководителям,
И они старались его вылечить,
Но он помер не во порушку, да не во времячко.
И его жаль, да жаль тошнешонько.
И любимого советника, нашему товарищу Сталину
И всему жаль народу советскому.
И нашла великая, темная тученька
И на его тепловитое гнездышко
И пролилась она частыми мелкими дождичками,
И пролили слезыньки горькие и все народы советские
И по тебе, по любимому писателю
И ты, любимый, дорогой товарищ наш,
Ты не видел раньше жирушки раскошноей:
И ты не ел истьица сахарного,
И не пил питьица медового,
И ты жил раньше, как мы жирушку бедняцкую,
И жирушку пролетарскую,
И надорвал ты свое ретливое сердечушко,
И закружилась твоя буйная головушка.
И не во порушку да не во времячко
И потерялось твое да милое сердечное дитятко. —
И все к одному тебе собиралося,
И на твое ретливое сердечушко.

[1] Записано в 1938 г.

И мне жаль тебя, да жаль тошнешенько.
Еще жальче мне, как узнала я,
Что погубили тебя змеи лютые,
И загубили твое сердечного дитятка,
И ты не знал, что в твоем тепловитоем гнездышке
И жили гады с тобой ползучие
И губили твою жирушку бесценную.
А как узнали мы про змею лютую,
И собрались вместе и поплакали.
И мы бы рады были на месте растерзать его,
Хоть отрезать ему серпом голову.
И спасибо суду пролетарскому,
И что уничтожили их, собак злющих.
И желала бы я, победная вдовушка,
И побывать в той Москве каменной
И поглядеть на тое мѣстечко,
Где лежат наши руководители любимые:
И любимый наш товарищ Ленин, красно солнышко,
И товарищ Киров, светлый месячек,
И писатель Максим, ясна звездочка.

КОММУНИСТОВ С БЕСПАРТИЙНЫМИ БЛОК ЕДИНЫЙ СОЗДАДИМ

Конституцию читаем,
Шлем мы Сталину привет.
Самых лучших, честных самых
Изберем мы в наш Совет.

Мы с миленком изучили
Закон о выборах,
По стахановски работаем
На новых тракторах.

Посмотрите вы на нас:
Мы теперь богаты,
Выбираем всем селом
Лучших депутатов.

Кто трудиться хочет честно,
Путь широк тому открыт —
Это наш закон советский,
Конституция гласит.

Диверсантов и троцкистов
Мы громили и громим.
Беспартийных с коммунистами
Блок единый создадим.

Не мечтали дедов внуки,
И во сне не видели,
Что для них настанет время
Чтоб в Советы выбрали.

Коля весело махнул
В воздухе повесткой
И на выборы пошел
С молодой невестой.

Ничего, что мы старушки,
Не отстанем друг от дружки.
Голосуем с радости,
Поживем — хоть в старости.

Выходите на тальянке,
Парни, веселей играть.
Собирайтеся, крестьянки,
Молотова выбирать.

У нас выборы проходят
По деревне Минино:
Выбирают там крестьяне
Старосту Калинина.

В саду ягода растет,
Ягода малинова.
Опустил я бюллетень
За Клима Ворошилова.

Ты играй, играй, гармошка,
Надувайтесь голоса.
За Папанина родного
Отдадим мы голоса.

Вот машина к нам подходит,
Раздается мерный звук:
Депутат к нам в гости едет,
Наш товарищ Мазурук.

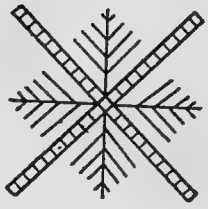
Депутатов мы встречали,
Громко им „ура“ кричали,
А они сказали нам:
„Не дадим пройти врагам.“

Мы по радио слыхали,
Сталин верно говорил,
Чтобы были депутаты
Твердыми, как Ленин был.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ОЖИДАЛА Я ГОСТЯ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Десять дней
Ожидала я гостя,
Депутата в Верховный Совет.
Весь народ наш был рад:
К нам на птице стальной
Прилетел Мазурук — депутат!
Колхозники!
К выборам новым,
Будем все мы готовы!

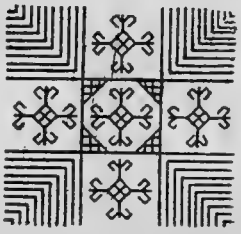


ПЕСНЯ О ПАПАНИНЕ

Здравствуй, сын страны Советов,
Богатырь Иван Папанин!
Ты рожден на теплом море, —
К морю севера пришел ты.
На крылах могучей птицы
Ты летал на самый полюс,
Где царила злая Лоухи,[1]
Где герои погибали.
Но сыны страны Советов
Никогда не знают страха.
Славы сталинской питомцы
Все преграды разрушают.
Ты возрос в геройских битвах
Против злобных белых гадов,
На челне рыбачьем утлом
Корабли ты их рассеял.
Волей партии, народа,
Волей Сталина родного,
Во главе четверки славной
Во владенье принял полюс,
Чтобы тайны стран полярных
Передать советским людям,
Чтоб морозы, льды и бури
Не пугали мореходов.
Здравствуй, славный победитель,

[1] Персонаж из „Калевалы".

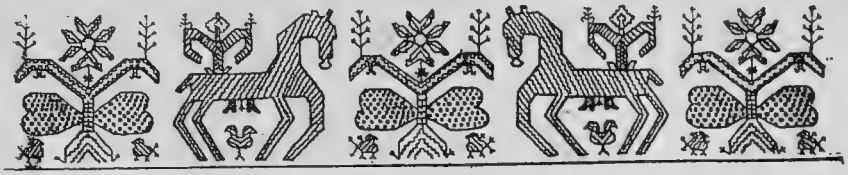
Богатырь Иван Папанин!
О тебе слагаем песню,
Звукам кантеле внимая,
И тебя народ карельский
Ныне шлет в Совет Верховный,
Чтобы сталинское дело
Ты свершал на благо миру!



ПЕСНЯ О ПАПАНИНЦАХ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Был полет ваш на полюс
Бесстрашным и дерзким,
Наш флаг водружен там:
Стал полюс советским!
Следит вся страна,
Вас народ ожидает.
Встречает Кронштадт,
Обнимает Москва вас,
Зовут к себе в гости
Амур и Кавказ.
Четверка молодецкая!
От края до края
Страна вся советская
Вас поздравляет!
Ни тучи, ни ветры,
Ни пурги полярные
Вас не сломили,
Папанинцы храбрые!



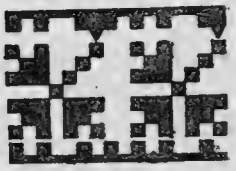
ВО СЛАВУ СОВЕТОВ

На льдине плывучей, в седом океане,
Где сходится с небом земля,
Федоров, Кренкель, Ширшов и Папанин
Плывут по заданью Кремля.
Где жить очень трудно и зверю и птице,
Где чаек не слышится крик,
Туда неуклонно к победе стремится
Папанин Иван — большевик.

Пусть свирепый океан
Шлет нам бури и туман,
Пусть несутся, угрожая,
Горы волн и скалы льда;
Ни в ночи и ни в тумане
Красный флаг Иван Папанин
Не опустит никогда!

Так плыли они и зимою и летом,
Сквозь мглу, снегопады, туман,
Во имя науки, во славу Советов,
За счастье народов всех стран.
И знает четверка, что путь не печален,
Что гибель совсем не страшна,
Что зорко следит за питомцами Сталин,
И зорко следит вся страна.

Пусть свирепый океан
Шлет нам бури и туман,
Пусть несутся, угрожая,
Горы волн и скалы льда:
Ни в ночи и ни в тумане
Красный флаг Иван Папанин
Не опустит никогда!



ЛЕДЯНОЕ ЦАРСТВО

В одно прекрасное время в гостиницу пришли два человека. Не успели они и закусить, как еще двое явились. Эти были помоложе. Подошли они к столу и сказали:

— Товарищи, можно к вам сесть?

— С большим удовольствием: вчетвером веселее будет.

Тогда первый и говорит:

„Есть такое царство, в котором ледяные поля покрывают все пространство. Льды в воде, как скалистая бронь, сжимаются, скрипят и стонут. Много отважных людей пробовало ходить туда, но все неудачно. И вот я хочу попытать счастья: или достигну, или помру, но все-таки добьюсь своего. Много у меня было в жизни препятствий, но я всегда выходил победителем. В одно прекрасное время, когда я заснул, во сне увидел я почтенного мужчину. Он мне сказал: „Друг, тебе предназначено итти в ледяное царство и победить седого старика, который царствует там. Он грозен и свиреп своим взглядом: если он на кого взглянет, сердце у того человека замирает. Только такой мужественный, как ты, добьется цели и прославит свою страну и себя. Ты узнаешь всю силу этого грозного царя, он будет с тобой бороться, но стойкость твоя победит его. Когда ты проснешься и будешь находиться в гостинице, придут три человека. Это будут твои товарищи, они такие же мужественные, как и ты, только они помоложе. Ты будешь им давать советы, а они слушать со вниманием и исполнять в точности. Даю тебе две монеты, перерубленные пополам. С ними вы найдете такие вещи, без которых вам трудно будет бороться. А как эти вещи получите, то вы будете непобедимы“. Старик скрылся. Я пробудился от такого чудесного сна. Вот вам всем монеты: мы должны итти в разные стороны.“

После этого все встали из-за стола, вышли из гостиницы, и, когда дошли до перекрестных дорог, пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Один, старший, пошел по прямой дороге. Шел он, шел и по пути встретил ехавшего человека. Тот ему сказал:

— Дорогой товарищ, садись, я подвезу тебя, так как у тебя цель путешествия — для всего государства.

— Откуда вы знаете это? — спросил он у крестьянина.

— Я потому знаю, что у нас все люди знают все хорошие мысли человека.

Крестьянин стегнул лошадь, и она понеслась, сколько было духу.

Целый день они ехали, к вечеру приехали в город. Иван сошел с лошади, достал кошелек, чтобы рассчитаться с добрым крестьянином.

— Возьми, дорогой друг, вот этот кошелек.

Старик отказался, сказал:

— Я очень рад, что подвез такого героя, который хочет итти в ледяное царство.

Тут они простились, и Иван пошел на рынок. Когда он подошел к рынку, то увидел человека, идущего с опущенной головой. Он на плечах нес суконное одеяло, очень ветхое и дырявое. В руках у него была стеклянная трубочка, и в этой трубочке четыре шарика, а в них свитые на клубки шелковистые нитки. На одном из клубков была кнопка, величиной с куриное яйцо. Когда сравнялся Иван с встречным, положил ему руку на плечо и сказал:

— Почтеннейший, уступите мне ваше суконное одеяло, которое висит у вас через плечо, и эту стеклянную трубочку тоже, потому что эти вещи мне необходимы.

Тот посмотрел на Ивана и говорит:

— Я могу продать только в том случае, если у тебя есть половина монеты денежной.

Иван не терял времени, достал полмонеты и дал. Встречный взял в руки, повертел:

— Эта монета та самая, по которой я должен отдать вещи. Он опустил монету в карман и передал все Ивану. Снял одеяло с плеч и сказал:

— Чем больше будете растягивать это одеяло, тем крепче оно будет. Оно не будет сгибаться, будет твердо и упруго. Оно поместимо: [1] в нем можно целые грузы перевезти. Трубочка... Только эту кнопку нажать, и тогда клубки будут распускаться, гирька будет садиться в воду до той поры, покуда не заденет препятствия.

Когда холодная температура будет велика, то эти нитки побелеют, а где вода тепла, нитка будет красна. По этому вы узнаете температуру воды.

Тут он простился и моментально исчез неизвестно куда. Иван больше не стал оставаться в городе. Он быстро нанял себе лошадь и поехал домой.

---

[1] Много вмещает.

Когда все они расстались, Евгений (так звали самого младшего) пошел своей дорогой и встретил крестьянина, который шел в город. Он через плечо нес парусину. Эта парусина была грязна и дырява. Но Евгению захотелось купить и он спросил:

— Дай ка мне эту парусину.

— Я могу тебе отдать, только если у тебя есть половина монеты.

Крестьянин получил половину монеты, отдал парусину и сказал:

— Только стоит эту вещь захватить за два конца, и она превратится в белоснежную скатерть, накрытую разными явствами.

Проговорив это, он скрылся.

Третий, шедший по своей дороге, встретил старика. Тот опирался на клюку. Через плечо у него был ящик с какими-то кнопками. Тогда он спросил, не продает ли старик этого ящика. Старик внимательно посмотрел, а потом сказал:

— Дай мне монету перерубленную. Если есть у тебя, то я отдам.

Тут он добавил:

— Только стоит эти кнопки нажать, как оттуда вылетят синие кольца. Эти кольца могут итти из одного конца света в другой и передать, что бы вы ни захотели.

Четвертый, шедший мимо деревни, увидел старуху, которая шамкая говорила про себя:

— Скорей бы мне найти нужного человека, получить монету, тогда бы я ушла на покой.

Она в руках несла палочку, которая была в диаметре не больше двух вершков. Получила она полмонеты и сказала:

— Только стоит эту палочку раздвинуть, и ты увидишь на большом пространстве все.

Взглянул он в трубочку, и сердце его запрыгало от радости. На таком пространстве трубка показывала, что ни один смертный не мог видеть на таком дальнем пространстве. Он взял эту трубочку, завернул в полотно и положил во внутренний карман на грудь. Старуха моментально скрылась. Молодой человек пошел в город.

Вот пришли они в гостиницу все в условленное время и сели за тот же стол. Иван поздоровался с ними, а потом сказал своим товарищам:

— Товарищи дорогие! Эти пять вещей принесут нам большую пользу. А сейчас я пойду к нашему вождю и буду просить разрешения отправиться в наш трудовой путь.

Он пришел к великому дорогому вождю, который сидел у стола над какими-то картами. Он рассматривал карту северных полярных льдов. Иван увидел эту карту. У него сердце запрыгало от радости и он сказал:

— Великий вождь! Я прошу разрешения итти в царство льдов.

Выслушав Ивана, вождь народов с радостной улыбкой обнял его и сказал:

— Я ищу таких отважных людей, и от чистого сердца желаю, чтобы вы выполнили эту задачу.

Он дал приказание на своей бумаге, чтобы все, что им ни понадобилось, они смогли получить. После этого он отдал ему карту:

— Эта карта многое покажет вам.

Чтобы не терять времени, Иван немедленно простился, и они начали собираться в путь.

Молва разнеслась моментально, и народ уже начал стекаться. Но они делали свое дело. Они за четыре угла начали растягивать сукно, оно длинно растянулось и такое сделалось упругое и крепкое. Четыре кромки моментально стали заворачиваться кверху, и получился чудесный самолет. Все дивились таинственному самолету.

Когда все было погружено, великий вождь стоял поряду; они пожали ему руку, поклонились всему народу и сели в чудесный самолет, который поднялся и скрылся из глаз.

Так как они ничего не ели, то раздернули салфетку и моментально появились разные кушанья. Когда поели, стали делать наблюдения.

Они уже летели над водой. Погода была холодна. Бил сильный, крепкий ветер. Великий царь льдов препятствовал их путешествию.

Вот они уж около двух суток летели. Иван часто раздвигал трубку, и сейчас раздвинул и стал наблюдать. Он увидел белую пелену с большими холмами грозного северного царства. Иван сказал:

— Друзья! Цель наша близка: мы скоро прибудем к своей цели, где мы будем делать наблюдения и побеждать северного грозного владыку.

Самолет уже крутился над белой равниной льда. Вдруг он остановился и стал парить над одной великолепной льдиной. Им казалось, что на этой льдине сияет старик, весь обледеневший, в больших сосульках, которые облепили его стан. Он глядел грозно и сурово на пришельцев: они вторгнулись в его царство. Он первых таких увидел, и эти еще осмелились тут останавливаться, другие сразу ворочались обратно, при его виде.

Самолет стал опускаться. Эта равнина была большая. Он сел вблизи седого старика.

После этого первой мыслью их было укреплять палатку. Забив колья, взяли они небольшую ситцевую ветошь и начали растягать. Ветошь превратилась в прекрасную, непроницаемую ткань. Это полотно было длинно. Стали обносить колья, и так это полотно обтягивало, что они сами дивились. Палатка была готова. Товарищи стали устанавливать все свои вещи, которые были взяты, по своим местам. Все было расставлено так, чтобы было под руками и бросалось в глаза. Установив ящик, один из них стал пробовать, будет ли он работать. Все смотрели со вниманием на своего товарища... Загремели клавиши: все равно, что чудесная музыка,

выходил звук... И кольца стали виться и подниматься вверх. Это было первое известие о четырех отважных героях. Они дали знать, что стоянка зимовки уже есть. Иван сразу водрузил знамя красное, которое было завернуто, — оно развевалось.

В это время они увидели, что грозный властелин полярного царства уже глядел на них не так сурово: он понял, что ему трудно будет сопротивляться этим людям. Но он все-таки нагнал стужу, которая сжимала горло от холода. Руки коченели... Герои переносили все это мужественно — они это предвидели. Запасенная одежда была непроницаема, никакая стужа не могла проникнуть, — они были все равно, что закованы в броню.

С первых дней стали делать наблюдения. Они всегда были веселые: смех и песни раздавались; герои старались веселить друг друга. Не замечали, как шло время: так были заняты.

Настало темное время осени. В денную пору старик бушевал и каждый день посылал им угрозу ветром и вьюгой, которая вилась и крутила кругом их палатки. Так случалось, что им нельзя было выйти и приходилось протянуть на большом расстоянии от стоянки веревку и так ходить.

Один раз пал такой шторм, такая снежная метель — нельзя было взглянуть. Но все-таки они делали наблюдения. И вот начали распускать из трубочки нитку, которая тянулась и уходила в глубь водяной пустыни. Когда стали вытягивать нитку, товарищи увидели, что у них у всех побелели пальцы. Они опустили их в воду, и вода оттянула весь холод. Когда нитка была вытянута, то они увидели, что к ней прицепились мелкие животные.

Каждый день они сообщали о своих наблюдениях. Глубь была около трех километров, но земли никакой не было, только были одни ледяные поля. Их несло всю пору. Льдина, омываемая водой, делалась все меньше и меньше.

Раз ночью, когда они уснули в жаркий сон, то услышали, что у них льдина треснула о самую палатку. Так как была темная пора, они не знали, на какую перебраться сторону. Иван пошел обследовать лед: вынул палочку и начал смотреть, и, обозрев, он увидел крепкую, стойкую льдину. Товарищи начали моментально переносить все на другую льдину. Укрепили все. Хотя трудна была работа, но они с мужеством и отвагой работали. Аппарат опять был поставлен и снова работал. Товарищ стал передавать, что у них была авария. Разнесся слух об опасной зимовке. Все дожидались с нетерпением каждого известия.

Ночью, когда светило северное сияние, они увидели старика. Он смотрел на них грозными глазами.

Льды трещали и наминали кромки большими торосами. Эти торосы были измельчены в порошок, но их льдина была крепка и устойчива. Они укрепились окончательно и стали ждать.

Вскоре получили они с земли весть о том, что друзья их хотят вывезти. Хотя у них и был свой корабль, но он не мог лететь: он был без действий. Они уже ждали теперь помощи от своей

родной страны, надеясь, что скоро увидят друзей. К ним летели известия... В столице трепетали, дожидаясь товарищей храбрых, и прислушивались к их сигналам.

И вот они получили известие, что за ними поехали корабли. Они и радовались своему возвращению и жалко им было ледяного царства!

БЫЛИНА О ПАПАНИНЦАХ

Как во матушке каменной Москве
У того ли товарища да Сталина
Собирались могучие богатыри,
Да все летчики знаменитые.
И дает он им наказ, наказ выполнить:
Что ль на полюс слетать, да полюс северный,
Во те моря да ледовитые,
Что ль исследовать океаны те свирепые,
Ледяные горы да высокие.
Отчего они всё расходятся:
От ветров ли буйных, сильных?
От теплого ли теченьица могучего?
Вот встает тут добрый молодец,
Иван Дмитриевич да Папанин-свет,
И говорит он таковы слова:
„Ой ты, гой еси, наш великий вождь,
Иосиф да Виссарионович!
Объявляю тебе свое согласие,
Чтобы выехать да в океан-море,
Чтоб измерить глубину морску".
И сказал ему наш великий вождь,
Иосиф да Виссарионович:
„Поезжай-ка ты добрый молодец,
Да во те ли моря да ледовые,
Подбирай-ка себе команду храбрую,
Ты бери себе корабли быстролетные".
И отправились добры молодцы
Что ль во тот ли путь да во дороженьку,
Оснастили корабли да быстролетные,
Погрузили в корабли все нужное,
Продовольствие и оружие
И технические принадлежности,

Чтоб исследовать океан-море.
Провожали их с честью-почестью
Весь честной народ с могучей армией,
Дорогие вожди-руководители...
И дают тут добры молодцы
Слово верное, слово крепкое —
Послужить родной стране да советскоей,
Дорогим вождям нашей родины:
„Не боимся мы огня-пламени,
Да и сердце у нас богатырское,
Отдадим мы жизнь всю за родину".
Только видели молодцев сядучи,
Но не видели их поедучи...
Вот поднялись корабли быстролетные
Со командою Шмидта и Папанина
Что ль в высоту да поднебесную.
Ни по часам летят, а по минуточкам...
На пути ничто их не задерживает:
И ни облака поднебесные,
Ветры буйные, тучи грозные...
Прилетели они большой скоростью
На тот полюс да на северный,
В океан-море ледовитое,
Осмотрели место для посадочки,
Опустилися на льды трехсаженные —
Нет ни дому, ни хозяина,
Обогреть с пути добрых молодцев некому...
„Своей храбростью, своей силою
Мы построим здесь шатры да полотняные:
Отдохнуть с пути, да со дороженьки,
Чтоб укрыться добрым молодцам
От ветров от буйных, морозов трескучиих".

* * *

Что ль на тех полях торосистыих,
В океан море ледовитоем
Начинают жить люди смелые,
Люди смелые да советские.
По местам у них все разложено:
Продовольствие и оружие
И технические принадлежности.
Храбрая четверка папанинцев
Выполняет наказ красна солнышка,
Сильного, могучего богатыря нашей родины —
Иосифа да Виссарионовича.
Они работают по-стахановски:
Измеряют глубину морску,

Берут воду на исследование,
Измеряют льды да трехсаженные,
Изучают ветры буйные.
Ни погодушки, ни ветры буйные,
Ни морозы да трескучие
Не мешают работать добрым молодцам...
И повыбрали их депутатами
Во Верховный Совет нашей родины.
„Шлем привет дорогим вождям и избирателям!
Мы даем слово верное, слово крепкое:
Послужить-то нашей родине советскоей,
Умом-правдою, честью, доблестью.
Отдадим мы жизнь за свою родину!
Мы живем здесь уж много месяцев
Все веселые и здоровые".

* * *

Раз заметили в голубом небе:
Заходили то тучи темные,
Засвистали то ветры буйные,
Закружили то снега белые.
Раскололися льды да трехсаженные,
И остались они на ледяном островке...
Но не дрогнуло их сердце богатырское:
Продолжают работать по-стахановски.
И дает приказ красно солнышко,
Наш родной Иосиф Виссарионович:
„Послать да ледокол во сине море,
Снять со льда да добрых молодцев,
Добрых молодцев, героев советскиих".
И пошли пароходы ледокольные
Из Мурманска в океан-море.
Держат путь ледоколы ко лагерю,
Борются со льдами саженными...
Уж близко они подбираются,
Разговор ведут с героями-папанинцами
С корабля ледокольного „Мурмана".
Тут команда была подана:
Повылететь на самолетиках,
Найти лагерь героев советскиих.
Вылетел Власов с товарищем.
В первый раз он лагеря не высмотрел,
Во второй его не выглядел,
А как в третий раз повылетел,
И нашел он лагерь папанинцев.
Опустился Власов к добрым молодцам.
Не описать радости при встречи той...

„Привезли мы вам вести с родины
От того ли красного солнышка,
Иосифа да Виссарионовича,
Он ведь дал нам наказ, наказ выполнить,
Чтобы вывезти вас да на родину.
Привезли мы вам посылочку от жен, детей...
Уж как ждут вас, героев, добрых молодцев!"
Погостил Власов у папанинцев
И повылетел обратно с вестью радостной.
И говорит тут Власов таковы слова
Всей команде да пароходноей:
„Я нашел ведь лагерь снежаный [1]
Экспедиции той героической".
А папанинцы меж тем разговор ведут
Со товарищем Сталиным,
Со каменной Москвой:
„Мы здесь встретили дорогих гостей,
С нашей родины посланников, —
Самолет то Власова со командою".

* * *

Собралась тут вся команда с командирами
Из тех ли кораблей да ледокольныих
И пошли все до лагеря папанинцев
Со красными знаменами.
Навстречу им чудо-чудное, диво-дивное:
Идет четверка отважных папанинцев.
Впереди несут знамя красное,
Сами бодрые и веселые.
Раздалась команда Остальцева,
Говорит Остальцев таковы слова:
„Много лет вам здравствовать, герои славные,
Дорогие депутаты Совета Верховного!
Нам ведь дан приказ от того ли красного солнышка,
Иосифа да Виссарионовича,
И от всей страны советскоей:
Снять вас, добрых молодцев,
Со той ли льдины плавучией,
Как вся-то страна советская непокоримая,
Со всеми руководителями нашей родины,
С дорогим вождем, красным солнышком,
Иосифом да Виссарионовичем,
Ждут отважную четверку папанинцев —
Богатырей, героев советскиих.
Никто ранее не мог исследовать

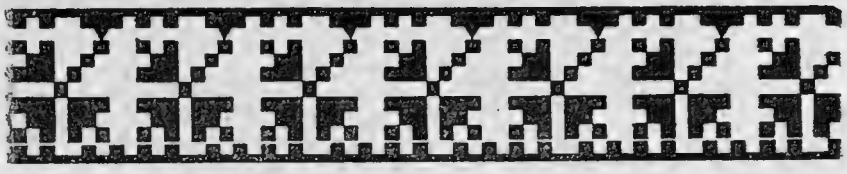
[1] Из снега.

Океан-море ледовитое:
Эта работушка была да не под силушку.
Наша родина да советская
Она силою богатырскою,
Умом-разумом и наукою
Исследовала окен-море".
Говорит Иван Дмитриевич таковы слова:
„Мы, четверка папанинцев,
Приветствуем вас, добрых молодцев,
С пароходов ледокольных".
Поздоровалась вся дружина тут пароходная,
С богатырями да целовалися,
Целовалися да обнималися...
А на кораблях-то флаги подняты,
Раздаются гудки радостные.
После митинга короткого
Вся команда ледокольная с командирами
Осмотрела лагерь снежаный. [1]

* * *

Собираются добры молодцы
Что ль во путь, да во дороженьку,
К тем ли пароходам ледокольным,
Забирают то они все имущество,
Дорогие то подарочки.
Призадумалась тут команда пароходная:
Кому везти героев, добрых молодцев?
Все хотелось принять дорогих гостей.
Вот и начали они жеребий бросать...
И поехали удалы, добры молодцы:
Кренкель со Папаниным — на „Мурмане",
Федоров, Ширшов — на „Таймыре".
Едут они ко родным берегам...
А вся-то страна наша могучая, непокоримая,
Готовятся ко встрече дорогих гостей.
Богатырей-то советскиих!

[1] Из снега.



БЫЛИНА О ЧЕЛЮСКИНЦАХ

I

Как во матушке, в каменной Москве
Как у нашего вождя да у Сталина
Есть много светлого ума, ума-разума.
Направляет он удалых, добрых молодцев
С каменной Москвы и на Ленинград:
„Вы езжайте во путь, да во дороженьку".
Направляет их Иосиф Виссарионович
Во путь, да во дорожку долгую,
Из града Ленина в океаны ледовитые.
Во главе сидит Поколен-борода,[1]
Провожает их да весь честной народ,
Весь советский народ с Красной Армией,
Узнавать пути-дороженьку
В океан-моря ледовитые,
Узнавать моря чужестранные,
Развернуть походы быстроходные,
Доставлять товар в скором времени,
Не по-старому, а по-новому,
По-новому, по-стахановски.
И поехали удалые сильные молодцы,
Вновь богатыри, люди смелые.
Дружина-то их вся хоробрая,
Во главе богатырь Поколен-борода
Да капитан у них Умна-голова.[2]
Приехали удалые молодцы в царство датское
От народа от нашего советского...

[1] Отто Юльевич Шмидт во многих былинах именуется Поколен-бородой.
[2] Капитан Воронин.

Недолго побыли, да много видели
Наши удалые добрые молодцы:
Что товар у них продать некуда
И рабочие там все голодные...

II

Как отправились из Дании да на Мурман-град
Поколен-борода, капитан Воронин.
И приехали они да во Мурман-град.
Тут во Мурмане их тепло встретили,
Дорогих гостей, Поколен-бороду
И со всею дружиною хороброю,
Их там встретили-то братья родные,
Братья родные и в ряде женщины.
Погостили они в граде Мурмане
И отправились снова в путь-дороженьку.
Они держат путь в море Карское.
Тут как встретились им злые недруги,
Злые недруги — льды пловучие.
Долго бились они с неприятелем,
Не могли никак от удару сбыть.
Тут удар нанесло в нос „Челюскину",
Проломило борт, полила вода...
Поколен-борода, капитан Воронин
От удара того да не дрогнули.
Поколен-борода стала командовать,
Капитан Воронин стал приказывать,
Чтоб скоро-наскоро все было налажено,
Мастеров-слесарей он потребовал.
Быстротой мастеров все исправлено,
И поплыл корабль вперед да в путь,
В океан-море ледовитое.
И встречали корабль они „Красина" —
Он помог пройти ледяные скалы,
Ледяные скалы очень трудные,
А потом они распрощалися:
Каждый путь держал в свою сторону.

III

Долго бились они в ледяных горах:
Нужно было им наказ выполнить,
Наказ Сталина, наказ всей Руси.
Как наехали они на большую гору,
Ледяную гору и высокую, —
Вот и сжало корабль льдами сильными.
Поколен-борода, капитан Воронин

От удара того да не дрогнули,
И команда была быстро созвана:
„Не робейте, друзья, вы товарищи!
Наш советский народ духом не падает,
Не боится он ни огня, ни воды,
Океана не боится ледовитого,
На врагов даст отпор, отпор сильный,
Той советской рукой да могучией!".
С корабля, что нужно было, сброшено,
Как дружиной его на лед сложено
По команде его, Поколен-бороды.
В тоже время дал знать в каменну Москву,
В каменну Москву, в Москву Сталину,
Как родному отцу, о спасении.
Сам пошел спасать орден Ленина:
Как врасплох позабыл в корабле он его,
Как пошел корабль в глубину морску,
Орден Ленина успел вытащить —
Поколен-борода, не дал гибели,
Чтоб пошел ко дну орден Ленина.
А на льду они думу думают,
Думу думают, думу крепкую.
Были созваны все товарищи
И дружина его многосильная,
Как могучие все да богáтыри —
Тут собранием план раскинули,
Начертили его, как быть лагерю.
И пришлось проспать ночь холодную
Да на тех на льдах на холодных.
Но измучились ведь от выгрузки
И заснули они сном богáтырским.
Тут как гибель была[1] — лед раздвинуло.
Но не в страх пришла эта трещина,
Как дружина-то не испугалася.
Поколен-борода успокаивал:
„Ведь в Москве об нас позаботятся,
Наш советский народ не покинет нас,
Он избавит нас от погибели".
Как шатер быстро да направили
И живут теперь в этом лагере.
Сталин из Москвы прислал весточку:
„Мы готовим уж самолеты вам,
Для спасения вас, товарищи".
Как проведали они весточку —
Заплясали все, веселилися,
Друг с другом они обнималися.

[1] Т. е. угрожала гибель.

* *
*

Ту как ветры у нас были сильные,
Были сильные и холодные,
Погоды то были все ненастные.
Тут работали мы день и темну ночь:
Дорогих гостей ждали с неба мы,
Мы посадочки[1] им уладили,
Чтобы встретить нам дорогих гостей,
Чтобы было у нас чисто полюшко...
А у нас в корабле было детище,
У ней родина — океан-море,
Океан-море море Карское.
Еще по морю ее мы и назвали,
Мы Кариной ее тогда прозвали:
Вся дружина Карью очень нянчила —
Одно детище было любимое...
Как завеяли ветры буйные;
Ветры буйные, ветры холодные,
Не как было-то нас вывезти:
Самолетов моторы не работали,
Замерзали от морозов очень ярых.
Сколько бились для нас люди добрые,
Чтоб спасти бы нас от погибели, —
Не спустить людей в океан-море
В океан-море, море холодное,
Чтоб не хвастало океан-море,
Океан-море той добычею.
Не сдадимся врагу, врагу сильному,
Еще тем да ледяным горам,
Ледяным горам и морским волнам!
Поколен-борода, капитан Воронин
Всю дружину свою уговаривают,
Уговаривают-успокаивают:
„Ведь об нас в Москве все заботятся,
Чтоб спасти нас всех от лютой гибели;
Как пришла уж нам еще весточка —
Скоро-наскоро нас, скоро вывезут".
...Наступил тут день очень счастливый:
Вдруг поднялся шум в небе ясноем,
Видим мы, самолет опускается,
Что летит самолет на спасение...
Стало радостно, и плясали все,
Сразу бросились все ко спасителю,
Подымали флаги, флаги красные.
Прилетали еще самолеты к нам

[1] Площадки для посадки самолетов

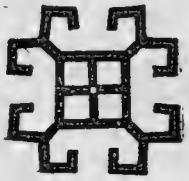
И спасли всех людей от погибели.
(Лишь один утонул-то нечаянно,
Заплатил дань океан-морю)... [1]
...В каменну Москву мы приехали —
Вся Москва флагами разукрашена.
Дорогих гостей Москва встретила,
На руках несли вплоть до Сталина.
Как встречает тут Сталин наш
Сталин-вождь Поколен-бороду,
Капитана целует Воронина
И всю дружину их многосильную.
Не боялись они ни огня, ни воды,
Ни зверей морских, ветров буйных,
Ледяных гор, гор высоких,
Не боялись морозов свирепых.
Наградил-то их Сталин-вождь,
Наградил он их, многожаловал,
Приглашал к себе героев-летчиков,
Наградил героев за спасение.
Весь советский народ их приветствовал,
О их подвигах песни складывал.

[1] Борис Могилевич — завхоз „Челюскина", погибший при выгрузке на лед.

ПЛАЧ ПО ГЕРОЯМ-ЛЕТЧИКАМ, РАЗБИВШИМСЯ ПОД АРХАНГЕЛЬСКОМ

Как назначили поход да во дальний путь,
Во дальный путь, да во северный...
Прощались добры молодцы да со своей семьей,
Прощалися они с отцом с матушкой,
Расставались они да с любимой женой.
Прощались они, да не думали,
Что назад им уж не вылететь.
Кабы знали они да ведали:
Полетим мы на смертушку,
Кабы знали они, да отсрочили,
Туда бы они да не повылетели.
Кабы знали они, что будет невзгодушка,
Ихним головушкам да смеретушка,
Не пустили бы ихни женушки,
Не пустил бы их Сталин-батюшка,
Уговорили бы их да родны матери...
А летели они белой лебедушкой,
Белой лебедью по поднебесью.
Не по полю летели, полю чистому,
Полетели они в страны холодные,
Да в ту дальную холодную сторонушку.
А назад полетели — на Архангельск-путь —
Повстретило их да несчастьице:
То не крылья позамерзли у лебедушки,
Подломились крылья нежны, крылья белые,
Поломался самолет героев-летчиков
И упали они в быстру реченьку.
Приняла их речка быстро-струйчата,
Омочила перья у лебедушки...
Свои родные о ту пору их не видели,

Чужи люди о ту пору близко не были,—
Хоть приехали, да было поздно уж.
И погинули наши летчики,
Удалые буйны-смелые головушки:
От воды было им да тоненьице,
От огня было им да гореньице.
И все плакали люди добрые.
Привезли их во Москву — столицу славную,
Родна матушка села ко буйной голове,
Жены ихни сели ко ретивому сердцу...

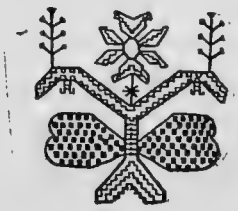


КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, сыночек милый мой,
Спи, мой детка дорогой!
Баю-баюшки, баю,
Тебе песенку пою.
Ты живешь в такой стране,
Где счастливы дети все,
Где заботятся о вас
Каждый день и каждый час.
Спи, сыночек мой родной,
Спи, мой мальчик золотой!
Баю-баюшки, баю,
Тебе песенку пою.
Завтра папин перелет
Рекорд дальности дает;
Он в Америку летит,
Вся страна за ним следит.
Спи, сыночек мой родной,
Спи, касатик дорогой!
Баю-баюшки, баю,
Тебе песенку пою.
Когда вырастешь большой,
Тоже будешь ты герой,
Спи, сыночек мой родной,
Спи, мальчишка боевой!

СПИ, СЫНОЧЕК

Спи, сыночек, спи, прекрасный!
Баюшки-баю.
Когда вырастешь побольше,
Я тебе спою,
Защищать ты будешь, милый,
Родину свою!
Спи-ко, спи-ко, сын любимый!
Баюшки-баю.
Ты будь верным, сын мой милый,
Сталину отцу!
Ты люби вождя и друга,
Родину свою.—
Спи, сыночек мой прекрасный!
Баюшки-баю.



ПЛАЧ О ГЕРОЕ ЧКАЛОВЕ

Закатилося ясное красное солнышко
За темные леса за дремучие,
Потушилась звезда поднебесная:
Не стало нашего дорогого да храброго летчика
Валерия Чкалова.
Пролетал он океаны ледовитые,
Через Северный полюс в Америку;
Там птицы небесны не летывали,
Дики звери не хаживали, —
Да ты один-то осмелился,
Да нигде тебя смерточка не встретила,
Да нигде тебе аварий не было,
И все было по-ладному и по-хорошему,
И вот встретила тебя на своей земле да на родине.
Уж как жалко да тошнешенько
Такого героя да летчика.
Молодые люди от тебя учились...
Все прошло и прокатилося;
Закатились его очи ясные,
И приложил он ручки белые
Ко своему сердцу ретивому.
Покинул он всю Россию-матушку навечно и бесконечно.
Самолет был новенький,
Да неиспытанный, да необлетанный.
Да уж много летывал,
Много самолетов испытывал,
Вот одна машина злосчастная
Дорогому герою смерть принесла.
А не дорожит Сталин так самолетами,
Как дорожит Сталин вами, летчиками,
Жалеют тебя все — от старого да малого.

Услышали мы весточку да нерадостну,
Что не стало у нас бесстрашного летчика
Да Валерия Павловича.
Сидит жена у бела тела да у мертвого,
Да в почетном карауле стоят
Все друзья его да летчики.
Стоят они не улыбаются,
Во горьких слезах утираются...

КРАСНЫЕ ОРЛЯТА

В некотором царстве, в некотором государстве, но именно в том, в котором мы живем, жил орел на дубе. Было у него гнездо. Он только стал разживаться, вдруг налетело на него солнце, стало его жечь. Сил у него мало было. Ну, кое-как он продержался на дубе.

Проходит год. У него тут стали уже орлята — малые ребята. Наскакивает на него ветер, стал рушить его гнездо. Он опять кое-как гнездо свое подобрал, опять все сложил.

Ну, третий год проходит, его орлята уже в перья вошли. Налетел на него дождь, такой крупный. Орел и говорит орлятам:

— Мы уже три года просидели, не скинули нас с этого дуба, как ни бились: солнцем пекли, ветром сбивали и дождем смывали, а мы три года продержались на дубе. Ну все-таки нам будет плохо, пока мы не достанем одной вещи. Достанем, тогда нас никто не собьет.

А они спрашивают:

— Какой, отец?

— А вот в таком-то месте за ледовитой горой, там сидит мороз, он нас солнцем сбивал, ветром сбивал и дождем сбивал, но нас не взял — мы все-таки здесь окрепились. Есть у него сундучок, в этом сундучке красный цветок. Если мы этот цветок возьмем себе в руки, то нас тогда никто не собьет. Да вот, у нас еще маловато силы. Я уже и сам летал туда, но не мог добиться, потому что сила моя плоховата, а вы молодые, добиться еще тоже не можете — надо два года подождать, пока в перья возметесь.

Вот они говорят, орлята:

— Так мы уже в перья вошли, полетим — достанем! Он и говорит:

— Если лететь, так одному надо лететь. Если достанет, так достанет.

Ну вот, старший орленок и говорит:

— Я полечу!

Орел ему отвечает:

— Лети, только знай: мороз давно караулит нас и старается сбить, но ему не придется, потому что вы сейчас в перьях, как и я. Когда полетишь, будет солнце тебя печь, ты спускайся ниже, когда ты пролетишь, солнце скроется, ты лети прямо; нападет на тебя ветер-туман, ты подымайся выше; ветер-туман скроется, ты опять лети прямо; когда ты будешь лететь прямо, будет нападать на тебя ветер большой, ты тогда опускайся ниже и лети по взгорью. По горе будет ветер что из пушки бить, а ты будешь лететь, у тебя и перышко не колыхнется. А мороз будет думать: я его собью. Когда же ты проберешься через эту гору, то мороз будет смотреть в левую сторону, а в правой стороне будет стоять сундучок, а в этом сундучке — красный цветок. Когда ты возьмешь этот цветок и принесешь мне, то нас никто не собьет.

Орленок старший и полетел. Ну, вот солнце его не взяло, а туман и дождь сбили его. Он сел на землю. Ну, и сидит там. По расчету орла — четыре дня нету старшего орленка. Он и говорит этим двум орлятам:

— Старший полетел, должен быть уже здесь, а его нету, то лети-ка средний, да и примечай: где солнце жарило, нет ли его там на земле, где дождь, туман — тоже посматривай там. И где ветер бьет большой, тоже посмотри ты, нет ли его там. Так, смотри, лети той дорогой, как я сказал.

Средний орленок и полетел. Когда он летел, мороз видит, что средний орленок летит, напустил на него солнце. Он от солнца опускается ниже. Мороз видит, что солнце не берет его, он напускает дождь и туман, чтобы он сбился. Орленок видит, что туман нападает, подымается выше. Туман и дождь перестали. Он летит прямо, как сказывал раньше орел всем троим, и видит, что ему недалеко тут пролететь. Нападает на него большой ветер. Он не послушал того слова, которое слышал от отца.

— Неужели через каких-нибудь четверть часа меня собьет ветер! Я пролечу прямо.

Ну, тут его ветер сбил, и этот на земле сидит.

Орел видит, что и этого уже четыре дня нету, и говорит:

— У нас силы убывают, уже двоих на яву нету, отправляйся-ка ты.

Вот и третий полетел, младший.

— Ну, лети, как я сказывал. Братья верно на силу свою надеялись: пролетим мол. А на силу свою мало надеяться, надо летать так, как отец говорит, с умом надо.

Младший орленок и полетел. Мороз его видит:

— Ага, двоих сбил, собью и этого, тогда и орел на дубе не усидит!

Он напускает на него солнце. Орленок видит, что солнце стало его палить, и думает:

— Да, мне отец сказывал увильнуть.

Опускается ниже, по самой земле летит. Солнце его нисколько не взяло. Он подымается и опять прямо полетел. Мороз видит, что солнце не взяло. Он напускает дождь и туман, так что делает как темную ночь. Орленок видит, думает:

— Я запутаюсь, отец мне сказал, что можно увильнуть.

Он подымается выше. Поднялся он под облака, там стало ясно. Туман и дождь перестали. Мороз видит, что не взяло солнце, ни туман, ни дождь, он и говорит:

— Подлетит ближе, я его ветром собью. Этот немножко похитрей.

Он и начал ветер напускать. Орленок видит, что ветер поднимается, и думает:

— Мне отец сказывал, что можно увильнуть.

Молодой орленок опускается ниже, по самой земле, а сверху горы, что с орудия стреляют: ветер такой бьет. А у него даже перышко не колыхнет. И вот он добрался, а мороз сильней и сильней жмет на эту гору, да все смотрит в левую сторону, а орленок в правую сторону. Подходит к сундучку, сундучок открывает, цветок забирает.

Но с радости, или с испугу, не спустил тихо крышки, стукнула крышка, и мороз увидал, что орленок у сундука был, а того не знает, что орленок цветок взял. Он погнался за орленком — догнать. Стал ветром его сбивать, а ветер не берет его, потому что у орленка цветок. Стал туман напускать — у мороза силы нету и тумана напустить. Тогда мороз узнал, что орленок цветок взял.

Тут орленок стал выбиваться из сил, а цветок у него в руках.

— Давай-ка я стану на низ спускаться, не найду ли хоть братьев своих, их, верно, где-нибудь мороз сбил туманом, или солнцем, или ветром.

Вот он и опустился. Просто хотел отдохнуть. Когда стал опускаться, слышит кличет его брат средний.

Он подходит.

— Ты чего здесь сидишь?

— Да я, пожалуй, долго б сидел, если б ты не прилетел. Видишь, я и цветка не достал и на мель попал.

А этот говорит:

— Я цветок достал, да из сил выбился.

— Ну так, брат, я тебе подсоблю цветок нести. Я отдохнул. Они посидели, младший брат отдохнул, средний брат берет цветок, и полетели. Меньшой брат и говорит среднему:

— Теперь надо нам опускаться ниже.

— Почему?

— Да тут где-нибудь и старший брат сидит. Надо и того взять. Вот они стали спускаться и слышат — кличет их старший брат.

— Эй, братцы, опуститесь и возьмите меня! Я вижу, что вы слетали и наверное цветок достали (*думает — они вдвоем слетали*).

Они опустилися. Старший орленок и говорит:

— Еслиб мы трое разом полетели, так мы б давно достали.

А средний и говорит:

— Я сам на мели сидел, меня ветер сбил, а цветок достал наш меньшой брат.

Они и полетели до своего отца, все трое.

Видит отец, что летят его орлята — храбрые ребята, все втроем. Он кликнул птиц:

— Собирайтесь ко мне встречать орлят — моих ребят. Они летят и цветок тащат.

Птицы собрались. Встретили орлят, тогда орел и спрашивает:

— Кто достал цветок?

— Младший орленок.

— А ты, старший, почему ты не долетел? Он и говорит:

— Я от солнца скрылся, стал туман и дождь меня настигать, ну, думаю, немного пролечу, то он и стихнет. Ну, меня и сбило. Я, пожалуй, и теперь бы там сидел, если-б братья не прилетели.

— Ну, а ты, средний, как?

Средний и говорит ему:

Я солнце пролетел, как ты мне сказывал; нападает туман на меня с дождем — я поднялся под облака. Туман и дождь стихли. Я полетел прямо, стал немножко витер шевелить. Ну, я тут думаю: неужели меня собьет? Я все летел прямо. Меня ветер сбил. Ну вот я там и сел. Если-б брат не прилетел, то я бы там и теперь сидел.

Тогда орел и говорит:

— Вот видите — прямо ворона летает, да никогда дома не бывает, так и вы двое. А этот как с умом летел и цветок достал. Ну, а все-таки вы молодцы, что пособили цветок ему принести. Теперь нас никто не возьмет: ни ветер, ни солнце, ни дождь, потом что у нас красный цветок.

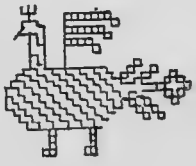
Орел спрашивает у птиц:

— Как мы назовем этих орлят — боевых ребят?

Птицы и сказывают:

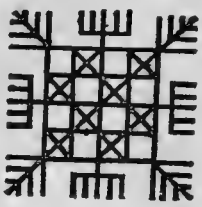
— Это красные орлята — боевые ребята, потому что они цветок красный достали.

И живут они дружно. Вот уже живут двадцать первый год, и никто их не собьет.



ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Раньше жила — горевала, теперь — человеком стала.
Не Микола да Илья-пророк, а косилка да тракторок.
Как поверили науке, враз избавились от муки.
Работай боле — тебя и помнить будут доле.
Кто соломы не едал, тот царской власти не видал.
На мир надейся, а сам не плошай.
Что от птицы молока, ждать добра от кулака.



МЕСТНЫЕ ПОГОВОРКИ

СТАРЫЕ

Повенец — свету конец.

Известна дыра — Медвежья гора.

Справа — мох, слева — „Ох!“
Сзади — море, а впереди — горе.

НОВЫЕ

Был Повенец свету конец,
Построили канал — свет засиял.

Была дыра — Медвежья гора,
А теперь городок — Москвы уголок.

Справа море — рыбы вдоволь,
Слева был мох, да весь вышел — хлеб сеять стали.

ЗАГАДКИ

Растет не по дням, а по часам и не спит никогда.
(*Родина наша*).

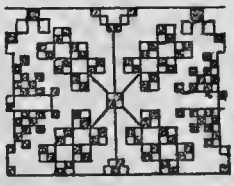
У двух шоферов есть брат Андрей,
У Андрея нет братьев. Как же это так?
(*У Андрея обе сестры работают шоферами*).

Висит молчит, а сама кричит. Хотя и немая — отругает лентяя.
(*Стенгазета*).

Не колода и не пень, а лежит целый день. Не жнет и не косит, а обедать просит.
(*Лодырь*).

Кривая да длинная — горечь полынная. В чистом поле лежит, старину сторожит.
(*Межа*).

Деревянные рожки, железные ножки — шла-ковыляла, спину гнуть заставляла.
(*Соха*).



ЧАСТУШКИ

Хорошо в колхозе жить —
Все про это говорят, —
Прочь откинули горбуши
И косилками косят.

Что глядишь, папаша, в поле?
Или поле не узнал?
Тракторист-миленок Коля
С поля камни все убрал.

Раньше бабы одно знали:
Дальше печки не ходить,
Нынче ходят они в школу
Политграмоту учить.

Раньше было пожито,
Много горя прожито,
А теперь прогнали горе,
Мы поем в колхозном хоре.

Купила пачку я бумаги,
Отгадайте — для чего?
В Красной Армии миленок,
Так на письма для него.

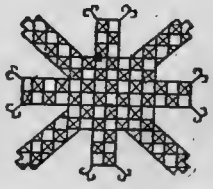
Как по Обже*) по деревне
Протянули провода,
Мы в культурном отношеньи
Догоняем города.

*) Обжа — деревня Олонецкого района.

Много рыбы доставаем,
По-ударному гребем,
Старину мы покидаем,
Сталину спасибо шлем.

Растянись, гармошка, шире,
Колокольцем прозвени
Про колхозное веселье,
Про зажиточные дни.

Имя Сталина для нас
Самое любимое:
Это он — отец и друг,
Сделал нас счастливыми.



КАК Я ЧАЙ ВАРИЛА

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Теперешние женщины и в клуб ходят, и на собрания. Вам, женщины, даны все права наравне с мужчинами, а раньше нам, женщинам, единственное право было — плеть да вожжи.

Спасибо, если муж лошадь жалел, из проволоки плеть не крутил, да сухими вожжами бил, а другой на лошадь раз замахивается, а на жену два, да три раза. Как будешь вспоминать старое, так смешно становится и плакать хочется.

Раньше ведь чай не пили и самовара не видели. А пили квас да холодную воду с озера.

Вышла я замуж молоденькая, полная и здоровая, было на что посмотреть. А муж мой был рыбаком. Каждый год в море ходил. Осенью в Норвегию ездил, а домой приедет — гостинцев привезет.

Однажды осенью привез он в подарок килограмм чаю. Вечером перед сном говорит: „Дарья, свари утром чаю". А как этот чай варить, я, от радости, и не спросила.

Утром встала я рано, растопила печь, скипятила воду, да взяла этот килограмм чаю и в чугун положила. Еще раз скипятила и пропустила через сито, положила на тарелку, маслом смазала и соли прибавила.

Разбудила я мужа: „Федор, вставай, чай готов!"

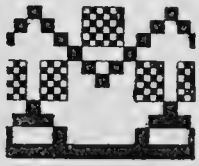
Федор встал, помолился богу, сел за стол и говорит: „Ну, давай чаю!" Я подала ему тарелку с чаем.

— А вода где?

— А воду я коровам в пойло вылила.

Как, дорогие, Федор покраснел, взял вожжи со стены, обмочил их в воду, да так бил, так бил, что я похудела килограмм на пять. И чай варить научилась.

Вот как нас раньше учили.



ТЕПЕРЬ — ЖЕНЩИНЕ ДОРОЖКА ПРОСТОРНАЯ

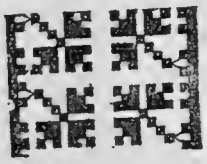
Ах ты, ноченька, ночка темная,
Ночка темная, ночь осенняя,
Со дождем ли, ноченька, со молнией...
А во эту ноченьку во темную
Как сидит тут баба крепощенная;
Крепощенная баба да не ученая,
У мужа она да поколочена
Она за косы да поволочена,
Как сидит она, думу думает.
На руках у ней дитя малое,
Дитя малое да неразумное.
Говорит она да таковы слова:
„Могу ли ноченьку да я скоротати,
Горемычну жизнь перемыкати;
Я от этой жизни утомилася.
Я на то сейчас порешилася:
Хочу покончить свою голову,
Только жалко мне мило дитятко.
Он находится, намотается,
Без добротушки, родной матушки.
Он по бережку да находится,
Камешочка он да наприбирается,
Ко сердечушку накладается,
Не увидит он ро́дной матушки".

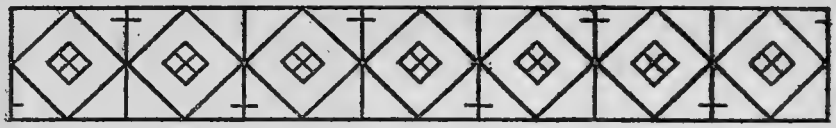
* * *

Посмотрела баба в окошечко:
Ясна зорюшка разгорается,
Белый свет в окошко пихается,
А за зорюшкой красно солнышко.
Против солнышка баба увидела
Товарища да она Ленина.
Говорит ей Ленин таковы слова:
„Что сидишь ты, молода́ жена,
Крепощенная ты, не ученая?
Я принес тебе да весть радостну:
Ты не баба теперь, а стала женщина,
Равноправная, с мужчиной равная.
Ты имеешь право с мужчиной на́равне.
У нас колхозы появилися,
Для детей ясли открылися
Теперь женщине дорожка просторная,
Ты учиться можешь, где захочется".
А работать можешь, где понравится,
Тут у женщины лицо да прояснилося,
А слезливы очи приоткрылися,
Ретиво сердечко взрадовалося,
Отнесла она мало дитятко,
Своего ли сынушку баженого,[1])
Во ясли снесла, да во колхозные.
Там нянюшки да многоласковы
Приумыли его да приу́брали,
Накормили его, приголубили,
Уложили спать, да убаюкали.
Все права да все блага дали женщине
Дороги вожди Ленин со Сталиным,
Развязали ей руки белые,
Приоткрыли ей очи ясные,
Взрадовали они ретиво сердцо.
Дали женщине ума-разума,
Поспешила она поскорешенько,

[1]) Баженый — любимый, милый.

Пошла в совет к председателю.
„Вы, товарищи да сельсоветские,
Напишите ярлык да скорописчатый:
Я хочу теперь быть грамотной,
На курсы поеду на ученые,
Счетоводом хочу быть, да бухгалтером,
Трактористом хочу быть, да механиком,
Учителем быть, да детей учить
Хочу лекарем быть, да людей лечить,
Работать буду я с радостью
Для всей страны для советскоей,
Прославлять буду я дорогих вождей
Света-Ленина да света-Сталина.





КОЛЫБЕЛЬНАЯ

ПЕРЕВОД С ВЕПССКОГО

Баю-баю, спать тебе,
Не голосовать тебе.

Глазыньки закрой свои,
Крепким, крепким сном усни.

Ты у нас малыш еще,
Крошечный, кричишь еще.

Мама-то в Совет ушла,
Выбирать, в Совет пошла.

Слышишь, как поет она,
По кругу идет она?

День такой, что все поют,
Выбирают власть свою.

Мама-то с отцом равна,
Тоже выбирать должна.

Голос свой за тех отдаст,
Кто народу счастье даст.

Лучше будем жить тогда,
Не о чем тужить тогда.

Вырастешь, увидишь ты,
Обо всем узнаешь ты.

Баю-баю, маленький,
Засыпай, мой родненький.

Засыпай, усни скорей,
Бабушке итти твоей,

Голосует бабушка,
Чтобы лучше жизнь была.

Раньше я все плакала:
Горя было всякого.

Не спала я ноченьки,
Гнулись мои ноженьки,

Кулаку я, девушка,
Молотила хлебушко.

Но пришла такая власть,
Что за кулаков взялась.

Дармоедов выгнали,
Из села повымели.

Сразу, детка, стала я
Вроде и не старая.

Увидала вольный свет,
И теперь цвету, как цвет.

Засыпай, усни скорей,
Бабушке итти твоей.

Бабушки итти должны,
Им ведь все правы даны.

Баю-баю, баюшки,
Спи один, без бабушки.

КАК Я НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ ПОПАЛА

Ну, как я попала на Красную площадь?

Приехала к зятю, да к дочке. Зять у нас военным служит, а дочка учительницей. Осенью-то праздник, Октябрьский называется. Я ведь слышу, хоть неграмотна, а слышу, что интересно на Красную площадь попасть. Я выспрашивала, а они говорят: „Не, мама, не попасть, не попасть!".

Дочка меня не приглашает, а я знаю, что дочка маму может взять. Думаю, ни за что не покорюсь, все равно попаду, сама попаду. Она мне говорит: „Я пойду, мама". А мне уж так нехорошо, что она не берет. А потом вышла на улицу с внучкой. У кажной улицы флаги. Мне уж так хочется попасть на площадь. Гарнизации[1] идут, дак все главные за гарнизацию расписываются, а я все в голову беру, слышу, как за маму, так можно бы взять. А я думаю, что все-таки попаду.

Я беру в голову: наплясать — за пляску на Красную площадь попасть. Взяла все документы: паспорт и все, — не потеряюсь. Публика идет, да станет, идет, да станет. У кажной баяны светлы, да флаги. Ужли я не попаду? Я бабушка Парамониха, меня все в Сороке[2] знают, да я не попаду! Потом стала поплясывать по панели. А публика говорит; „Ну, бабушка старенька, верно ножки позябли". „Да, детушки, позябли, позябли". А я думаю: не позябли, а мне хочется выработать желание свое. Подходит партия с баяном, а я пляшу. Я подхожу к милиционеру и спрашиваю: „Скажи правду,

---

[1] Организации.

[2] Теперь город Беломорск.

можно-ль плясать? Я бабушка Парамониха, я хочу плясать при этой власти, мне эта власть нравится". — Можно, говорит, пляши, бабушка, пляши, и для старых и для малых хватит!

Потом публика, эти мущинья[1], говорят: „Бабушка, пляши! Пойдем с нами на Красну площадь". А я говорю: „Куда вы меня кладете, да куда приведете?" Я все не смею, пойду, да обратно, а мне навстречу все идут, идут.

Идут женщины две, флаги несут. А в середке женщина, на левом плече баян светлый, светлый. Да играет так хорошо, хорошо. Она играет, а я плясать, я плясать.

„Бабушка, пойдем с нами на Красну площадь!"

— „Нет, детушки! Куда вы меня кладете, куда приведете? — „А приведем мы тебя к метро". А девушки хороши. Одну звали Дуся, другу Вера. Вера и говорит: „Дуся, возьмем за маму!" Дали мне флаг, я согласилась и пошла.

„Бабушка, гляди, попала ты на Красну площадь! Пляши!" „Ну, думаю, женки хороши, не потеряюсь. Не потеряюсь: в Москве — не в лесах.

Парень молодой выскочил, я с ним. Старуха стала, а с молодым пляшу. Ну, меня обстали: „Бабушка, умеешь ли ты песни петь? — „Нет, детушки, нынешних не умею, а досюльних[2] умею. Я и затянула: „Птица — пташка, конарейка". Публика в долони плещет. — Бабушка, спрашивают, сколько тебе лет? А я кому говорю семьдесят, кому двадцать пять.

Идем, идем. А они и говорят: „Бабушка, если нас разобьют, пойдем коло вождей, так ты спляшешь?". Потом стали разделивать, да нас к самой трибуне и пустили, где Сталин, да Ворошилов, да Калинин. Идем, а они на трибуне. А подружки и говорят: „Пляши, бабушка! Есть ли, — говорят, — у тебя платок?" — „Есть, любушки".

Я вытянула платок из пальто, да платком машу, да пляшу. Я говорю: „Я скажу, что я бабушка Парамониха, из Сороки приехала".

Они говорят — скажи.

Я кричу: „Я бабушка Парамониха, из Сороки приехала!" А они оттуль платками замахали. Я и не знаю, куда глядеть: на ноги, или вверх. Я уж в ноги не гляжу — там гладко, да паду, так ладно, — на них гляжу, да кричу, да пляшу. А мне в долони плещут. А я все гляжу: мне их-то охота разглядеть да сосчитать, да наверху то — там аэропланы, да плясать. Так я все разглядела!

---

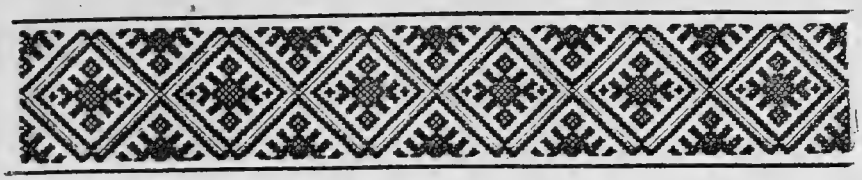
[1] Мущины.
[2] Старинные.

Обстали, обстали вокруг меня, да выспрашивают! „Бабушка, где живешь? Я говорю „У метры“. Ну вот мы на метру пришли, меня стали в гости звать (женки-то). „Ой, не могу, не могу, дочка заругает! Поздно ведь, она в милицию пойдет искать“.

Прихожу домой, да отворила мне красна партизанка (соседка): „Бабушка, где ты? Настасья Александровна уж ходит да ноет со внучками, что бабушка потерялась“.

„Где была? Где вы были, там и я была“. — „Да мы на Красной площади были“. — „И я. Вы думаете старуха бестолкова из Сороки приехала, так не могу?“ Разделась, а у меня вся спина мокра. Вот, говорю, я за что попала — за пляску“. „И, так ты плясать умеешь?“ „Умею“. „И петь умеешь?“ Да налила мне водки стакан, не знаю какая, только сладка. Я выпила. Меня и раскуражило. Я стала петь. Вдруг дочка стучит. Она говорит: „Мамочка, где ты была?“ „За мной далеко тебе гнаться, как я была на Красной площади“. — „Да я сорок лет прожила, а не видала как ты поешь, да пляшешь!“

Я сказала: „А нынь повидай!“



ПЕСНЯ О ПУТЕШЕСТВИИ МАРИИ РЕМСУ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Кое-где огни мерцали
В засыпающей деревне,
Как с Вокнаволока в Ухту
Повезли старушку Ремсу.
Посадили на машину —
Небольшая-то тележка,
И колес всего четыре, —
В Кемь же в пять часов домчала.
Вот железная дорога —
Темпы здесь еще быстрее.
На руках билет, на месте
Я сижу весьма удобном.
И часов через двенадцать
Были мы в Петрозаводске.
Не пешком плелась я в город,
Не на лошади тащилась,
Все там было по-иному:
Мой извозчик был особый:
Руль в руках его — не вожжи,
Правит быстрою машиной.
Привезли меня с почетом,
Посадили в ресторане.
Стол ломился от закусок,
И вино сверкало в рюмках.
Не напрасно просидела
Я в богатом ресторане:
Я пила коньяк, что стоит
По червонцу за глоточек.
А на вечере в театре
Пригласили вверх подняться,

Дали лучшее мне место,
И товарищи просили:
„Спой нам песни „Калевалы".
И с охотой я запела,
Мой язык не заплетался...
Все товарищи сказали:
„Поезжай в Москву ты, Ремсу,
И, подумавши немного,
Я ответила: „Поеду",
Мне на склоне лет приятно
Побывать в Москве-столице.
В Ленинграде мимоходом
Мы в кино зашли сначала,
А потом смотреть ходили
Мост чудесный, мост советский.[1]
А в Москве я, первым делом,
Попросила показать мне
Знаменитую могилу,
Где лежит великий Ленин,
Увидала мавзолей я,
И представилось мне ясно,
Что лежит живой там Ленин,
Дорогой Ильич не умер...

[1] В Ленинграде в то время заканчивалось строительство Володарского моста через Неву.

НЕПРЕРЫВНАЯ ПЕСНЯ

ПЕРЕВОД С КАРЕЛЬСКОГО

Будете ли слушать вы
Песню путевую?
Как мы в Ухту ездили,
Вам сейчас спою я.
Как же мне запеть о том?
Мысль уже сама течет,
Как на Куйти-озере
Пароход волну сечет.
Пой теперь, Вокнаволок!
Женщины, пускайтесь в пляс!
Власть Советов посылает
В Ухту пароход для вас.
Поддувать не надобно,
Некчему веслом грести:
Заработает мотор,
Будет всех он сам везти.
Вот мы и поехали,
Среди нас раздора нет,
Старой злобе друг на друга
Маленького места нет.
Песня эта спета мной,
Но конца в ней нету,
Каждая из вас продолжить
Может песню эту.

МЫ ПОСТРОИЛИ КАНАЛ

Мы построили канал —
Свет повсюду засиял:
И на север, и на юг —
Тут канал твой лучший друг.

Скучало Бело морюшко,
Онежское озерышко:
Долги веки пролежали,
А друг друга не видали.

Беломор-канал прорыли,
В восхищении все были:
Чудеса явилися,
Моря соединилися.

Посмотрите, что творится:
Как за эти годики
Из Мурманска в Ленинград
Идут пароходики.

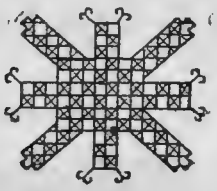
По каналу-Беломору
Пароход плывет, гудит,
В лесу эхо раздается,
Переливами звенит.

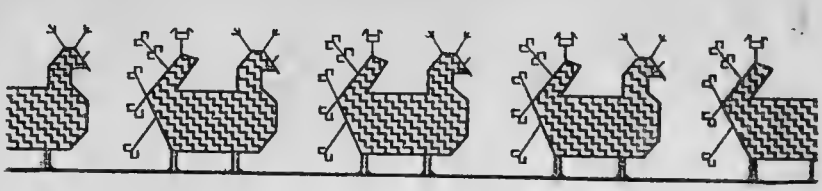
Беломор-канал проехал,
Видел новы чудеса:
Там построены поселки,
Где болота да леса.

На заводе получила
Дорогую премию:
Беломор-канал проеду,
Посмотрю Карелию.

Что в Карелии творится —
Изумление, восторг!
Посмотри, как расцветает
Новый город Беломорск.

Вот какая я счастлива:
Делегаткой стала я,
Беломор-канал видала
И у Сталина была.





ЧАСТУШКИ О ЛОДЫРЕ

Что ты, лодырь, глазки жмуришь?
От безделья хлеба нет,
Ты из лени сделай ужин,
А из сна сготовь обед!

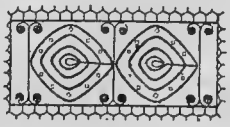
Лежит лодырь на боку
И смотрит на небо:
Не пошлет ли мне господь
Пудов двадцать хлеба?

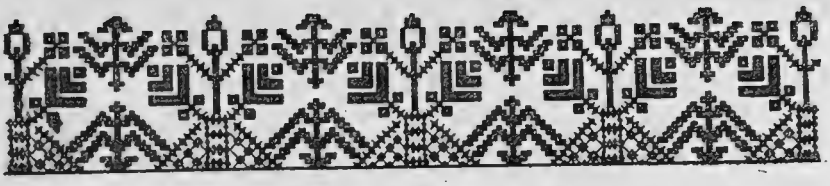
Вся бригада на работе,
Почему Степана нет?
На работе его нет,
Зато первый на обед.

Запрягал лентяй кобылу,
Запрягал он целый день,
А сам думает мечтает:
Получу ли трудодень?

Стоит лодырь у ворот,
Широко разинув рот,
И никто не разберет —
Где ворота, а где рот?

Пташки с веточки на веточку
Летают целый день,
Лодырь пташечек считает,
А работать ему лень.





ХОРОВОДНАЯ

ПЕРЕВОД С ВЕПССКОГО

Девицы мы, в круг пойдем!
Парни, в хоровод пойдем!
В хоровод пойдем, пойдем,
В общий мы пойдем, пойдем.

Один хоровод составим,
Шире хоровод составим,
Хоровод да мы составим,
Шире хоровод составим.

Коллективно лучше выйдет,
Да артелью лучше выйдет,
Лучше, лучше, лучше выйдет,
Да артелью лучше выйдет.

У артели больше силы,
У артели больше силы,
Много больше, больше силы,
Много больше, больше силы.

Вместе все ровней возьмем,
Вместе все сильней возьмем,
Да ровней, ровней возьмем,
Да сильней, сильней возьмем,

Все мы на средину встанем,
Все мы на средину встанем,
На средину встанем
На средину встанем.

Вы возьмитеся за руки,
Вы возьмитеся за руки,
За руки, за руки,
За руки, за руки.

Вы дружней, дружней сомкнитесь,
Веселей, дружней сомкнитесь,
Вы сомкнитесь, вы сомкнитесь,
Веселей, дружней сомкнитесь!

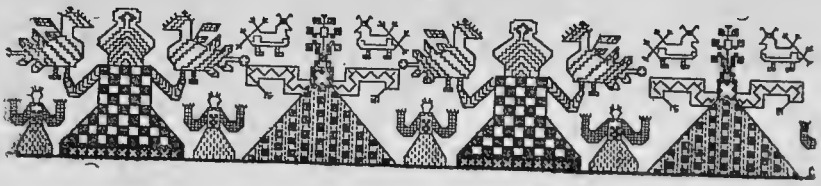
РУССКАЯ ПЛЯСОВАЯ

Как по нашему по бережку,
По шумливому Онегушку,
Как идут плывут кораблики,
Бежат быстро пароходики.

Эх, раньше были богомолочки,
Теперь стали комсомолочки!
Раньше было воскресение,
Не было у нас веселия:

Как с утра богу молилися,
К вечеру вина напилися,
Как немножко разгулялися —
Смотришь, многи передралися.

А теперь у нас не то уже, не то:
Через шесть дней выходной у нас придет,
Каждый отдых покультурнее найдет, —
Кто в кино, кто в Дом культуры,
Кто в сад отдыха пойдет.
Всякий отдых, какой хочет, то найдет.



КОЛХОЗНАЯ ПЛЯСОВАЯ

ПЕРЕВОД С ВЕПССКОГО

В колхозе мы живем,
В колхозе мы живем,
Мы живем, да мы живем,
Мы живем, да мы живем.

Работаем-живем,
Работаем-живем.
Да работаем, работаем,
Работаем-живем.

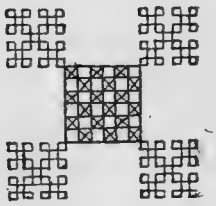
Все дружно мы живем,
Все дружно мы живем.
Уж как дружно, уж как дружно,
Уж как дружно мы живем.

В колхозе мы поем,
В колхозе мы поем.
Мы поем, да мы поем,
Мы поем, да мы поем.

Мы пляшем и поем,
Мы пляшем и поем.
Уж как пляшем, уж как пляшем,
Уж как пляшем и поем.

Мы в круг плясать пойдем,
Мы в круг плясать пойдем.
Мы пойдем, да мы пойдем,
Мы пойдем, да мы пойдем.

В колхозе мы живем.
Работаем-живем
Мы работаем, работаем,
Работаем-живем.



СКАЗИТЕЛИ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОТОРЫХ ВОШЛИ В СБОРНИК*

Быкова Фекла Ивановна — род. 1881 г., бывшая рабочая Сорокского лесозавода, пенсионерка, неграмотная. Учится грамоте. (г. Беломорск. Маячный поселок). Выдающаяся песенница, от нее записано более 100 старинных песен, баек, плачей, более 10 произведений на современные темы. Член Союза советских писателей, награждена почетной грамотой Верховного Совета Карельской АССР.—29, 166, 169, 170.

Ватчиева Анисья Васильевна — род. 1883 г., карелка, в настоящее время ликвидирует свою неграмотность, колхозница (дер. Мартнаволок, Кончезерский с/с. Петровского р-на). Записано свыше 100 песен, сказки, пословицы, плачи. Создала 7 произведений на современные темы. Член Союза советских писателей, награждена почетной грамотой Верховного Совета Карельской АССР.—14.

Воробьев Михаил Андреевич — род. 1900 г., карел, работник „Карпушнины, грамотный (с. Лехто Тунгудского р-на) сказочник. —181.

Гаврилова Екатерина Григорьевна — род. 1887, г. карелка, колхозница, член сельсовета, ликвидирует свою неграмотность (д. Гавриловка, Видлицкий с/с. Олонецкого р-на). Носительница традиции карело-финских эпических и лирических, песен, сказок, составительница, новых песен. Исключительна по музыкальному дарованию. К новым песням сама сочиняет мотивы.—144.

Горшков Петр Григорьевич род. 1885 г., колхозник, малограмотный (дер. Демидова, Космозерский с/с. Заонежского р-на) владеет значительным сказочным и былинным репертуаром.—53.

Господарев Филипп Павлович (1865—1938), неграмотный (г. Петрозаводск). Был одним из замечательнейших сказочников Карелии. Происходил из семьи крепостного крестьянина Могилевской губ. (БССР). В 1903 г. за участие в крестьянском восстании был $1^1/_2$ года в заключении, а затем был сослан в Олонецкую губ. С 1905 г. работал сварщиком, кузнецом на Онежском заводе в Петрозаводске. От Господарева записано более 100 сказок, издаваемых КНИИК отдельным сборником.—6, 31, 172.

Гречнева Наталия Герасимовна — род. 1875 г., неграмотная, карелка (дер. Котчура, Крошнозерский с/с. Пряжинского р-на). Знает песни, сказки, пословицы. — 44, 117.

Журавлева Екатерина Семеновна — род. 1888 г. колхозница малограмотная, учится (д. Первомайская, Песчанский с/с. Пудожского р-на). Знает до 50 старых песен, до 20 сказок, сложила 12 произведений на современные темы.—134.

Ефимова Анна Борисовна, — карелка (дер. Линдозеро, Петровского р-на). Знает большое количество карельских и финских песен. — 19.

Ильина А. Е.,—карелка (дер. Пяльозеро, Петровского р-на). От нее записаны причитания на карельском языке.—138.

---

* Цифры обозначают страницы, на которых помещены произведения каждого сказителя.

Кигачев Никифор Васильевич — род. 1897 г., бывший батрак, теперь колхозник, малограмотный (дер. Тубозеро, Пудожского района). Выдающийся сказитель былин; знает много сказок, песен, сложил 8 былин на современные темы. — 104.

Конашков Федор Андреевич — род. 1860 г., пенсионер, неграмотный (д. Семеново, Пудожского р-на). Крупнейший сказитель былин, помнит 23 старые былины, а также много сказок и песен. Создал произведения на современные темы. Сборник былин Конашкова подготовляется КНИИК к печати. Награжден орденом „Знак почета", член Союза советских писателей. — 46, 97, 107.

Конашкова Александра Тимофеевна — род. 1892 г., малограмотная (Петрозаводск) Записаны былины, сказки, песни, плачи. Упорно работает над созданием новых сказок, песен, частушек. Былины восприняла от своего свекра Ф. А. Конашкова. —102, 199.

Коргуев Матвей Михайлович депутат Верховного Совета Карело-Финской ССР — орденоносец, награжден орденом „Знак почета", член Союза советских писателей. Род. 1878 г., бригадир рыболовного колхоза, неграмотный (село Кереть, Лоухского р-на). Один из крупнейших современных сказочников. От него записано А. Н. Нечаевым более 120 сказок. См. сборники: „Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым". — Советский писатель. — Л. 1938 и „Сказки М. М. Коргуева", том I и II. — Каргосиздат. Петрозаводск. 1939 и 1940. — 79.

Корешкова Анна Николаевна. Колхозница (Песчанский с/с. Пудожского р-на). Известная в районе песенница, вопленица. — 9.

Копейкина Евдокия Павловна — род. 1878 г. живет в семье сына, малограмотная (село Пудож.) Знает большое количество песен, плачей. — 25.

Лукина Елена Дмитриевна — род. 1888 г. колхозница, грамотная (Песчанский с/с. Пудожского р-на). Знает много песен. — 124, 128.

Макарова Елена Григорьевна — род. 1896 г., домохозяйка (Петрозаводск) исполнительница и составительница частушек. Приняла активное участие в конкурсе газеты „Красная Карелия" и КНИИК в 1938 г. — 108, 168, 194.

Маликина А. С. (дер. Войница, Калевальского р-на) исполнительница карело-финских песен. — 123

Мелехова Ольга Михайловна — род. 1882 г., карелка, колхозница, малограмотная (дер. Сопоха, Сопохский с/с. Кондопожского р-на). Записаны песни, причитания, сказки байки на русском и карельском языках. Создала 2 произведения на современные темы. — 140, 147.

Мелькина Мария Алексеевна род. 1868 г., вепс, колхозница неграмотная (дер. Шелтозеро, Шелтозерского р-на). — 12, 186.

Никифорова Анастасия Федоровна, род. 1888 г., карелка, малограмотная (дер. Вохтозеро, Вохтозерский с/с. Петровского р-на). От Никифоровой записано большое количестве карело-финских лирических и эпических песен. Составительница ряда новых песен. — 71, 96.

Осипов М. — род. 1916 г., колхозник (дер. Комлево Космозерский с/с. Заонежского р-на). Записаны песни, раешники. — 77.

Павкова Матрена Филатовна — род. 1880 г., живет в семье сына-агронома, неграмотная, (Песчанский с/с Пудожского р-на). Записано большое количество причитаний. — 21.

Парамонова Марфа Семеновна, род. 1873 г., пенсионерка. неграмотная (г. Беломорск, Заводской поселок). Записаны песни, сказки. — 188.

Пашкова Анна Михайловна — род. 1866 г., грамотная, живет с внучкой-школьницей (Петрозаводск). Выдающаяся вопленица и песенница, создала более 15 произведений на современные темы. Член Союза советских писателей, награждена почетной грамотой Верховного Совета Карельской АССР. — 3, 111, 129, 183.

Пугачева Татьяна Филипповна род. 1875 г., карелка, колхозница, неграмотная (дер. Карболовая сельга, Савиновский с/с. Ведлозерского р-на). — 59.

Ражикова Пелагея Захаровна, — род. 1888 г., колхозница, грамотная (дер. Клементьевское, Заонежского р-на). Записаны причитания, — 100.

Ремсу Мария Андроновна — род. 1861 г., карелка, неграмотная пенсионерка (д. Вокнаволок, Калевальского р-на). Выдающаяся певица карело-финских эпических и лирических песен, сказочница. Создала ряд произведений

на современные темы. Член Союза советских писателей, награждена почетной грамотой Верховного Совета Карельской АССР. — 34, 60, 95, 191, 193.

Рябинин-Андреев Петр Иванович — орденоносец — награжден орденом „Знак почета", член Союза советских писателей; род. 1905 г. Смотритель маяка на Онежском озере, грамотный (дер. Гарницы, Сенногубский с/с, Заонежского района). Значительный представитель былинного мастерства. Потомок известных заонежских сказателей Т. Г. и И. Т. Рябининых. Знает 12 старых былин и сложил 4 на современные темы. Сборник былин Рябинина выпущен КНИИК отдельным изданием (Петрозаводск, 1940). — 65, 73, 83.

Самылин Матвей Егорович — род. 1879 г. колхозник малограмотный (дер. Артово, Космозерский с/с. Заонежского р-на). От него записано 8 былин, более 20 сказок, большое количество песен, частушек, пословец. Создал 3 былины на современные темы. 156, 161.

Свиньин Федор Николаевич — член Союза советских писателей. Награжден почетной грамотой Верховного Совета Карельской АССР, род. 1878 г. колхозник-рыбак, в прошлом матрос, затем батрак, малограмотный (село Сумский посад, Беломорского р-на). От Свиньина записано большое количество сказок. Сказки Свиньина подготовляются к печати отдельным изданием — 150.

Сидорова Клавдия Павловна, вепс (дер. Горное Шелтозеро, Шелтозерского р-на). Записаны вепсские песни. — 197.

Тугосова — вепс (дер. Розмена Шелтозерского р-на). От нее записаны песни и причитания на вепсском языке. — 125.

Туруев Тимофей Ефимович, член Союза советских писателей, награжден почетной грамотой Верховного Совета Карельской АССР род. 1877 г., карел, колхозник, грамотный (дер. Сельга, Селецкий с/с, Сегозерского р-на). Выдающийся сказатель. Знает сказки, быкины. Исполняет их на карельском и русском языках Создает произведения на современные темы, переводя их с карельского на русский язык. Сборник записанных от Туруева произведений подготовляется к печати на карельском языке. — 56, 89.

Укконен Анастасия Степановна — род. 1880 г., жена рабочего Онежского завода (г. Петрозаводск). Еще до революции была известна в среде рабочих завода как вопленица. Создала плач „О муже своем, который ожег ногу при плавке стали", ряд причитаний по погибшим рабочим. (Опубликованы в сб. "Песни и сказки на Онежском заводе". Петрозаводск, 1937 г. — 28—31).—17.

Хотеева Мавра Максимовна (1864—1938 г), карелка, неграмотная (село Ухта, Калевальского р-на). Хотеева была хорошо известная в Карелии певица карело-финских эпических песен, сказочница, вопленица, — ею создано много произведений на современные темы. — 39, 50, 69.

ОГЛАВЛЕНИЕ И КРАТКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Стр.

Предисловие А. Н. Лозанова III
Народное творчество советской Карелии В. Чистов VIII

ЛЕНИН

По твоим заветам. — Записано от Пашковой А. М. в 1938 г. А. Н. Антиповой. Напечатано в Ц. О. „Правда" 21 января 1939 г. № 21. Данный сказ сходен со сказом о Ленине Т. А. Долгушевой (сб. „Творчество народов СССР" м. 1937. Изд. Ц. О. „Правда", стр. 65), но сказ А. М. Пашковой более выдержан в духе народной причети. 3

Как рабочий и мужик правду искали. — Записано от Господарева Ф. П. в 1937 г. — А. Д. Соймоновым. Сказка — вариант белорусской сказки „Ленинская Правда" (сборн. „Творчество народов СССР", стр. 12). Ф. П. Господарев слышал по радио белорусскую сказку и создал свой новый вариант 6

Как услышали мы весточку нерадостну. — Записано от Корешковой А. Н. в 1937 г. Л. Громовым и В. Чистовым. Повторная запись 1938 г. В предыдущих изданиях сказительница именовалась неправильно („Котешкова"); фамилия ее — Корешкова 9

Раньше дни-то были длинны, длинны... — Записано от Мелькиной М. А. в 1938 г. Перевод с вепсского В. Бокова. Перевод максимально близкий к вепсскому тексту; повторения, ритм и образы подлинника сохранены 12

Любимый вождь Ленин. — Записано от Ватчиевой А. В. в 1938 г. В. Чистовым. Повторная запись; несколько отличается от первой см. „Советский фольклор," № 6. Ак. Наук, 1939, стр. 94 14

Уж вы вспомните товарища Ленина. — Записано от Укконен А. С. в 1937 г. Громовым. Напечатано в сб. „Песни и Сказки на Онежском заводе", Петрозаводск, 1937. Текст печатается по повторной записи 1938 г. 17

Плач о Ленине. — Записан от Ефимовой А. Б. в 1938 г. Н. Матвеевой. Перевод с карельского и обработка Н. Богданова. В подлиннике заметно обилие уменьшительно-ласкательных имен, что отражено и в переводе 19

Прошел плач да по белу свету. — Записано от Павковой М. Ф. в 1937 г. Л. Громовым и В. Чистовым 21

Уж пойти-ка мне, горюшице. — Записано от Копейкиной Е. П. в 1937 г. Л. Громовым и В. Чистовым. Повторная запись В. Чистова; незна-

Стр.

чительно отличается от первой — см. „Советский фольклор" № 6 Ак. Наук 1939, стр. 90—93 25

Постройте-ка стены везде да каменны. — Записано от Быковой Ф. И. в 1937 г. А. Соймоновым и В. Чистовым. Повторная запись В. Чистова 1939 г. отличается от опубликованной в сборн. „Советский фольклор" № 6, стр. 96, ср. также „Сказы и плачи о Ленине" Петрозаводск, 1938, изд. 1-е и 2-е 29

Как Марья с Иваном сравнялась. — Записано от Господарева Ф. П. в 1938 г. Н. Новиковым 31

Спасибо товарищу Ленину. — Записано от Ремсу М. А. в 1938 г. и переведено с карельского Ив. Пажлаковым 34

СТАЛИН

Песня о Сталине. — Записано от Хотеевой М. М. в 1938 г. К. Ф. Беловой. Перевод с карельского В. Бокова. 39

Песня о Сталине. — Сложена и переведена на русский язык В. И. Кононовым, руководителем Шелтозерского хора; исполняется районным колхозным хором. Через хор песня В. И. Кононова приобрела значительное распространение 42

Песня радости. — Сложена з. д. искусств Карело-Финской ССР В. П. Гудковым и исполняется ансамблем кантелистов. Благодаря частому исполнению, песня В. П. Гудкова широко известна 43

Спасибо, отец Сталин. — Записано от Гречневой Н. Г. в 1938 г. Ф. Титковой. Перевод с карельского Ив. Пажлакова 44

Самое дорогое. — Записано в 1937 г. от Конашкова Ф. А. Впервые напечатано в сб. „Творчество народов СССР" 46

Про новую конституцию расскажу я вам. — Записано от Хотеевой М. М. в 1937 г. К. Ф. Беловой. Перевод с карельского и литературная обработка Н. Богданова 50

О Сталине. — (Отрывок из былины). Записано от Горшкова П. Г. в 1938 г. Е. П. Родиной 53

Первый депутат. — Русские и карельские частушки; записаны в 1937 г. и 1938 г. в различных районах Карелии 54

Былина о Сталине. — Записана от Туруева Т. Е. в 1938 г. на карельском и русском языках 56

Новая жизнь. — Записано от Пугачевой Т. Ф. в 1938 г. Е. П. Каллио. Перевод с карельского В. Бокова 59

Молодость. — Записано от Ремсу М. А. в 1938 г. Ив. Пажлаковым. Перевод с карельского В. Ф. Бокова 60

ЗАЩИТА РОДИНЫ

Былина о Ворошилове. — Записана от Рябинина-Андреева П. И. в 1938 г. В. Чистовым. Печатается без вступительной части 65

Сказ о Тойво Антикайнене. — Записан от Хотеевой М. М. в 1937 г. Перевод с карельского Ив. Пажлакова. В переводе сохранен сказовый характер оригинала 69

Стр.

Партизанский отряд. — Записано от группы бывших партизан В. Чистовым в 1937 г. Песня была популярна в годы гражданской войны в отряде, в котором сражались и рабочие Онежского завода. Опубликовано в сб. „Песни и сказки на Онежском заводе". Петрозаводск 1937 70

Песня о красном десанте в Видлицах. — Записана от Никифоровой А. Ф. Перевод с карельского 71

Былина о Тойво Антикайнене. — Записана от Рябинина-Андреева П. И. в 1938 г. В. Чистовым. Тойво Антикайнен — командир похода на Кимас-озеро, сыгравшего большую роль в боях за Советскую Карелию; впоследствии — руководитель финской компартии. Был приговорен белофинским правительством к пожизненному заключению, в 1940 г. вернулся в СССР. Депутат Верховного Совета СССР . . 73

Гибель бойца. — Записано от Осипова М. в 1931 году М. Каминской и Н. Тяпонкиной. Переосмысление применительно к новому времени старинной песни о гибели воина 77

Частушки о гражданской войне. — Записаны в различных районах Карелии. № 3 прислана на конкурс Конашковой А. Т. 78

Смерть Чапаева. — Записано от Коргуева М. М. в 1937 г. А. Н. Нечаевым. Сказка напечатана в сб. „Творчество народов СССР" и сборниках сказок Коргуева (Ленинград, 1938 г. и Петрозаводск, 1939) . 79

Былина о Чапаеве. — Записана от Рябинина-Андреева П. И. в 1936 году М. И. Костровой. После этого незначительно переработана сказителем и дается нами в повторной записи. Наиболее часто исполняется из всех сложенных П. И. Рябининым былин 83

О Чапаеве. — (Отрывок из былины). Записано от Туруева Т. Е. на карельском и русском языках в 1938 г. Ф. Фомкиным. Т. Е. Туруев сложил свою былину после того, как услышал былину П. И. Рябинина. Теперь былину о Чапаеве воспринял также сказитель И. Т. Фофанов (Пудожский р-н), слышавший ее на конференции сказителей в Петрозаводске летом 1939 г. 89

Песня пограничников. — Записано от К. Петешова — красноармейца-пограничника в 1938 г. Повидимому, это стихотворение какого-либо поэта-красноармейца, получившее распространение в некоторых военных частях 94

Мое слово. — Записана от Ремсу М. А. в 1938 г. Ив. Пажлаковым. Перевод с карельского С. В. Гинзберг. Переведено по точному подстрочнику. Ритм подлинника выдержан 95

Песня о поимке шпиона. — Записано от Никифоровой А. Ф. Перевод с карельского засл. деят. искусств Карело-Финской ССР В. П. Гудкова 96

Про Ивана богатыря. — Записано от Конашкова Ф. А. в 1937 г. 97

Плач по мужу, убитому на границе. — Записан от Раниковой П. З. в 1937 г. М. Михайловым 100

Как не туча ли, туча черная. — Сложено сказительницей Конашковой А. Т. летом 1938 г. 102

Былина о бойце Зырянове. — Прислана сказителем Кигачевым Н. В. в октябре 1938 г. В письме к сотруднику КНИИК А. Д. Соймонову, сказитель просит перепечатать былину на машинке: „Эту былину напечатай сразу же и отправь к нам в деревню Тубозеро". Былина сложена в связи с газетным сообщением о геройской смерти бойца Зырянова на дальневосточной границе 104

Стр.

Частушки. — Собраны в различных районах Карелии 106

Моя любушка хороша. — Записано от Конашкова Ф. А. в 1938 г. Е. П. Родиной. Песню слышал в своем колхозе 107

Частушки (озеро Хасан). Присланы на конкурс Макаровой Е. Г. 108

ЖИЗНЬ СОВЕТСКАЯ

Чем Москва прославилась. — Записано от Пашковой А. М. в 1938 г. А. Н. Антиповой 111

Жизнь без кулака. — Записано от группы молодежи в Вокнаволоке (Калевальский район). Перевод с карельского Ив. Пажлакова 115

Как бы вернуть нам лета свои снова. — Записано от Гречневой Н. Г. в 1938 г. Ф. Титковой. Перевод с карельского В. Бокова 117

Песня о стахановцах. — Записана от рабочих Онежского металлургического завода (г. Петрозаводск) в 1938 г. А. Сомойновым. Опубликована в сб. „Песни и сказки на Онежском заводе", Петрозаводск, 1937 118

Песня лесорубов. — Сложена и поется колхозным хором Петровского района. Перевод с карельского В. Бокова 120

Частушки о лесе. — Собраны в различных районах Карелии; № 1—3 перевод с карельского. Образы подлинников сохранены 121

Песня о тракторе. — Записана от Маликиной А. С. Перевод с карельского Ив. Пажлакова. Сложено при появлении трактора в колхозе. Образы оригинала сохранены 123

Колхозная песня. — Записана от Лукиной Е. Д. в 1932 г. М. Каминской и Н. Тяпонкиной 124

Колыбельная. — Записана от Тугосовой в 1938 г. В. И. Кононовым. Перевод с вепсского Н. Богданова. Ритм оригинала сохранен 125

Давай дружней работать! — Записано в дер. Выгостров, Беломорского р-на в 1937 г. Л. Громовым. Песня-стихотворение, подхваченное хоровым коллективом 127

Песня о коллективном огороде. — Записана от Лукиной Е. Д. и Корешковой А. Н. в 1932 г. М. Каминской. Сложена песня в 1927-1928 году 128

Колхозница. — Записано от Пашковой А. М. в 1938 г. А. Н. Антиповой . 129

Мы врагов советской власти били, бьем и будем бить—(русские и карельские частушки). Записаны в различных районах Карелии. №№ 3 и 6 присланы на конкурс 132

По тебе, Сергей Миронович, плачет вся земля советская. — Прислано Журавлевой Е. С. в 1938 г.; 1 декабря 1938 г. Журавлева собрала в своей избе односельчан и исполняла этот плач 134

Любимый Сергей Миронович. — Записано от Ильиной А. Е. перевод с карельского и литературная обработка Н. Богданова. Оригинал характерен обилием уменьшительно-ласкательных имен, что отражено и в переводе 138

Причеть о Горьком. — Записано от Мелеховой О. М. в 1938 г. Е. П. Родиной 140

Стр.

Коммунистов с беспартийными блок единый создадим. — Частушки записаны в различных районах в 1937 г. и 1938 г. 142

Десять дней ожидала я гостя. — Записано от Гавриловой Е. Г. в 1938 г. К. Ф. Беловой. Перевод с карельского Ив. Пажлакова 144

Песня о Папанине. — Сложена засл. деят. искусств Карело-Финской ССР В. П. Гудковым. Исполняется карельским ансамблем кантелистов. Приобрела широкую известность в Карелии 145

Песня о папанинцах. — Записана от Мелеховой О. М. в 1938 г. Ф. Титковой. Перевод с карельского и литературная обработка Н. Богданова 147

Во славу советов. — Песня-стихотворение исполняется Олонецким районным хором. Через хоровой коллектив получило распространение 148

Ледяное царство. — Запись от Свиньина Ф. Н. в 1938 г. Е. П. Родиной 150

Былина о папанинцах. — Записана от Самылина М. Е. в 1938 г. А. Н. Антиповой в период возвращения папанинцев после знаменитого дрейфа на льдине. Повторная запись 156

Былина о челюскинцах. — Зап. от Самылина М. Е. в 1937 г. В. Чистовым. За два месяца до записи былины, другой собиратель (М. Михайлов) посетил Самылина, рассказал ему о челюскинской эпопее и натолкнул на мысль о создании былины 161

Плач по героям летчикам, разбившимся под Архангельском. — Записано от Быковой Ф. И. в 1938 г. В. Чистовым. 18 мая 1938 г. при старте самолета потерпели аварию и погибли (близь Архангельска) герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР М. М. Бабушкин, Н. Т. Жутовский и др. 166

Колыбельная. — Прислана на конкурс Макаровой Е. Г. в 1938 г. 168

Спи сыночек. — Записано от Быковой Ф. И. в 1938 г. В. Чистовым . . . 169

Плач о герое Чкалове. — Прислан сказительницей Быковой Ф. И. 19.I 1939 г. 170

Красные орлята. — Записано от Господарева Ф. П. в 1938 г. Н. Новиковым. Аллегорическая сказка о завоевании севера 172

Пословицы и поговорки. — Записаны в различных районах Карелии . . . 176

Местные поговорки. — О Повенце и Медвежьей Горе — Записаны в Медвежегорском районе. Последняя поговорка („Справа море") записана в 1938 г. в Космозерском с/с, Заонежского района 177

Загадки. — Записаны в Олонецком, Заонежском и других районах 178

Хорошо в колхозе жить. — (Частушки). Записаны в различных районах Карелии 179

Как я чай варила. — Записано от Воробьева М. А. в 1938 г. и переведено с карельского Ив. Пажлаковым 181

Теперь женщине дорожка просторная. — Записано от Пашковой А. М. в 1937 г. А. Н. Антиповой. После этого сказ незначительно переработан сказительницей. Впервые напечатан в Ц. О. „Правда", 27 июня 1939 г. № 176 под заголовком „Сказ о колхозных яслях". 183

Колыбельная. — Записано от Мелькиной А. С. в 1938 г. В. И. Кононовым. Перевод с вепсского В. Ф. Бокова 186

Стр.

Как я на Красную площадь попала. — Записано от Парамоновой М. С. в 1938 г. Е. Ленсу и Л. Хайкиной. Печатается с небольшими сокращениями 188

Песня о путешествии Марии Ремсу. — Записана от Ремсу М. А. в 1936 г. Перевод с карельского 191

Непрерывная песня. — Записана от Ремсу М. А. в 1938 г. Перевод с карельского В. Бокова 193

Мы построили канал. — Частушки присланы на конкурс в 1938 г. Конашковой А. Т. и Макаровой Е. Г. 194

Частушки о лодыре. — Записаны в различных районах 196

Хороводная. — Записано от Сидоровой К. П. в 1938 г. В. И. Кононовым Перевод с вепсского Н. И. Богданова. Ритм и словарь подлинника сохранены 197

Русская плясовая. — Записано от Конашковой А. Т. в 1938 г. 199

Колхозная плясовая. — Сложена и исполняется вепсским Шелтозерским хором. Перевод с вепсского В. Ф. Бокова. Ритм и словарь подлинника сохранены 200

Сказители, произведения которых вошли в сборник 202

Оглавление и краткие примечания 205

Отв. редактор *А. Н. Лозанова*

Техн. ред. *Б. Я. Бибер-Сендер*

Художеств. оформление книги
В. М. Агапова

Сдано в набор 4/IV 1940 г. Подписано к печати 16/VII 1940 г. В 1 печ. л. 19.200 зн. Объем 14,5 п. л. Уч.-авт. л. 12,25. Уп. Главлита КФССР В-3968. Бум. 60×92 Тираж—10.000 экз. Зак. № 2952.

Типограф. арт. „Сов. Печатник". Ленинград, Моховая, 40.

1985

6